

ГЕНРИ ЛАЙОН
ОЛДИ

Вселенной никогда не быть прежней

БЛУДНЫЙ СЫН,

ИЛИ ОЙКУМЕНА:
ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Книга II. БЕГЛЕЦ

Annotation

Ойкумена на пороге войны. Три могучие цивилизации стягивают боевые флотилии к месту будущего сражения. Аскеты-брамаины, волки Великой Помпилии и Ларгитас, флагман технического прогресса – все готовы вцепиться друг другу в глотку. Причина раздора – маленький мальчик, чудо из чудес. Даже антисы, исполины космоса, гуляющие пешком между звездами, нарушают свой нейтралитет. Заговоры, интриги, политические скандалы, секретные операции, а в подземном бункере отец и сын выстраивают хрупкую лесенку доверия и любви. Куда приведет их эта лестница? Неужели в небо?!

«Блудный сын» – пятый роман эпопеи «Ойкумена», давно заслужившей интерес и любовь читателей. «Космическая симфония» была написана Г. Л. Олди десять лет назад, а в «одной далекой галактике» год идет за два – не зря у нового романа есть подзаголовок «Ойкумена: двадцать лет спустя».

Что дальше? Вселенной никогда не быть прежней.

- [Содержание](#)
 -
 - [Пролог](#)
 - [Часть первая](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Контрапункт](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Контрапункт](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Контрапункт](#)
 - [Часть вторая](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Контрапункт](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Контрапункт](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Контрапункт](#)
 - [Часть третья](#)
 - [Глава седьмая](#)

- [Контрапункт](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Контрапункт](#)
 - [Глава девятая](#)
 - [Контрапункт](#)
- [Эпилог](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)

Генри Лайон Олди

Блудный сын, или Ойкумена: двадцать лет спустя. Книга вторая. Беглец

© Г. Л. Олди, 2018

© А. Семякин, иллюстрации, 2018

© В. Бондарь, иллюстрация на обложке, 2018

© Оформление. ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2018

Издательство АЗБУКА®

Пролог

Я считаю, что истинная физиология мозга начнется с изучения механизма телепатии. Телепатия – это не только одна из функций или потенциальных возможностей мозга, а сам мозг в неизвестной нам форме. Мгновенность – вот самое удивительное. Мгновенность и проницаемость: последнее качество обязательно сопровождает первое.

Но есть еще одно качество телепатии – это повсюдность, т. е. проницаемость повсюду. Это величайшее качество мозга как мирового излучателя и резонатора, объединяющего Вселенную. Если телепатическая функция перейдет со временем в «самое существо мира», весь Космос станет единым мозгом. Назовем это состояние «лучистым», хотя, говоря откровенно, я не знаю, как лучше назвать такое состояние материи.

Может быть, его следует назвать телепатическим полем мира?

Константин Челковцев. Грезы о земле и небе

– Детка, чего ты ломаешься?

Действительно, подумал Боров. Чего я ломаюсь?

– От тебя что, убудет?

Не убудет, подумал Боров. Скорее прибавится.

– Гляди, – развивал идею Глист. – Мы ложимся на полу. Ты – здесь, я – здесь. Валетом, если ты меня стесняешься.

Глист хихикнул. Сам он не стеснялся ничего на свете.

– Койки отдаем соседям. Раз, два...

Глист считал койки с нарочитой педантичностью, загибая пальцы, проверяя себя и перепроверя заново. Издевался? Намекал, что не так давно коек в каюте было меньше двух? Ну да, было, пока в каюту к Борову не подселили Глиста. Это случилось три года назад, но всякий раз Боров при виде Глиста вспоминал, какая существенная разница между определениями «старший механик» и просто «механик». Например,

отдельная каюта сразу превращается в общую. Хорошо еще, что коек стало две, а не три.

– Детка, чего ты ломаешься?
Действительно, подумал Боров. Чего я ломаюсь?

– Широкие, – добавил Глист, определившись с количеством

«лежбищ». – Можно парами укладывать. В тесноте, да не в обиде.

– Задохнемся, – буркнул Боров.

– Ничего, перетерпим. И вообще, готовься пострадать. Страдания – они людям на пользу. Вон у брамайнов от них даже ресурс растет.

Лучше бы ты заткнулся, подумал Боров. Кровь ударила в голову, щеки загорелись нездоровым румянцем. Брамайнов Боров ненавидел. Из-за брамайнов – точнее, из-за одной-единственной сволочной брамайни – он утратил все: высокую должность, отдельную каюту, прибавку к жалованью. «Вкусняшка» с тех пор ходила только в позорные каботажные рейсы: с Ларгитаса на Сону, спутник родной планеты механика Вандерхузена, и обратно. Курортная Сона, как говаривал острый на язык Глист, концертила, фестивалила и конференцилась, а значит, жрала в три горла. Трюмы забивались деликатесами, холодильники едва справлялись с нагрузкой, зато фильтры кондиционеров не справлялись вовсе. Смачные запахи бродили по кораблю, у всей команды рекой текли слюни. Загрузка, полет, выгрузка. Возвращение. Загрузка, полет, выгрузка. В последние месяцы количество рейсов упало – на Соне по неизвестным причинам отменялся фестиваль за фестивалем. Отели вставали на капитальный ремонт, парки – на реконструкцию ландшафта и аттракционов. Количество отдыхающих уменьшалось изо дня в день, отчего стремились к нулю и без того скудные заработки Борова. Загрузка, полет, выгрузка. Обратка порожняком: везти с Соны было нечего, кроме разве что туристов, возвращающихся домой. Иногда Боров в мечтах представлял себе юморную картинку: холодильники переполнены туристами-мерзляками, дремлющими в криосне, и он, Рудгер Вандерхузен, бдит днем и ночью – следит, чтобы груз не разморозился, не протух.

Домечтался, идиот.

– Чтоб вы все сдохли! – с чувством произнес Боров.

– Кто? – не понял Глист.

– Все.

– А-а...

Глист, в сущности, был неплохим парнем, уживчивым. Тощий, верткий, он был Глист и по жизни, и по паспорту – Хлист, Якоб Хлист, третий механик «Вкусняшки». Когда его из общака «на четверых» подселили к проштрафившемуся Вандерхузену, Боров ждал худшего. Свой брат-работяга – это вам не девчонки-энергетки, которых Боров наловчился подхватывать в дороге. От девчонки и пахнет лучше, и глазу приятней, и не только глазу. Ничего, Глист вписался на раз. Спал как убитый, тише тихого – Боров поначалу опасался, что Глист храпит. Штурман предупредил

Борова, что Глист ходок по мужскому делу. Мол, если начнет приставать, надо сразу в морду, чтобы понял. Оказалось, розыгрыш, подстава. Глист с порога помянул штурмана: не верь, братан, он всем так про меня врет. Злится, вот и врет...

«За что? – спросил Боров. – За что злится, а?»

«Рыло я ему начистил».

«За что?!»

«За то», – туманно объяснил Глист.

Если с Глистом дело наладилось, то капитана Боров боялся по сей день. Кэп ничем не показывал, что знает, из-за кого «Вкусняшку» загнали на мелкий каботаж, но Боров-то понимал: знает. Команда не в курсе, иначе уже устроили бы темную, со свету сжили бы, а кэп ушлый, головастый. Хмурится, молчит, винит Борова во всех бедах. Его небось и сверху предупредили: «Взял твой парень левую девчонку? Взял. Кто не уследил? Кто был в доле? Кто молчал да покрывал? Теперь мучайся, плати по счетам». Случалось, во взгляде капитана Боров читал – или полагал, что читает? – острое желание уволить механика Вандерхузуна к чертям собачьим. Дальше взгляда дело не шло, Боров по-прежнему числился в составе команды. Почему? Должно быть, кэп имел на штрафника личные планы. Власти Ларгитаса из кожи вон лезли, стараясь зазвать к себе Мирру Джутхани, мать первого ларгитасского антиса, и капитан «Вкусняшки» надеялся, что, если властям это удастся, им с Боровом выйдет послабление, а то и награда.

Иногда Боров думал, что жизнь чертовски несправедлива. Кто девчонку на борт принял? Старший механик Вандерхузен. Из-за кого девчонка антиса родила? Из-за старшего механика Вандерхузуна. Нет, тот парнишка, телепат, тоже поучаствовал – только его дело маленькое, сунул-вынул, а куда бы он, дурачина, совал, если бы не старший механик Вандерхузен? То-то же! Старший, а теперь просто механик Вандерхузен первому ларгитасскому антису кто? Второй отец, а может, даже и не второй! С кем сучка-брамайни спала всю дорогу на Шадруван? Такому достойному человеку и гражданину что надо дать? Орден, государственную премию, пенсион до конца дней! А что дали человеку и гражданину? Вспомнишь – плюнешь...

От нервов он стал много есть. Много? Ну, больше обычного. Случалось, воровал из хранилищ. Двигаться стал мало, тоже от нервов. Мало? Ну, почти перестал. Где тут на корабле двигаться? Разве что умом двинешься, и ладушки. Возвращаясь на Ларгитас, Боров всякий раз давал себе зарок купить абонемент в тренажерный зал. Нет, зал – это морока.

Лучше сходить в центр биоэнергетической клеточной коррекции. А еще лучше заглянуть на прием к врачу-телепату: поставить в мозг усилитель воспоминаний о еде на уровне сенсорного восприятия. Говорят, помогает в лучшем виде. Все время помнишь, что сытно поел, и голод не мучит. Да, зарок. Так, с зарок, трясся животом и пыхтя от стыда, Вандерхузен и улетал в очередной рейс.

– Семеро! – отрапортовал Глист.

– Откуда? – возмутился Боров. После большой несправедливости он стал очень чувствителен к мелким. – Мы с тобой на полу. Койки две; если парами лягут – еще четверо. Всего шесть, так?

Глист ухмыльнулся:

– Седьмой с нами ляжет, ближе к двери.

– С нами?!

– Ага. Гляди, ты лежишь так, я так. – Глист жестами вычертил на полу что-то вроде меловых фигур. Похожие контуры рисуют в ретрофильмах на месте убийства. – Тут, у двери, свободное место. Седьмого положим, если не слишком крупный. Подросток точно влезет...

– Разыгрываешь?

Глист не ответил.

Приказ упал как снег на голову. По всем жилым каютам было велено произвести замеры: сколько человек «Вкусняшка» может принять на борт сверх команды? Отдельно замерялись коридоры, служебные помещения и грузовые трюмы. Боров сгоряча решил, что сбылась его мечта – холодильники с туристами-мерзляками, – но мехбригаде отдельным распоряжением поручили рассчитать вариант экстренного переключения с охлаждения на обогрев, и мечта рассыпалась хрустальными осколками.

– Ладно, – вслух сказал Боров. В животе у него заурчало: не от голода, от злости. Никогда механик Вандерхузен не мог вычислить заранее, говорит Глист всерьез или готовит розыгрыш. – В каюте семеро. Трюмы набьем под завязку. Бросим матрасы в коридорах. И что? Зачем эти расчеты? Для какой статистики?

– Эвакуация, – разъяснил Глист. – Экстренная.

– Сдурел? Кого мы будем эвакуировать?

– Туристов. С Соны на Ларгитас. В случае вторжения в систему.

Боров похолодел. Это страшный сон, сказал он себе. Это страшный сон, я сейчас проснусь.

– Вторжение?

– Ну да! Ты что, новости не смотришь?

– Смотрю...

– А если смотришь, должен знать! Брамайны не сегодня завтра к нам вломятся антиса отбивать. В системе маневры, каждый день флоты гоняют, аж космос дыбом! А с нас, каботажников, спрос маленький – народ с Соны вывезти. По-быстрому, за один рейс, максимум за два.

– Только с Соны? А с астероидов?

– Рудники военными транспортами эвакуируют. Ты свое дело делай, чужое без тебя устроят.

– Вывезем?

Раньше Боров не понимал, что это значит: проникнуться важностью момента. Вот понял, до печенок проникся.

– Должны, – кивнул Глист.

За миг до того, как Глист шутовски вытянулся по стойке «смирно», Боров увидел соседа в ином свете – увидел воочию, как будто Глист изменился на самом деле, а не в воображении Борова. Китель, ремни, погоны. Фуражка лихо сбита на затылок. Неуставной чуб из-под козырька.

– Старшина первой статьи Хлист! – бодро отрапортовал механик. – Транспортный корабль снабжения «Ловкач». Замначмех ходовой части, пять лет сверхсрочной службы. Награжден знаком отличия «Дубовый венок». К месту новой дислокации прибыл! Какие будут распоряжения?

За спиной отставного старшины, прямо над койкой Глиста, медленно вращалась голограмма – корабль неизвестной Борову конструкции, видимо тот самый «Ловкач». Теперь стало ясно, почему там, где другие вешали «объемники» грудастых красоток, Якоб Хлист предпочел звездолет. Лучшие годы, подумал Боров. Проживи Глист сто пятьдесят лет – и на смертном одре он вспомнит службу как лучшее время своей жизни. А может, единственное, когда он жил по-настоящему.

– Должны, – повторил Глист, выходя из образа. – Во-первых, нас много. Ты что, думал, одна «Вкусняшка» каюты мерит? Все системщики с рулетками бегают. Учения, значит, проверка. Гражданская оборона. Ага, проверка! Ищи дурака! Акселерашку бегом достраивают, авралом. В три смены пашут. Не успеют, нет...

Проект акселерационной «трубы» на силовых полях, связывающей планету со спутником, пошел в разработку семь лет назад. До пуска, если верить новостным каналам, оставалось два-три года минимум.

– А во-вторых, Сону потихоньку сворачивают.

– Как? Как сворачивают?!

Борову привиделся кошмар. Неведомая физика сворачивала Сону в рулон, и там, где раньше в ночном небе блестел спутник Ларгитаса, теперь зияла неприятная дыра.

– Гостиницы ставят на ремонт, пансионаты. Фестивали отменяют. Концерты переносят; ну, типа переносят. На неопределенный срок, без гарантии. Если ты билеты купил – деньги возвращают. Людей все меньше...

– Так надо закрыть Сону, и все! Закрыть для посещений!

Глист рассмеялся:

– И все? Паника, дружище. Паника – страшная штука. Запри нас на Ларгитасе, огороди железным кордоном, распорядись носа наружу не казать – мы же умом тронемся! Пикеты начнем устраивать, требовать не пойми чего. Демонстрации, митинги... Добровольцы в военкоматы рекой хлынут.

– Ну и хорошо!

– Да куда уж лучше! На мясо их солить, добровольцев? Они же необученные, балласт. Кто их на боевой корабль пустит? А если дело до наземной свалки дойдет...

Глист махнул рукой: мол, даже думать не хочется.

– А все ты, – добавил он. – Твоя работа.

– Что – я?

– Из-за тебя все. Ты эту брамайни под нашего телепата подложил. Антис из-за тебя родился. Первый ларгитасский антис...

Глист шагнул к Борову. Взял за пуговицу:

– Мы, знаешь, как тобой гордимся? О-го-го как! И капитан, просто он виду не показывает. Скрытный он, кремень. А так гордится, уважает. Талисманом тебя зовет.

– Кем?

– Талисманом.

Твою ж мать, подумал Боров. В носу у него защипало. Вот они, красавчики. Орден, пенсия, государственная премия. Вот они, и других не надо.

Часть первая

Цель оправдывает средства

Глава первая

Вы, и никто другой, или Если пакость исключена

I

Дорожка, выложенная трехцветной брекчией, еле слышно поскрипывала под ногами. Не сбавляя шага, Тиран протянул руку и погладил пушистую лапу глянцево-зеленой инверсы. На ощупь хвоя была мягкой, шелковистой.

– Сюда, пожалуйста.

Они перешли мостик: ажурную дугу над искусственным ручьем. С виду игрушечный, не способный выдержать даже вес пятилетнего ребенка, мостик спокойно пропустил бы штурмовой танк, даже не покачнувшись.

– Прошу вас.

Тиран отступил в сторону, давая дорогу начальству.

Беседка, куда они вошли, напоминала костер. Темное пламя осеннего плюща охватывало ее целиком. Пробиваясь сквозь завесу листьев, солнце окрашивало людей в сумрачный багрянец.

– Присаживайтесь.

Ротанговая скамейка прогнулась под весом генерал-лейтенанта Ван Цвольфа.

– Зачем? – брюзгливо спросил шеф управления. – Зачем вам понадобилось прилетать сюда лично? Зачем вы вытащили меня из кабинета в парк? Мы прекрасно могли связаться обычным способом...

– Будьте любезны, включите конфидент-поле.

Не дожидаясь реакции начальства, Тиран активировал конфидент-режим на своем коммуникаторе. Секунду помедлив, Ван Цвольф сделал то же самое. Генерал-лейтенант был брюзгой, но дураком он не был. Если Ян Бреслау не хочет разговаривать в кабинете, выгоняя шефа в парк, если он считает, что одного конфиденнта мало, и настаивает на двойном покрытии – разговор пойдет серьезный, и лучше побыстрее добраться до сути, чем тратить время на пустые пререкания.

– Спасибо, – кивнул Тиран. – Перейдем к делу. Итак, меня посетил Скорпион...

– Покушение? – деловито уточнил Ван Цвольф. – Вам подбросили скорпиона? Вы кого-то подозреваете, Бреслау?

Шеф замолчал. Кажется, до него дошла разница между «подбросили» и «посетил».

– Скорпион? – хрипло повторил он. – Вы имеете в виду сякконских палачей? Этого не может быть!

Тиран развел руками: может.

– Как он вошел? Куда смотрела охрана?!

Тиран ждал, пока шеф успокоится. Вопросы не требовали ответа: Ван Цвольф отлично знал, что Скорпионы входят без спроса, а охрана смотрит туда, куда ей велят Скорпионы. Начальство просто сбрасывало возбуждение, не рассчитывая на комментарии подчиненных. Тиран вспомнил, сколько времени он сам приходил в себя после Скорпионьего визита, и отметил, что Ван Цвольф еще неплохо держится.

– Чего он от вас хотел, Бреслау?

– Информации.

– Какой именно?

Судя по голосу, к шефу вернулось самообладание. Судя по цвету лица... В этой беседке у обоих мужчин был такой цвет лица, словно их вот-вот хватит апоплексический удар.

– Одну минутку...

Вместо ответа Тиран нашел на коммуникаторе соответствующую аудиозапись и включил воспроизведение.

– Бреслау-сан, – прозвучал мягкий, обманчиво доброжелательный голос, – клан дает вам шесть месяцев. Ваша задача – собрать убедительные доказательства вашей невинности в гибели доктора Ван Фрассен. Собрать и предоставить клану. Через полгода я приду за ними и надеюсь, что клан сочтет доказательную базу исчерпывающей. Спокойной ночи, господа! Не провожайте меня, я найду дорогу.

– Не провожайте, – буркнул Ван Цвольф. – Как будто я собирался...

– Это он не вам, – пояснил Тиран.

– Кто был с вами во время его визита?

– Гюнтер Сандерсон.

– Как вы допустили? Какое вы имели право рисковать кавалером Сандерсоном?!

– Мальчик – телепат. Мальчик примчался меня защищать. Я знать не знал, что он почует Скорпиона – и ринется на подмогу.

– Ладно, не оправдывайтесь. Извините меня, Бреслау. Я взволнован, вот и нападаю на вас. Сказать, что я потрясен – значит ничего не сказать. Только Скорпионов нам в нашей банке не хватало... Прокрутите еще раз.

– ...клан дает вам шесть месяцев...

Шеф внимательно слушал.

– ...убедительные доказательства вашей невиновности в гибели доктора Ван Фрассен... Через полгода я приду за ними... надеюсь, что клан сочтет доказательную базу исчерпывающей...

– Почему они винят вас, Бреслау?

– Воспоминания. У них в руках. – Тиран замялся, понимая, что оборот «в руках» сомнителен, а оборот «в мозгах» прозвучит глупо. – Они заполучили воспоминания человека, подготовившего авиакатастрофу «Стрекозы». Джеон, храм Ма-А'рих...

– Я помню, – отмахнулся Ван Цвольф. – Дальше!

Желая избежать лишних объяснений, Тиран включил запись:

– Допустим, пассажиры «Стрекозы» погибли в подстроенной аварии...

До встречи с начальством Ян Бреслау раз двадцать прослушал свою беседу со Скорпионом. Казалось бы, должен был привыкнуть. Ничего подобного, сейчас слова сякконца звучали приговором даже в большей степени, чем раньше, когда Тиран внимал им без свидетелей, если не считать молодого Сандерсона.

– ...тогда вы, Бреслау-сан, виновны в их смерти. Причина меня не интересует, только вина. Допустим, в упавшей «Стрекозе» были найдены трупы совсем других людей. Но на Ларгитасе состоялись похороны несчастных, и, значит, вы в курсе, что произошло с дипломатом Зоммерфельдом и его спутниками. Если они мертвы, вы, скорее всего, опять же виновны в их гибели...

И заключительная реплика:

– Если вы – виновник ее смерти, отвечать будете вы, и никто другой.

– Еще раз! – велел генерал-лейтенант.

– Если вы – виновник ее смерти, отвечать будете вы, и никто другой.

– Еще!

– ...вы, и никто другой.

Ван Цвольф кивнул:

– Вы, и никто другой. Никто другой, только вы.

Ян Бреслау еле сдержался, чтобы не задушить шефа. Порыв к рукоприкладству был не из тех, которые часто посещали Тирана, но визит Скорпиона ударил по Бреслау сильнее, чем хотелось бы. Железная выдержка дала трещину. Распоряжаться судьбами других, пусть даже и расплачиваясь за это угрызениями совести, оказалось проще, чем отдать свою собственную судьбу в чужое распоряжение. Полгода, отпущенные ему палачом сякконского клана телепатов, Тиран воспринял как диагноз смертельной болезни. Известно заболевание, известен срок, назначенный

природой. В случае отсутствия лечения – смерть. Нет, не смерть – хуже. Орудиями пытки Скорпионы выбирают родственников приговоренного, его друзей, близких людей. Жестоко? Несправедливо? На Сякко особенные представления о справедливости и милосердии. Когда Скорпионов выпускают из банки, их задача – сделать так, чтобы в итоге людей трясло от одной идеи причинить вред членам клана. Ян Бреслау отметил, что его трясет, значит метод работает. Друзей у меня нет, подумал он. Близкие люди? Тоже, пожалуй, нет. Жена? Дочь? Бывшая жена, с которой они давно развелись? Если уж сякконец возьмется за семью... Тиран поймал себя на мысли, что просит, умоляет Скорпиона выбрать в качестве инструмента бывшую жену, – и содрогнулся от омерзения к самому себе. Я надеялся, подумал он. Надеялся, что смогу переложить ответственность на чужие плечи. Что Ван Цвольф примет решение, а мне останется только выслушать его... Как мне поступить? Что предпринять?!

И Ян Бреслау, носящий прозвище Тиран, пошел кратчайшим путем.

– Я подготовил рапорт, – произнес он, стараясь, чтобы голос звучал как обычно: ровно и сухо. – Я прошу вас разрешить мне ознакомить Скорпиона с обстоятельствами исчезновения доктора Ван Фрассен.

Кратчайший путь закончился, не начавшись.

– Нет, – отрезал шеф. – Запрещаю.

В беседке, похожей на костер, Тирану стало жарко. Кровь ударила в голову, в ушах поселился комариный писк.

– Причины отказа?

– Эта информация засекречена. Вы давали подписку о неразглашении.

– Не думаю, что мой отчет пойдет дальше сякконского клана. Им неинтересны секреты такого рода. Их интересует другое: виновен я в смерти Регины Ван Фрассен или невиновен.

– Эта информация засекречена, – повторил генерал-лейтенант. Пальцы левой руки Ван Цвольфа беззвучно барабанили по колену: быстро, быстрее, еще быстрее. – Как высокопоставленный сотрудник Управления научной разведки, вы не имеете права разглашать ее постороннему. Кроме того...

Он помолчал. Лишь пальцы продолжали отбивать дробь.

– Кроме того, вы отлично помните, по какой причине закрылся Саркофаг на Шадруване.

О да, Тиран помнил. Он прекрасно помнил, как во время экстренного сеанса гиперсвязи с экспедицией, высаженной в Скорлупу – еще расколотую, еще не ставшую Саркофагом, – в разговор вклинился адмирал Шармаль, командующий Третьим флотом ВКС Элула. «Десанта не будет, – сообщил гематр, холодный как ледник в горах. – Повторяю: десанта не

будет. Наземный цирк, окруженный тем, что вы называете Скорлупой, подвергнется бомбардировке. Все живое в цирке будет уничтожено. Все материальные объекты будут уничтожены. Цирк будет заражен радиацией, исключаяющей нахождение человека даже в спецсредствах защиты». И добавил с космическим равнодушием: «Мне очень жаль». Вы за это ответите, угрожал Тиран. Вы не имеете права! «Официально планета необитаема. – Гематр пожал плечами. – За что мне отвечать?» Там люди, кричал Тиран. «Там никого нет. – Адмирал был непреклонен. – И вы, Бреслау, понимаете это не хуже меня. Вы так старались, чтобы там никого не было. Ни единого свидетельства, прошедшего регистрацию в канцеляриях Лиги. Ни одного официального документа в вашу пользу...»

Он помнил это так, будто трагедия случилась вчера.

– Бомбардировка Шадрувана гематрами. – Произносить это вслух не было нужды, но генерал-лейтенант Ван Цвольф отчеканил три слова так, словно заколотил тремя гвоздями крышку Тиранова гроба. – Вы не сможете озвучить Скорпиону обстоятельства дела, не упомянув гематров и бомбы, упавшие на Шадруван. Полагаю, гематры сильно обидятся, узнав, что мы делимся такими сведениями с Сякко. Даже учитывая форс-мажорные обстоятельства...

«Даже ради спасения вашей жизни, Бреслау» – вот что прозвучало на самом деле. Три гвоздя, вздрогнул Тиран. Три слова, три гвоздя. Гроб заколачивают четырьмя гвоздями. Почему медлит четвертый?

Он цеплялся за соломинку.

– Я все-таки отправлю рапорт.

– Отправляйте, – кивнул шеф. – Я изучу его. И еще, Бреслау... – Ван Цвольф встал. – Хорошо, что вы доложили мне о визите Скорпиона. Хорошо, что вы сделали это по собственной воле, без принуждения. Это говорит в вашу пользу. Я вам верю, Бреслау. Вы меня никогда не разочаровывали.

Луч солнца, прорвавшись сквозь завесу листьев, зажег нимб над головой Тирана. Тиран не видел нимба, но чувствовал: есть, горит. Юмор судьбы нравился ему даже меньше, чем похвала начальства.

II

– Я рад представить нашего сегодняшнего гостя! Я вдвойне рад, потому что он не нуждается в представлении!

Ведущий полит-шоу «Махаратха», самой рейтинговой программы на

канале «Чайтра-1», сияет так, что в плазменных софитах нет никакой надобности.

– Духовный лидер расы! Учитель и подвижник! – Знаки восклицания он вбивает, как гвозди, прямо в мозги благодарной публики. – Встречайте: уважаемый Вьяса Горакша-натх! Он любезно согласился дать нам эксклюзивное интервью в прямом эфире и ответить на ряд животрепещущих вопросов.

Изображение в контрольной сфере плавно смещается. Оператор кивает: «Вы в кадре». Горакша-натх поднимает правую руку, приветствуя зрителей *ардха патака мудрой* – символом жизни и благословения. Повисает непредвиденная пауза: ведущий ждет, что гуру что-нибудь скажет, но йогин молчит.

– Речь у нас пойдет, – частит ведущий, торопясь восстановить ритм действия, – о чайтранском антисе Натху Джутхани. О ребенке, вероломно похищенном техноложцами Ларгитаса! Буря справедливого гнева всколыхнула все планеты расы Брамайн! Учитель, вы были первым, кто во всеуслышание поведал народу правду об этом возмутительном преступлении. Наши зрители хотят услышать от вас: как вы оцениваете нынешнее развитие событий? Достаточно ли усилий прилагает правительство для возвращения мальчика на родину?

Гуру еле заметно пожимает плечами:

– Любые усилия следует оценивать по результату.

– Да! Да!!!

– Лишь достигнув цели, мы можем сказать, достаточно ли потрудились.

– Трижды да!

– Но у меня сложилось впечатление, что наше правительство не совсем верно оценивает ситуацию в целом.

– Даже так? Что вы имеете в виду?! – Глаза ведущего загораются неподдельным интересом: наклеывается скандал, а значит, сенсация. – Поясните, пожалуйста.

– У меня к вам вопрос. К вам и ко всем зрителям. По какой причине мы добиваемся возвращения Натху Джутхани домой, в лоно расы Брамайн?

Ведущий теряет дар речи. В вопросе кроется подвох, но какой именно? Мешкать с ответом, теряя лицо, тоже нельзя.

– Это же очевидно! – Растерянность прячется за щитом добродушной улыбки. – Натху – брамайнский антис! Ларгитас обязан вернуть его нам!

– А Ларгитас утверждает, что отцом Натху является Гюнтер Сандерсон, гражданин Ларгитаса. Следовательно, они имеют на мальчика

точно такие же, если не большие права. Нам известно, что душа человека, влекомая кармой, поселяется в мужском семени, дабы невозбранно упасть в материнское лоно...

– Это ложь! – Ведущий издает горлом странный звук: икает или готов раскашляться. – Грязная пропаганда!

– Вы о душе, влекомой кармой?

– Нет! Кто я такой, чтобы подвергать сомнению знание древних? Я о правах Ларгитаса на ребенка. Это невозможно! Тысячу раз невозможно! Миллион!!!

– Почему?

Нервным жестом ведущий поправляет тюрбан. Тюрбан сидит идеально, но прикосновение пальцев к гладкому шелку успокаивает.

– Учитель, вы хотите, чтобы я озвучил общеизвестную истину? Извольте. Расовые свойства не передаются при смешанных браках. Следовательно, ларгитасец не может быть отцом Натху Джутхани!

– В ответ ларгитасцы ссылаются на эксперимент профессора Штильнера, когда расовые свойства были успешно переданы детям от смешанного брака. Напоминают о волновом слежке Натху: его спектр не полностью соответствует спектру брамайнского антиса. Также они приводят данные генетической экспертизы...

– И вы верите их лживым заявлениям?!

То, что ведущий отваживается вновь перебить гуру, объясняется лишь его потрясением. Рушатся устои, мир катится в тартарары: духовный лидер расы выступает в защиту подлых техноложцев!

– Мою личную веру оставим в покое. Я просто хочу продемонстрировать вам и всем зрителям: мы идем по неверному пути. Сосредоточились на пустяках, упуская из виду суть дела. Представьте на миг, что завтра Ларгитас выдвинет неопровержимые доказательства отцовства Гюнтера Сандерсона...

– Не могу!

– Чисто теоретически?

– Не могу!!!

– А я могу. И что тогда? Мы отступимся?

– Нет!

– Прекратим попытки вернуть Натху?

– Ни за что!

– Но почему? Если вдруг окажется, что Гюнтер Сандерсон – его отец? Что Ларгитас в своем праве?

– Тысячу раз нет! Не отдадим!

– Правильно. И я вам отвечу почему.

Гуру встает, выпрямляется во весь рост. Оператор на высоте: успевает сменить план, пока йогин поднимается из кресла. Теперь Горакша-натх в кадре целиком – так, как он и рассчитывал.

– Не имеет значения, сколько процентов брамайнской крови течет в жилах Натху. Не важно, кто его отец. Важно, что Натху – антис. Наш антис! Аватара Марути Озорника, великого бессмертного. Мальчик вышел в большое тело и выжил в открытом космосе среди чудовищ. Это ли не чудо храбрости? Уходя в волну, мальчик уберег свою мать от последствий «горячего старта». Это ли не чудо любви? Его отец техноложец? Это ли не чудо из чудес?! Это послание нашей расе. Невозможного нет, говорят боги. Даже если Натху не вполне чист как брамайн по крови – он брамайн по духу больше, чем вы или я. «Узрите, – говорят боги. – Узрите путь! Если божественный дух пробудился в этом мальчике – тот же дух способен пробудить в себе каждый из вас!»

Отметив восторг, написанный на лице ведущего, гуру подводит итог:

– Натху – чудо, дарованное свыше. Мы будем достойны этого чуда. Мы вернем его любым путем, любыми средствами.

– Любыми, учитель?

Голос ведущего дрожит.

– Да, – спокойно отвечает йогин. – Никакая цена на этом пути не будет чрезмерной.

* * *

На входе в антический центр его просят приложить ладонь к папиллярному идентификатору. Еще три недели назад в холле «Велета» не было ни идентификатора, ни турникета. Пост охраны имелся, но выглядел несерьезно, как и скучающий вахтер: пожилой дядька в мешковатой, вечно мятой куртке. Теперь все преобразилось: морозные отблески титанопласта, блеск армированного плексанола, эмиттеры силового поля, камеры наблюдения, системы оповещения, пульт управления... За пультом окопался бритоголовый оператор с фигурой атлета. Компанию ему составляют трое бдительных охранников: форма идеально подогнана, на поясе – оружие и портативные генераторы защитного поля.

Подобные меры предосторожности кажутся гуру излишними, но не в его привычках соваться со своим уставом в чужую обитель. Йогин прикладывает ладонь куда следует, охранник глядит в «контрольку» и

молча кивает: «Проходите». Кивая, он уже набирает какой-то код – выполняет инструкцию, сообщая о посетителе кому положено.

Больше его не задерживают. Впрочем, поднимаясь на второй этаж, где располагается кабинет генерала Бхимасены, гуру ощущает на себе пристальное внимание устройств слежения. Знакомое чувство: Горакша-натх привык к нему, навещая Мирру Джутхани.

– Заходите, Вьяса-джи. Пять минут...

Генерал сверяется со строкой таймера, мерцающей в нижней части развернутой перед ним голосферы:

– Пять минут и двадцать три секунды, и я всецело в вашем распоряжении.

В сфере идет штурм. Люди в серой форме без знаков различия атакуют укрепленный пункт. Они уже внутри, пробиваются на нижние ярусы. Каменные кишки подземелий изрыгают фагоцитов-защитников в мундирах цвета песка, высушенного солнцем. Звук генерал выставил на минимум, до гуру едва доносится рваный треск выстрелов. Кажется, где-то вдалеке раздирают на части плотную ткань. «Серые» рвутся вперед: похоже, они очень торопятся. «Песочные» упираются, каждый метр приходится брать с боем. В стерильном свете бестеневых ламп полыхают лилово-голубые молнии разрядов. Чепуха, думает гуру. Настоящее сражение выглядит иначе. В боевых действиях Горакша-натх полный профан, но детские воспоминания о боевиках, транслируемых по визору, подсказывают, что лучевики стреляют бесшумно, импульсники визжат, а после залпа из плазматоров остается не тело без видимых повреждений, а обугленный труп или кучка спекшегося пепла.

– Учения? – озвучивает он свою догадку.

– Вроде того.

В голосе генерала звучит уныние. «Серые» пробиваются на следующий уровень и попадают под шквал огня. Минута, и все кончено: штурмующие полегли на поле брани.

Сфера гаснет.

– Прошу прощения, Вьяса-джи.

– За что?

– Я заставил вас ждать.

Горакша-натх не сомневается, что генерал смотрел запись, а не прямую трансляцию. Значит, мог остановить ее в любой момент, тем более что его предупредили с поста охраны о визите гуру. Но Бхимасена хотел, чтобы гость тоже увидел штурм. Ждет, когда гуру спросит первым?

– Что мы сейчас видели, Рама-джи?

– Отработку спецоперации.

Да, убеждается йогин. Меня приглашают задать следующий вопрос. Не будем разочаровывать генерала. Самый простой путь к цели – дать человеку то, чего он ждет.

– Вы вернулись... Как это у вас называется? А, вспомнил. На действительную воинскую службу? Насколько я понимаю, антические центры не курируют спецоперации. Или я ошибаюсь?

– *Таких* спецопераций еще не было, Вьяса-джи. Она строго по нашему ведомству.

– Надеюсь, это не военная тайна?

– Тайна. Военная и государственная.

– Тогда молчите. Я не хочу подвести вас под трибунал.

– Тайна, но не для вас. Ведь это вы подсказали нам идею! Кстати, спасибо. Иницирующий выстрел в голову, помните? Выстрел, который вынудит Натху выйти в большое тело. А в космосе его перехватят наши взрослые антисы. Но для выстрела отряду нужно добраться до мальчика.

Генерал мрачнеет.

– Вам это не удастся?

– Пока не удастся. Мы максимально точно воспроизвели укрепленный комплекс ларгитасцев. Техническое оснащение, система охраны... Благо у нас есть похожее сооружение. По расчетам экспертов, Натху содержат где-то между минус седьмым и минус одиннадцатым уровнем. На месте бойцы сориентируются по медицинскому блоку и помещениям обслуживающего персонала. Они должны находиться на том же уровне – для скорейшего доступа персонала к мальчику. Наш лучший результат – минус пятый уровень. Ниже группа не проходит.

Он близок к отчаянию, понимает гуру. Генерал все поставил на этот план, но неудача следует за неудачей. Посылать людей на верную, а главное, бессмысленную смерть Бхимасена не станет. Сейчас генерал хватается за соломинку: если Горакша-натх сумел подсказать решение, возможно, он подскажет еще раз? Увы, вздыхает гуру. Жаль его разочаровывать.

– Соппротивление охраны?

Йогин спрашивает из вежливости. Он хочет дать Бхимасене возможность выговориться.

– Не только. Даже если группа не погибает всем составом, защитники бункера успевают вызвать подкрепление и заблокировать нижние уровни. Проклятая ларгитасская техника!

В сердцах Бхимасена лупит кулаком по журнальному столику. Столик

жалобно хрустит, и генерал, устыдившись своей вспышки, умолкает.

– Техника?

– Да! Системы наблюдения, связи, блокировки – у них уйма всяких систем. Боюсь, мы не все сумели воспроизвести: новейшие разработки Ларгитас держит в строжайшем секрете.

– В бункере имеется автономный источник питания?

– Конечно.

– Какой?

– Скорее всего, термоядерный реактор с установкой Тора-Хаусмана и конвертором нейтронов в антинейтрино. У нас на полигоне стоит такой же. На Ларгитасе бункер строился не вчера, но вряд ли они меняли реактор: модель проверенная, надежная...

С минуту гуру молчит, размышляя. Генерал затаивает дыхание. Он боится шумным выдохом погасить затеплившийся огонек надежды.

– Когда намечена следующая тренировка спецгруппы?

– Завтра. В десять утра.

– Я бы хотел присутствовать.

III

– Вы хотели меня видеть?

– Да.

– Зачем?

Гюнтер поймал себя на том, что озирается по сторонам. В кабинете Тирана он испытывал нервозность, которую нельзя было объяснить разумными причинами. Страх перед «горячим стартом» Натху? Это могло случиться в любой момент. Сидишь ты на третьем этаже, стоишь на пятом, вышел погулять на свежий воздух – последствия в любом случае будут одинаковы. Нет, этот страх ушел и не возвращался. Страх перед Скорпионом? Ерунда, сякконец не вернется. Полгода, сказал Скорпион, и он сдержит слово. Или не сдержит, если клан найдет неопровержимые доказательства вины Яна Бреслау в гибели женщины с флейтой. Придет Скорпион в назначенный срок, явится до срока – в любом случае Гюнтеру ничего не угрожает. Если, конечно, кавалер Сандерсон сдуру не кинется в бой. А кавалер Сандерсон не кинется, потому что, когда Скорпион приползет во второй раз, кавалера Сандерсона не будет поблизости – сякконцы не дураки, второй раз они не повторят своей ошибки. Значит, не «горячий старт» и не Скорпион. Нервы, почему вы шалите?

Я скрыл от него, что мальчик – ментал, думал Гюнтер, глядя на сумрачного Тирана. Он знает, что Натху – антис, и это все. Я не просто спрятал тайну в карман. Я хочу еще и разобраться в ней по-семейному, без посторонних. Я трясусь над тайной, как сказочный дракон над грудой сокровищ. Если Бреслау узнает...

Страх получил имя – Ян Бреслау.

– Я хочу встретиться с доктором Йохансоном. – Без приглашения Гюнтер сел на кушетку. В последнее время его тянуло на резкие, демонстративные поступки, бунтарство в мелочах. Чем мягче он вел себя с сыном, тем чаще в самом Гюнтере просыпался ершистый подросток. – Нам необходимо обсудить ряд вопросов.

– Вопросы? Какие именно?

– Профессиональные.

– Конкретизируйте.

– Это касается Натху. Согласно вашим рекомендациям, я бомбардирую ребенка позитивом. Мои модели чувств становятся все сложнее. Ближайший аналог: лекарственный коктейль. Коктейль и точное расписание часов приема. Это дает результат, вы сами видите...

Не сводя с Гюнтера глаз, Тиран кивнул. После визита Скорпиона, когда молодой человек, рискуя жизнью, примчался к Бреслау на помощь, в отношениях Тирана и Гюнтера наметилось потепление. Гюнтер чувствовал это, не ослабляя ментальных блоков. Доверие. Уважение. Симпатия. Личностная окраска. Гюнтеру было стыдно, но он собирался использовать это в корыстных целях.

– Вижу. Мальчик все меньше... – Тиран замялся, подыскивая слово.

– Занимается йогой, – подсказал Гюнтер. – Раньше он на любую попытку контакта отвечал изменением позы. Асаны, как говорят брамайны. Сейчас он отвечает эмоциями.

– Жестами, – уточнил Тиран. – Мимикой.

– Эмоциями. Это вы видите жесты и мимику. А я чувствую эмоции Натху – и отмечаю: реакция соответствует раздражителю, а жесты и мимика соответствуют чувственному содержанию. Он, я бы сказал, очеловечивается.

– Как говорят брамайны, – задумчиво повторил Тиран. – Почему Натху не говорит? Ему семь лет... Хорошо, ему четыре года. По физическому развитию – четыре. По умственному... Тут мы теряемся в догадках. Но хотя бы самое простое: мама, папа, дай...

– Две тысячи. В четыре года у ребенка должно быть две тысячи слов в активном лексиконе. На момент инициации он наверняка говорил. Или нет?

Вы от меня что-то скрываете?

Тиран пожал плечами:

– Мы не знаем. Скорее всего, говорил. А сейчас молчит.

– Полагаю, он не видит необходимости в устной речи. Слова – модели, а мальчик оперирует исходными образами. Модель всегда ущербна по отношению...

Гюнтер осекся. Вступив на скользкую дорожку, он чуть не выболтал Тирану секрет, который собирался держать про запас. Но да, дело обстояло именно так: после первого ментального контакта с отцом, сняв энграмму шадруванской «путанки», Натху все больше реагировал на раздражители по-человечески. Гюнтер даже пугался, узнавая в поведении Натху свои собственные реакции – в большей, в гораздо большей степени, чем это бывает при сходстве отца и сына. Снял энграмму? Случалось, Гюнтер думал о сыне как о флуктуации: съел энграмму. Съел, переварил, извлек полезные вещества, извергнул отходы. Теперь отцовская энграмма, матрица нарушений, вызванных «путанкой», – часть Натху. И обычная, природная, естественная связь причин и следствий, раздражителей и реакций – тоже часть Натху. И та, которую он приобрел, летая со стаями флуктуаций, тоже его часть. Естественную связь он принял как рабочую матрицу в отношениях с отцом и нянечками, что демонстрирует ежедневно. Но это не мешало ребенку в любой момент, при необходимости или по желанию, переключаться на иную схему: путаную шадруванскую, флуктуативную, йогинскую. Ключевой в этом безумном калейдоскопе Гюнтер считал «путанку» – именно шадруванский раздрай, помноженный на зачатие Натху, привел к тому, что мальчик потянулся к отцу. Свой, подсказала энграмма «путанки». Свой, такой же, как я, похожий, родственная душа...

Человеческие эмоции – пища флуктуаций. И даже не пища, а деликатес, изысканное блюдо на десерт. Гюнтер был для Натху натуральным банкетом. Находясь в малом теле, Натху не мог «высосать» отца, причинить ему вред, как делали флуктуации, нападая на корабли, – в плотском облике Гюнтер был неизмеримо сильнее мальчика. В такой ситуации «свой», «похожий» автоматически трансформировались в «вожак», «лидер». Желая угодить отцу, Натху старался увеличить сходство со старшим членом стаи – и быстро учился человеческим реакциям, причинно-следственным связям.

– Почему?

– Что – почему?

С головой уйдя в размышления, Гюнтер не понял вопроса, заданного Тираном.

– Почему сразу после инициации мальчик не вернулся в малое тело? По-моему, он достаточно любил мать, чтобы стремиться вернуться к ней.

– Возврат домой, – Гюнтер был рад смене темы, – связан у Натху с негативными эмоциями. Я имею в виду возврат на Хельму, откуда он стартовал. Мать, ее грубиян-сожитель, чужаки, насилие... Ребенок испугался. Учитывая его чувствительность, повышенную, как у любого...

Стоп. Хватит.

К счастью, Тиран пропустил опасную реплику мимо ушей. Он даже не обратил внимания на то, что Гюнтер захлопнул рот, не закончив фразы. Сегодня Ян Бреслау был сам на себя не похож. Он слушал и не слышал, спрашивал и не ждал ответа. Кукла, пришло на ум Гюнтеру. Говорящая кукла. Настоящий Тиран не здесь, он далеко. Он уже умер, просто не до конца признал это, вот и ходит, дышит, работает. Откуда такие странные, такие жуткие мысли? Кавалер Сандерсон привык доверять своей интуиции. Тиран сегодня улетал куда-то – Гюнтер пытался встретиться с ним утром, но молодому человеку сказали: Бреслау нет, вернется днем, ближе к вечеру. Вернулся, значит. Кажется, визит Скорпиона повлиял на него меньше, чем нынешняя встреча. Гюнтеру не составило бы труда влезть к собеседнику в мозг, выяснить причины, способные превратить человека в куклу, но запреты держали крепко. Они въелись в плоть и кровь, стали второй доминирующей сущностью – экзамен на социализацию Гюнтер сдал на «отлично». Хотя общение с Натху мало-помалу расшатывало эти запреты, подводило тоннели под бастионы социализации, закладывало мины.

– Я хочу встретиться с доктором Йохансоном, – напомнил Гюнтер.

Соккрытие факта ментальной одаренности мальчика. Беседа с Йохансоном была вторым шагом на этой опасной дорожке. Признаться, подумал Гюнтер. Открыть все Тирану. Снять с себя ответственность. Зачем мне эта ноша? Он мысленно повторил вопрос – и дал ответ. «Ответ», «ответственность» – слова одного корня, одной семьи, как отец и сын. Менталы держатся друг за дружку, этому их учат еще в специнтернатах – верней, не учат, этому менталы учатся сами, живя в компании, где у всех мозги – приемо-передающие станции.

Ответственность получила имя – Натху Сандерсон.

– Хорошо, – кивнул Тиран. – Я организую встречу.

– Не откладывайте. Мне бы не хотелось навредить ребенку.

– Сегодня вас устроит?

– Сколько человек в группе?

Сияющее чайтранское солнце висит над далекими горами. Косые лучи навывлет простреливают чахлое редколесье, расчерчивают кочковатую землю штрихкодами длинных, резко обозначенных теней. Воздух накаляется, деревья потеют, дышат смолистыми ароматами. Звенит одинокая цикада, но откуда исходит звук, определить решительно невозможно.

– Восемь.

– Почему так мало?

– Больше мы не сумеем забросить на Ларгитас.

Гуру кивает, принимая объяснение, и глядит в бинокль, выданный ему генералом. Пальцы гладят кожу квазиживого прибора, теплую и упругую. Оптический биомеханизм меняет настройку, дает плавное приближение объекта. Забор из профнастила с кирпичными столбами. Откатные ворота. За забором – двухэтажное здание с плоской крышей. Ничего примечательного: стандартный нанобетон унылого болотного цвета. Справа от дверей стену украшает разухабистое объемное граффити: из-под земли выбирается исполинский ядовито-розовый червяк, готовясь проглотить безмятежного человечка. Рисунок обрамляет стилизованная надпись на унилингве: «Природа полна сюрпризов!» Со слов Бхимасены гуру знает: ларгитасский бункер снаружи выглядит именно так. Остроумная маскировка, надо отдать техноложцам должное. Кто заподозрит секретный военный объект в невзрачной халабуде, изрисованной граффити?!

Широкие окна второго этажа без всяких признаков решеток или иной защиты. Они криком кричат: добро пожаловать! Забраться в здание – раз плюнуть! Окна – обманка, они ведут в наглухо замурованные ниши. Устаревшая камера над входом. Скучают двое охранников, вооруженные парализаторами. Региональный офис экологического надзора? Егерская служба заповедника? Что угодно, только не бункер-лаборатория, чьи помещения уходят на двадцать ярсов вглубь земли.

Гуру не знает, как брамаинской разведке удалось вычислить местонахождение Натху на Ларгитасе. Данные разведки заслуживают доверия: без точной информации, где держат мальчика, вся затея лишается смысла.

– Они ведут наблюдение за окрестностями?

– Разумеется. Но стараются не слишком себя обнаруживать. Камеры и датчики на каждом дереве, туча дронов в воздухе – это выглядело бы подозрительно. Секретность, секретность и еще раз секретность! Это нам

на руку. Эксперты утверждают: у нас есть шанс подобраться незамеченными на сто метров к зданию.

– Экспертам можно доверять?

– Можно. При том способе доставки, который мы наметили...

Генерал резко меняет тему:

– Видите кусты с желтыми цветами? Они – наш рубеж атаки.

– Как обычно действуют ваши люди?

До прибытия спецгруппы остается двадцать минут.

– Скрытно выдвигаются на рубеж, броском преодолевают забор. Дистанционно нейтрализуют наружную охрану, ослепляют камеры – и рывок к объекту. Тут возникает первая сложность: насколько быстро удастся вскрыть наружные двери.

Горакша-натх в бинокль изучает вход в здание. Он хорошо помнит, что скрывалось под трухлявым деревом дверей, ведущих к обиталищу Мирры Джутхани.

– Что в этом случае делают ваши люди?

– Мощным электромагнитным импульсом выводят из строя запорные устройства.

– В бункере срабатывает сигнал тревоги?

– Да. С этого момента каждая секунда на счету.

– А если сигнализация не работает?

– У вас есть знакомый волшебник?

– И все же?

– Если такое случится, охрана внутри не узнает о проникновении. Значит, они не станут подниматься наверх, чтобы выяснить, что происходит, не вызовут подкрепление, не заблокируют нижние уровни. Короче, мы застанем ларгитасцев врасплох. Но для этого нужен хакер, каких еще не рождалось в Ойкумене. Или, если угодно, чудо.

– Мы можем подойти к рубежу атаки? – теперь уже меняет тему йогин. – Я хочу посмотреть вблизи.

Генерал бросает взгляд на часовой браслет-татуировку – шестнадцать минут до прибытия группы – и кивает, поднимаясь из укрытия. Гуру следует за Бхимасеной. Сегодня Горакша-натх одет в серую военную форму без знаков различия – такую же, как у бойцов на записи. Форма непривычна, но на удивление удобна. Хмыкая от восхищения, Бхимасена наблюдает, как его спутник ловко скользит меж деревьями, сливаясь с тенями, возникает там, где его, по идее, не должно быть, и вновь пропадает. «Не знаю, что приобрела йога, – отмечает Бхимасена, – но разведка много потеряла, лишившись этого человека».

У генерала рябит в глазах.

Добравшись до кустов, пестрящих гроздьями соцветий, Горакша-натх опускается на землю и принимает позу лотоса – столь естественно, словно родился в ней. Генерал не удивился бы, узнав, что так оно и было. Свойственных новичкам попыток выглянуть из-за кустарника, рискуя обнаружить себя, гуру не предпринимает. Он вообще не шевелится, как если бы погрузился в глубокую медитацию. Время идет, генерал все чаще косится на браслет-татуировку, но, когда до прибытия группы остается три минуты, Горакша-натх оживает и поворачивается к Бхимасене:

– Надеюсь, вы позволите мне внести коррективы в сегодняшние учения?

Генерал колеблется не больше секунды.

* * *

– Со всем уважением и припаданием к вашим лотосным стопам, гуру-махараджа...

Поджарого бородача представили йогину как субедар-майора Марвари. Субедар – само почтение, но на дне глаз старшего группы прячется ирония.

– ...хочу заметить: разве вы разбираетесь в военном деле? В спецоперациях?

– Пожалуйста, не называйте меня так. Вы не мой ученик, между нами нет отношений наставника и последователя.

– Да? – Бородач изумлен. – А по-моему, есть! Кто тут собрался учить нас воевать, если не вы, гуру-махараджа?

Бойцы ухмыляются. Впервые гуру не знает, что ответить. Субедар прав, с такой точки зрения Горакша-натх ситуацию не рассматривал, и зря. За плечом звучит грозное сопение. Гуру спешит вскинуть руку в упреждающем жесте: генерал Бхимасена вознамерился призвать бойцов к порядку, а это лишнее.

– Хорошо, Марвари-бхай. – К имени собеседника йогин добавляет приставку «старший брат», вслух признавая его старшинство. – Зовите меня так, как вам будет удобно. И поверьте, что я далек от мысли учить вас тому, чего сам не знаю.

– Вижу, легенды о вашей честности не врут.

– Честность – добродетель. Но цель важнее. Если для достижения цели потребуется солгать, я солгу.

– Это по-нашему! – Сжав кулак, субедар с одобрением оттопыривает большой палец. – Итак, вы, духовный учитель, ни разу не державший в руках оружие, хотите изменить план штурма. Полагаете, ваш план сработает лучше? Почему?

Йогин молчит.

– Он хакер! – хохочет молодой боец. – Круто!

Йогин улыбается. Боец бледнеет.

– Давайте попробуем. – Субедар задвигает шутника, утратившего дар речи, себе за спину. – Наш рекорд – минус пятый уровень. Если с вашей помощью мы выйдем на минус шестой, я куплю вам пива. Вы пьете пиво, гуру? Если нет, я куплю вам молока. Ваш план?

Генерал Бхимасена мог просто отдать приказ, поставив группу перед фактом. Но у гуру имелись свои соображения на сей счет, и генерал пошел ему навстречу.

– Он не слишком отличается от вашего, субедар, за исключением трех моментов. Первое: мы вместе выдвигаемся на рубеж атаки. Вы не выдаете своего присутствия, что бы я ни делал. Действовать вы начинаете по моему сигналу.

– Какому?

Йогин поднимает вверх правую руку:

– *Ардха патака мудра*, символ жизни и благословения. Это сигнал. Второе: вы забываете про технические системы бункера. Они – иллюзия, майя, призрак. Вы не тратите время на взлом и нейтрализацию, вы идете вперед. Ваша задача – добраться до Натху. Он – единственная реальность. Иллюзию я беру на себя.

Чуть помедлив, Марвари еще раз кивает. Видно, что по этому пункту у него имеются серьезные сомнения.

– И третье: действуйте скрытно. Надо, чтобы охрана на нижних уровнях до последнего не знала, что происходит на верхних.

Бойцы переглядываются.

– Это все, гуру?

– Это все.

– Вопросы есть? – Субедар поворачивается к команде. – Вопросов нет.

И рывкает, не стесняясь присутствием духовного лидера расы:

– Выдвигаемся!

– Вторая партия зондов?

В ответ акуст-линза хрюкнула.

– Повторяю: вторая партия готова?!

Корвет-капитан Ластбадер нахмурился. Он уже собрался выругаться, когда в линзе раздался шорох, писк и внутренняя связь «Тени» родила баритон старшего мичмана Берглунда:

– Прошу прощения, капитан. Акустика сбойнула – расфокусировка линзы. Уже исправлено. «Залипухи» будут готовы через триста секунд.

– По готовности – доложить.

– Есть доложить!

«Залипухами» в ВКС Ларгитаса прозвали шпионские зонды. Оснащенные новейшим софтом, малютки под прикрытием камуфляжного поля подбирались к кораблям противника, намертво прилеплялись к обшивке и запускали программы взлома и перехвата переговоров. Радиосвязь, даже узконаправленную и кодированную, «залипухи» кололи как орехи, а при удачной точке подключения ловили часть сообщений через гипер. Шпионов портил один, зато существенный недостаток: смехотворная скорость перемещения. Чтобы «залипуха» смогла подобраться к цели, та должна была изображать беременную улитку. Такое случалось редко, например сейчас: брамайнские эскадры замерли у границ ларгитасского сектора пространства, выстроившись в подчеркнуто оборонительный боевой порядок.

Идеальная мишень для хитрой мелочи.

Слово «мишень» имело и второе, более традиционное значение. Симметричные меры, сказал вице-адмирал Ван Фрассен, отдавая приказ.

Четверо суток назад брамайны предприняли попытку заслат в сектор Ларгитаса свои разведзонды. Двигались они куда быстрее, на чем и погорели в буквальном смысле слова. Толку от камуфляжа, если за тобой хвостом тянется плазменный выхлоп? Ларгитасские фрегаты демонстративно – и с большим, знаете ли, удовольствием! – разнесли из батарейных плазматоров весь шпионский рой в кварковую пыль. Экипаж «Тени», незримой для противника, с ухмылками наблюдал за фейерверком. Жаль, зрелище вышло ярче, чем предполагалось: оптика «Тени» ослепла, как от вспышки сверхновой, а сканеры взвыли алармами тревоги. Расчеты показали: треть зондов несла в себе мезонные заряды мощностью до десяти килотонн каждый.

Это уже нельзя было назвать просто разведкой.

Так вот, о симметричных мерах. Первая партия «залипух» достигла целей еще вчера. Когда командование удостоверилось в успехе первой фазы

операции, был отдан приказ отправлять вторую партию, на сей раз – модифицированную. Кроме стандартной хакерской начинки, эти зонды несли в себе гравимагнитные контейнеры с пятью граммами антивещества в каждом. Достаточно, чтобы вывести из строя боевой корвет, а то и фрегат. Никто не собирался первым спровоцировать конфликт, но если дойдет до открытого столкновения...

– Все готово к запуску, капитан. Контейнеры на боевом взводе, гематрицы активированы.

Цитадель технологий, официальный Ларгитас избегал пользоваться «нетрадиционными» источниками энергии. Здесь предпочитали собственные разработки: термояд, кваркглюонную плазму и конверторы нейтронов в антинейтрино. Но в случае необходимости власть закрывала глаза на нарушение принципов. Гематрицы были единственным источником энергии, не дающим выхлопа, который могли бы обнаружить системы слежения. К сожалению, гематрицы, способные разогнать корабль до субсвета, стоили слишком дорого даже для бюджета Министерства обороны. «Залипухи» ползли по космосу ни шатко ни валко, проклиная скупость казны.

– Маршрутные программы введены?

– Так точно!

Параметры зондов, выведенные в сферу, подтвердили слова мичмана.

– Всем членам экипажа покинуть бомбовый отсек!

Зажглась строка: «Люди в отсеке отсутствуют, отсек герметизирован».

– Начинаем подготовку к запуску. Включаю отсчет...

Девяносто секунд – и в кормовой части корвета разошлись створки бомболюка. В космическое пространство выпала дюжина матово-черных чечевиц метрового диаметра. Отделясь от «Тени», зонды сделались невидимыми даже для сканеров корвета.

До контакта с целями оставалось десять часов.

Потекла вахтенная рутина. Наблюдение в пассивном режиме, плановая диагностика и профилактика систем корабля. Доклады постов и служб. Виртуальные тренинги по отработке боевых и аварийных ситуаций. Обед, смена вахт. Стерильный, лишенный запахов воздух командной рубки. Оптимальная влажность, бодрящая температура. Созвездия зеленых индикаторов на пульте...

На центральном обзорнике обозначилось движение. Всплыли данные пассив-сканеров, давая изображение в волновом диапазоне. Строки побежали резвее, словно кони, перешедшие с шага на галоп. Старпом дал увеличение: от брамайнского флагман-линкора «Агни» отделился объект,

смахивавший на серебристый пивной кег. Объект шустро направился к фрегату «Сканда». Капитан со старпомом переглянулись, и старпом пожал плечами: что за жестянка? Межкорабельный шаттл? Командорская шлюпка? Грузовой бот-беспилотник? Событие не ахти, но, когда ведешь пассивное наблюдение, любой чих привлекает к себе повышенное внимание.

– Инспекция? – вслух предположил капитан Ластбадер. – С флагмана на фрегат?

Он глянул на таймер зондов. В строке зонда номер семь горел зеленый индикатор. Звякнуло приемное устройство гиперсвязи: пришел отчет-пакет. Ластбадер прилип к обзорнику, пытаясь пронзить взглядом тьму космоса. Все в порядке, уверял себя он. Статичные цели, надежные программы, маршруты выверены до сантиметра...

Чертов кег. Как не вовремя!

Вероятность столкновения – один шанс на миллион. На десять миллионов. Увы, корвет-капитану была хорошо известна мудрость предков, единая для всех рас Ойкумены: «Если пакость может случиться, она случится. Если пакость исключена, она все равно случится».

За спиной снова звякнуло. Еще два зонда слали отчеты, прилепившись к целям. Осталось девять. Если что, сработает блокировка. Без команды поля капсул не отключатся, аннигиляции не произойдет.

Звяк. Звяк. Зонды один и девять.

Осталось семь.

Звяк...

Контрапункт

Двадцать лет спустя, или Настоящие идиоты

Много лет назад мой сын Гай, гиперактивный мальчик пяти лет от роду, играл в соседней комнате. Помню, как сейчас: вот он кричит:

– Идиот! Настоящий!

Иду посмотреть, в чем дело. Интересно же! Гай гоняет на коммуникаторе бурную ходилку-воевалку. Обвешался голосферами, в каждой – кровавый бой. Некий монстр только что сожрал нашего дракона. Монстру объясняют, кто он есть:

– Идиот! Настоящий!

Настоящий идиот стоит на паузе, внимательно слушает. Я смотрю, думаю о том, как было бы славно всех настоящих идиотов Ойкумены поставить на паузу. Пусть выслушают правду о себе, не перебивая.

Тихо возвращаюсь обратно.

*Из воспоминаний Луция Тита Тумидуса,
артиста цирка*

Говорят, в мире нет ничего постоянного. Врут, сволочи.

Есть, как не быть!

– Вниманию встречающих рейс номер 64/12-бис Сиван – Китта! На трассе в районе Слоновьей Головы зафиксирована активность флуктуации континуума класса 1С-14+ согласно реестру Шмеера – Полански. В связи с этим в маршрут внесены коррективы. Яхта «Красотка», выполняющая рейс 64/12-бис, прибудет с опозданием на восемь часов. Приносим извинения за доставленные неудобства.

Скучает в кресле чернокожий охранник. Скучает на пояском крюке, свернувшись в кольца, полицейская мамба. Пассажиры стараются не подходить: мало ли? Душно, гулко, грязно в зале ожидания. Из стеклянных дверей текут жиденькие струйки народа – счастливики, кто прилетел внутрисистемными рейсами, спешат домой. Остальные стоят в очередях: проходят таможенную и паспортный контроль.

– Движение на трассах в районе Слоновьей Головы будет

восстановлено в полном объеме в течение ближайших трех суток. Для зачистки района направлены два патрульных крейсера класса «Ведьмак» с рейдером поддержки.

Сквозняк таскает из угла в угол обертки от дешевого мороженого. Швыряет пустые пачки из-под сигарет, надорванные пакеты. От пакетов несет вонючим бетелем. Мусор скребется о стыки лент полового покрытия, играет картинками анимированных реклипов, бормочет «завлекалочки», потерявшие всякий смысл.

– Пассажиров, отбывающих рейсом 97/31 Китта – Октуберан – Магха отправлением в 13:44 по местному времени, просим пройти на посадку к 124-му выходу терминала «Гамма». Повторяю...

Двадцать лет, подумал Тумидус, ерзая в тесном кресле. Двадцать лет назад я прилетел на Китту молодым штурмовым легатом. Тогда я не считал себя таким уж молодым, зато теперь считаю себя старым. Боюсь, я не прав в обоих случаях. Я не был стеснен в средствах, но взял билет экономкласса: сейчас уже и не вспомню почему. А действительно, почему? Обычно я летал с комфортом: релаксаторий, смуглые красотки за стойкой бара, кресло-полиморф, в ушах – квазиживые фильтр-слизни. Слышишь только то, что касается тебя, остальную дребедень слизень глушит. Нет, не помню. Экономкласс, причины стерлись в памяти. На Китте меня ждала «Этна», моя галера. На Китте меня ждали курсанты; верней, не меня, а моего напутствия. На Китте меня ждал еще кое-кто, пересобачивший жизнь Гая Октавиана Тумидуса вдребезги и пополам. И вот я опять на Китте, опять жду, только на этот раз встречаются не меня, на этот раз встречаю я...

Военный трибун встал: спина затекла.

Вокруг него образовалось пустое пространство. Оно и раньше-то имело место: никто из встречающих не хотел садиться рядом с помпилианцем, да еще и офицером в чинах, с орденскими планками. Умом каждый понимал, что волк Великой Помпилии не станет клеймить случайных встречных направо и налево, обращая свободных людей в рабство... Но чувства брали ум под локотки и отодвигали в сторонку. Больше других старалось чувство страха: ну его, мало ли, береженого бог бережет! Сидячий, Тумидус внушал ужас; стоячий, он пугал вдвое, и люди пятились, отступали, шли в другой конец зала.

Привык, отметил трибун. Давно привык. Равнодушен. И тот факт, что я больше не способен сделать рабом даже сопливого малыша, не отменяет пустоты вокруг меня – и пустоты в мозгу, где должны, по идее, жить гордость или обида.

– Командир!

Широкий шаг. Руки воздеты к потолку. И ни малейшего страха в черных, слегка навекате глазах. Ровесник Тумидуса, смуглый брамайн носил белый хлопковый саронг до колен, а казалось, что он тоже надел мундир, затянутый ремнями.

– Карна! Карна Амогха!

Остолбенеv, люди вокруг смотрели, как Карна Амогха – судя по виду, уроженец Чайтры – обнимается с помпилианским волком-рабовладельцем. Обнимись брамайн с настоящим волком, чмокни зверя в клыкастую пасть, изумления было бы меньше.

– Командир!

К удивительной парочке спешила женщина – миниатюрная гематрийка средних лет, с блеклым невыразительным лицом, не знавшим прикосновения косметики. В отличие от пылкого брамайна, ее возглас прозвучал без лишних страстей – скорее оклик, банальное привлечение внимания. Но всякий, кто знал гематров не понаслышке, сразу понял бы, что женщина испытывает ничуть не меньшую, а может, и большую радость от встречи. Да что там! Если дама, родившаяся на Шабате, ускорила шаг, почти что перешла на бег, значит случилось чудо и даму переполняют эмоции, несвойственные ее хладнокровной расе мыслителей.

– Госпожа Цвергбаум!

– Эсфирь-диди! – вторил Тумидусу смуглый Карна.

Обняться втроем было сложнее, но они справились.

– Командир!

Четвертый родился вехдевом: энергетом, чей организм накапливал ресурс от соблюдения тысячи правил и миллиона запретов. Запрет на ложь, запрет на прогулки в дождь, запрет на мясо с кровью, запрет мочиться на открытую землю, запрет праздновать день рождения... Кто другой скорее согласился бы на пожизненное заключение, чем на такой список ограничений, но обитатели Тира и Фравардина уживались с последствиями своей эволюции без особого труда.

– Гий!

– Гий Эрдешир!

– Дружище!

Обнялись и вчетвером.

Это напоминало театр – спектакль при полном аншлаге, когда зал разогрет и с восторгом внимает действию. Пустое пространство вокруг Тумидуса заполнялось со скоростью света, того света, который сиял во взглядах шумной, возбужденной компании.

– Ага, вот и Аделаида!

– Идочка! Звезда моя!

– Баронесса, к нам! Идите к нам!

Аделаида Лопес-Гонзало, баронесса д'Альгар, – она только что прилетела рейсом Террафима – Китта – кинулась вперед со всех ног, лавируя между рядами с ловкостью лисы, бегущей по лесу. Пышное платье со шлейфом ничуть не мешало баронессе, мастеру спорта по бегу с барьерами, демонстрировать чудеса физической подготовки. Упершись руками в спинку кресла, баронесса перемахнула последний ряд, как мальчишка – ограду в палисаднике, взвизгнула от восторга и рухнула в объятия военного трибуна, зная, что тот поймает, удержит, – и никак иначе.

– Гай! Гайчик!

Пожалуй, только она, бесстрашная и прекрасная звезда Аделаида, звала грозного Тумидуса Гайчиком – господи ты боже мой, едва ли не зайчиком! Люди в зале содрогнулись, ожидая страшного. И страшное не заставило себя ждать: черная как ночь вудуни, красотой соперничающая с баронессой, что само по себе казалось феноменом, достойным миллиона исследователей, властным жестом отстранила соперницу – караул, спасайся, кто может! – и заняла чужое место в объятиях помпилианца. Черт возьми, она сделала это с такой царственной простотой, словно место было своим, заслуженным, выстраданным.

Поцелуй в щеку. Улыбка.

– Н'Доли, – в ответ улыбнулся Тумидус. – Здравствуй, солнце.

Н'Доли Шанвури кивнула: да, солнце. А что?

– Долечка! – вскричала баронесса, разрушая величие момента. – Я тебя ненавижу! Как ты смеешь быть такой хорошенькой? Будь моя власть, я бы запретила тебе выходить на улицу!

– Я бы выглядывала в окно, – парировала вудуни. – А ты бы гуляла внизу и кисла от зависти.

– Я?

– Ты. Ты бы кисла внизу, я – в окне, и обе – от зависти.

– С вероятностью девяносто девять, – уточнила гематрийка, беря обеих за руки, – и девяносто семь сотых процента.

Для Эсфири Цвергбаум это было шуткой. Да, шуткой, причем смешной по меркам гематров. Вероятность, близкая к абсолютной, – разве не смешно?

Пассажиры и встречающие переглянулись. Они считали, что на их глазах произошло невообразимое, – и ошиблись. Невообразимое только начиналось, и те, кто спрятал коммуникаторы, рассчитывая унести в клюве добычу – уникальные снимки, сделанные исподтишка, – жестоко

ошиблись.

Вокруг сурового помпилианца сгрудилась маленькая Ойкумена. Так перламутр окружает камешек, попавший в раковину, чтобы превратить его в жемчужину. Ничуть не боясь, представители четырех рас энергетов окружили Великую Помпилию, империю природных рабовладельцев, сконцентрированную в одном человеке. Плечом к плечу с энергетами стояла знатная дама, рожденная среди варваров чопорной Террафимы. Казалось, Тумидус держит их всех на невидимых поводках, управляя каждым движением, каждым поворотом головы. В какой-то степени так оно и было – не здесь, а в космосе, когда коллант Гая Октавиана Тумидуса разрывал оковы притяжения, сбрасывал обузу малых тел, хрупких и ранимых, и общим могучим приливом выходил в волну: коллективный антис, чудо из чудес, которое впервые явилось Ойкумене двадцать лет назад, в орбитальной тюрьме «Шеол». Неспособный более клеймить новых рабов, неспособный удержать в подчинении рабов прежних, Тумидус обрел новое качество: рабство обернулось связями, сохранявшими целостность, а значит, жизнь колланта в открытом космосе.

Меня зовут первым коллантарием, подумал Тумидус. Толпа заблуждается: меня не было в составе первого коллективного антиса, стартовавшего с «Шеола». Я стал коллантарием позже, а рабов утратил раньше. Ну и что? Меня зовут первым коллантарием, и пусть зовут – в какой-то степени это больше правда, чем сухие факты.

Вокруг сурового помпилианца сгрудилась маленькая Ойкумена.

Вехден шагнул вперед. Вытянулся во фрунт:

– Господин военный трибун, разрешите обратиться! Майор Эрдешир для участия в почетном карауле прибыл!

Откликнулась гематрийка:

– Старший лейтенант Цвергбаум для участия в почетном карауле

прибыла!

– Прапорщик Амогха для участия в почетном карауле прибыл!

– Сеньора дома д'Альгар для участия в почетном карауле прибыла!

Н'Доли кивнула еще раз: здесь! Дочь Папы Лусэро, она имела моральное право обойтись без доклада. Куда тут докладывать, если в горле стоит ком, а глаза ничего не видят от слез? Папа, сказала себе Н'Доли Шанвури. Папа, жаль, что ты этого не видишь. Это твои проводы, Папа. Это ради тебя со всех концов Галактики явился, прибыл, примчался почетный караул – коллант Гая Тумидуса. Когда Папа, сидя на крыльце без штанов, перечислял Тумидусу гостей, приглашенных умирающим антисом на собственные проводы, карлик забыл упомянуть про коллантариев. Он сделал это позже, текстовым сообщением, сброшенным на уникон в последний момент, так что военному трибуну пришлось сломя голову лететь в космопорт, иначе опоздал бы.

– Спасибо, – прошептала вудуни.

И повторила, ни к кому конкретно не обращаясь:

– Спасибо. Я рада, что Папа вас пригласил...

– Да ладно тебе, – грубовато откликнулся военный трибун. – Держи платок, он чистый. Мы бы все равно собрались, без приглашения.

Мы тащили его из Крови, вздохнул Тумидус. Мы волокли Папу, как дохлого паука. Мы спасали его толстую, насквозь разъединенную Кровью шкуру. Папа, сукин ты сын, еще бы ты не пригласил мой коллант в полном составе! Стоп! В полном? Нет, дудки, как же я проморгал?! Папа, кто из нас слепой?!

– Где маэстро? Где Карл Эмерих?

В колланте не хватало невропаста – мастера тонких психических настроек. Если Тумидус, фигурально говоря, обеспечивал *гитару* струнами, то маэстро Карл следил за строем инструмента, подкручивая колки и чутко улавливая разницу в жалкую восьмушку тона.

– Болеет, – ответила Эсфирь.

– Старенький он, – развел руками вехден.

– Старенький, – подтвердила баронесса. – Сердце у него.

– Хотел лететь, – вступился за маэстро брамайн. – Знаете, как хотел?!

– Знаем...

– Билет купил. Врачи аннулировали.

– Главврач лично, гад...

– Бежать пытался...

– Заперли в клинике...

– Иначе сбежал бы, клянусь!..

– Нельзя ему, еле ходит...

Идиот, отметил Тумидус. Настоящий. Это не маэстро, это я идиот. Папа, ты все учел заранее? Без невропаста мы не взлетим, то есть не увяжемся за тобой в последний полет, рискуя жизнью. Нет, Папа, ты учел все, да не все. И знаешь почему? Потому что я идиот. Настоящий. Надеюсь, здесь все – настоящие идиоты.

Со справкой.

Военный трибун оглядел свой коллант. Глаза Тумидуса подозрительно блестели из-под козырька фуражки. У трибуна были далеко идущие планы, и он не собирался от них отказываться.

– Пассажиров, отбывающих рейсом, – информателла проснулась, заполнила космопорт мелодичным контральто, – 35/6 Китта – Тир – Хиззац, приглашаем на посадку к 83-му выходу терминала «Дельта». Повторяю...

Глава вторая

Я принимала ваши роды, или Готовы вступить в бой

I

– Какой славный! Иди к тете, малыш...

Натху принял одну из своих зубодробительных поз. В последнее время Гюнтер начал отвыкать от такой реакции сына – и, надо сказать, удивился. Тетя, к которой, если верить ее словам, следовало идти, была живой мечтой маленьких беглецов, вернувшихся домой. Пухлая, сдобная, в клетчатой юбке и кофте крупной вязки. Рыжие, чуточку седеющие волосы собраны на затылке в узел. Улыбка – сама доброта. Лучики веселых морщинок бегут к вискам от уголков карих глаз. Взгляд брызжет искрами смеха. Ни грана притворства, все честно, открыто, естественно. За исключением мелочи, пустяка, которым в иной ситуации можно было бы пренебречь...

Гюнтеру не требовалось касаться разума женщины, чтобы понять: гостя – ментал исключительной силы. Эмпат, как и Гюнтер. С другой стороны, любой обычный человек, не обладающий способностями к телепатии, тоже сразу понял бы, кто заглянул в детскую. Об этом ясно говорили татуированные ноздри гостыи, а главное, значок на ее кофте: стилизованная буква «Т». Служба Т-безопасности, надзор за менталами.

Идиот, похолодел Гюнтер. Сопляк! Ты надеялся обмануть Тирана? Скрыть от его всевидящего ока ментальную одаренность Натху? Ну да, Бреслау – кукла, мысли Бреслау бродят в иных местах... Ты хотел обсудить тайну сына с доктором Йохансоном?! Радуйся, тебе прислали специалиста получше. Инициация молодых менталов, их социализация – Т-безопасность занимается не только этими вопросами. *Тэшники* еще и курируют преступления, совершенные вашей братией мозгокрутов.

– Ну что же ты? Боишься?

Натху превратился в сложный узел. В глубине узла рдели два настороженных уголька. Не предпринимая попыток сближения, мальчик внимательно следил за чужой тетей.

– Здравствуйте, Сандерсон. – Тэшница повернулась к Гюнтеру. – Адьюнкт-комиссар Рюйсдал, к вашим услугам. Зовите меня Линдой.

Гюнтер кивнул:

– Да, госпожа адъюнкт-комиссар.

– Какой вы смешной! – Тэшница неизбежно хихикнула, совсем как девчонка. На щеках комиссарши проклюнулись очаровательные ямочки. – Вы просто чудо, Сандерсон. А уши, уши! Вы видели свои уши?

– Нет, госпожа адъюнкт-комиссар.

– Костры, честное слово! Вы и ваш сын – вы оба чудо. Или правильной будет сказать: чуда? Чуды? Чудеса?!

– Спасибо, госпожа адъюнкт-комиссар.

– Линда, просто Линда. Иначе обижусь. Нет, хуже: иначе я буду звать вас кавалером Сандерсоном до конца ваших дней. Кавалером, бароном, графом Сандерсоном. Я накормлю вас официозом до заворота кишок. Не злите меня, я страшна во гневе.

Браво, оценил Гюнтер. Атмосфера в детской сделалась теплой, уютной. Эмпатка высшей квалификации, ходячее солнышко, комиссарша фонила позитивом – ненавязчиво, исподволь, располагая собеседников к себе. Рассудка Натху она не касалась – останавливал страх сгореть при ментальном контакте с антисом. Рассудка Гюнтера – тоже, это было бы неприлично, да и противозаконно, если без санкции на контакт. Но создание общего располагающего фона – безадресного, пользуясь сленгом менталов, – удавалось Линде Рюйсдал в лучшем виде. На кого она давит, задался вопросом Гюнтер. Ну да, на ребенка. Ей отлично известно, что я отслежу и специфику фона, и усилия, и цель воздействия. Отслежу, а значит, при желании блокирую воздействие.

Она не знает, что Натху ментал? Тогда зачем Тиран прислал ее? Она знает, что Натху ментал? Тогда зачем ломает комедию? Гюнтер терялся в догадках. Противоречивые настроения разрывали его на части. Радость: тайна осталась тайной, все в порядке. Отчаяние: секрет раскрыт, комиссарша издевается над ним, заманивает в ловушку. Неопределенность: эта стерва рвала душу яростней голодной волчицы.

– Извините, Линда. Зовите меня Гюнтером, прошу вас.

– Вот, совсем другое дело.

Линда прошла по детской. К Натху она старалась не приближаться, делая вид, что утратила к мальчику всякий интерес. Взяла плюшевого медведя, повертела в руках.

– Ваша инициация, Гюнтер, – произнесла она кукольным голосом, делая вид, что говорит медведь. – Вы в курсе, что мы с вами, считай, одна семья? Я принимала ваши роды.

– Что?!

– В переносном смысле. Я занималась вашей инициацией. Помните, в детском саду? Вы тогда решили, что вы клоун.

– Вы? Мою инициацию купировала доктор Ван Фрассен.

– Это так. – Голос остался прежним, кукольным, но взгляд комиссарши затуманился. Не требовалось считывать эмоспектр Линды, чтобы понять: с доктором Ван Фрассен они были близки. – Бедная Регина, вот ведь не повезло... Выйти живой из самых кошмарных передряг, чтобы разбиться в турпоездке! Я-то знаю, мы столько пережили вместе. Плен на Тетрафиме, конфликты на Сякко... Экзамен по социализации – и тот мы сдавали плечом к плечу! Я даже вышла замуж за экзаменатора! Ну, это уже потом...

Комиссарша опять хихикнула. Гюнтер не знал, натурален смех Линды или просто вносит еще одну монетку в общую кассу позитива. Будь кавалер Сандерсон верующим, сейчас он молился бы, чтобы Натху не проявил своих способностей ментала. Узел, клубок, насекомое, осьминог – Гюнтера устроила бы любая поза сына. Лишь бы он не полез на контакт с Линдой, разоблачив себя! Да что там контакт – лишь бы мальчик не стал фонить, выплескивая наружу яркие детские чувства! Комиссарша живо отследит, учует, от кого пахнет жареным: менталы фонят совсем не так, как обычные люди. К счастью, Натху не фонил – напротив, закрылся наглухо. Какие бы эмоции ни владели ребенком, он воздвиг мощный заслон на их пути. Как? Его никогда не учили защитному периметру! Привык, решил Гюнтер. Привык, бегая по космосу со стаей хищных флуктуаций. Не хотел все время кормить их деликатесом, а может, боялся – почуют, что антис без перерыва истекает эмокровью, возбуждятся, кинутся, сожрут...

– Что вы здесь делаете? Немедленно покиньте детскую!

В дверях стоял Тиран.

– Женщины любопытны, – с отменным хладнокровием откликнулась Линда Рюйсдал. – Не знали?

– Что?!

– Я хотела посмотреть на антиса. На первого ларгитасского антиса.

– Как вы вообще сюда попали? Кто вас пустил?!

Он ничего не знает, отметил Гюнтер. Похоже, тэшница все-таки пришла к нам с Натху.

– У меня допуск. – Комиссарша улыбнулась. – Ваш телохранитель, господин Бреслау, просто обязан иметь допуск, сопоставимый с вашим.

– Мой телохранитель?

Ян Бреслау побелел. Только на щеках полыхали два красных пятна, как у чахоточного.

– Генерал Ван Цвольф обратился в управление службы Т-

безопасности...

Голос женщины сделался сух и ровен. Добрая бабушка в вязаной кофте исчезла, исчезла и насмешливая гостья, втыкающая в кавалера Сандерсона острые шпильки. Адъюнк-комиссар Рюйсдал делала официальное заявление.

– Он просил предоставить вам телохранителя, способного защитить вас от ментального нападения. Я понимаю, что слово «телохранитель» в данном случае звучит сомнительно. Разумохранитель? Зовите меня как угодно, сути дела это не меняет. В ближайшее время я буду рядом с вами, нравится вам это или нет.

– До каких пор?

– Пока меня не отзовут.

– Я же сказал Ван Цвольфу: полгода! Мне дали шесть месяцев отсрочки!

– Это не мое дело. Я выполняю приказ.

Не к нам, ликовал Гюнтер. Не к нам, к Тирану. Секрет остается секретом, тэшница всего лишь поддалась женской слабости. Явись сейчас в детскую Скорпион, Гюнтер расцеловал бы сякконца. Что с сыном? Узел по имени Натху не двигался с места. Взгляд утратил блеск, угольки подернулись пеплом. Было трудно понять, как относится ребенок к конфликту взрослых. Втайне Гюнтер опасался, что реакция сына на ссору может стать неадекватной. При его-то биографии! На Хельме вообще стартовал... Нет, мальчик реагировал нормально – если в случае с Натху есть смысл говорить о норме.

– Почему ко мне? Вы же знаете, как атакуют Скорпионы! Знаете, кого они атакуют!

Тиран стремительно терял лицо. В присутствии Гюнтера, тэшницы – да что там! – в присутствии малолетнего антиса, чьи истерзанные космосом нервы были всенародным достоянием Ларгитаса, Ян Бреслау кричал, брызгал слюной, задыхался.

– Они быют по семье! По друзьям! – Он рванул галстук. Верхняя пуговица рубашки отлетела, ударилась о стену. – Они ломают мозги близким людям! Приставьте Т-охрану к моей жене! К дочери!

– Это невозможно, – отрезала Линда. – Во-первых, мы не знаем, кого выберет Скорпион в качестве оружия возмездия. Во-вторых, на Ларгитасе не так уж много менталов, способных справиться с обученным сякконцем. Я бы сказала – мы все наперечет.

– А вы? Вы способны справиться?!

– Вы помните Регину? Доктора Ван Фрассен?

Тиран задохнулся:

– При чем здесь доктор Ван Фрассен?! На что вы намекаете?!

– Давно, в молодости, мы с ней вдвоем справились с парой сякконцев. Когда сякконцев стало двенадцать... Вы в курсе их методик? Я говорю о ситуации *под шелухой*.

– В курсе, – хором отозвались Гюнтер с Тираном.

– Так вот, дюжине мы проиграли. С тех пор прошло много времени. Из молодой газели я превратилась в старого крокодила. С дюжиной, может, и не совладаю, но с шестью – вполне. Как минимум я задержу Скорпиона, позволив вам уйти. Задержу любой ценой, ясно?

С восторгом и ужасом кавалер Сандерсон смотрел на адъюнкта-комиссара. Исчез жир на боках и животе, потешная гулька из волос на затылке, «гусиные лапки» в уголках глаз. «Как минимум я задержу Скорпиона...» Сумей Гюнтер когда-нибудь произнести эти слова с такой уверенностью, как Линда Рюйсдал, он бы считал, что жизнь прожита не зря. Стыдно признаться, но, когда он ночью кинулся на помощь Яну Бреслау, он боялся до холодного пота. Бежал и боялся, боялся и бежал.

– Рядом? – обычным язвительным тоном повторил Тиран. Он взял себя в руки. На лицо вернулись краски, румянец погас на щеках. – Рядом со мной, нравится это мне или нет? В таком случае следуйте за мной. Детская – не место для выяснения отношений. Вы удовлетворили свое любопытство?

– Вполне.

– Простите меня, кавалер Сандерсон. Я не имел права устраивать сцену. Надеюсь, это не отразится на ребенке.

Замолчав, Тиран прикусил губу. Похоже, он только сейчас сообразил, во что мог вылиться его нервный срыв: в «горячий старт» антиса. Это означало пепелище на месте бункера и похоронный марш для каждого человека, оказавшегося поблизости. Если у Гюнтера в таком случае оставался крохотный шанс – при желании Натху накрыл бы отца силовым колпаком, как однажды сделал с матерью, – то остальным не на что было рассчитывать.

– Простите, – повторил Ян Бреслау.

Линда прощения не попросила.

Когда они вышли, Натху сел по-человечески. Мальчик улыбался. Нет, мальчик сиял! Ментальные блоки слетели, будто и не бывало, Гюнтер отчетливо ловил чувственные волны, исходящие от сына. Такие эмоции испытывает ребенок, когда он нашел конфету, спрятанную родителями, – и не только нашел, но и съел втихомолку.

Думать о том, что Натху счел конфетой, Гюнтеру не хотелось.

II

Наблюдательный пункт оборудован в четырехстах метрах от тренировочного бункера. Все системы слежения работают: в обзорной сфере группа выходит на рубеж атаки. Бхимасена дает приближение. Бойцы занимают позиции, оставаясь невидимками для камер бункера и охранников у входа. Застыв без движения, бойцы напоминают коряги, посеревшие от времени и дождей. Горакша-натх ничем не выделяется среди людей субедара Марвари. Втайне генерал ждал, что йогин примет какую-либо головоломную асану, однако тот присел за кустами на корточки самым банальным образом. Бхимасена считает до десяти, и гуру встает во весь рост, направляясь к воротам, ведущим на территорию бункера.

Скрыть свое присутствие он даже не пытается.

Безумец, ахает генерал. Что ты творишь?! Сейчас тебя вырубят из парализатора и поднимут тревогу!

Ворота открываются перед йогиним. Автоматика срабатывает так, словно ларгитасцы вживили наглецу-брамайну электронный чип с высшим уровнем допуска. Оставив ворота за спиной, гуру движется дальше: к зданию, к охранникам у входа.

– Стой, кто идет!

Не сбавляя шага, Горакша-натх вытягивает руки вперед: я безоружен.

Ерунда, отмечает генерал. Ларгитасцам плевать, безоружен нарушитель или нет. У них есть четкий приказ. У охраны тренировочного бункера он тоже есть.

– Стой, стрелять буду!

Выждав секунду, не более, после второго окрика, правый охранник вскидывает парализатор. Левый шарит взглядом по гребню забора: не лезут ли на объект сообщники безбашенного визитера?! На увеличении хорошо видно, как правый жмет на спуск: раз, другой, третий. Он жмет, гуру идет. Из потенциальной драмы ситуация на глазах превращается в фарс. Напарник стрелка что-то бормочет в гарнитуру переговорного устройства. Судя по гримасе, искажившей его лицо, ответа он не получает. Уяснив, что связи с командованием нет, напарник тоже берется за парализатор.

Горакша-натх поднимает правую руку.

Ардха патака мудра, жизнь и благословение, вспоминает генерал, видя жест йогина. В следующий миг из кустов к зданию, стреляя на бегу,

бросается серая волчья стая. Преодолевать забор бойцам субедара Марвари не надо: ворота остались открыты. Это подарок судьбы – он позволяет не только без труда проникнуть на территорию, но и всадить в охрану пару-тройку разрядов. Выронив оружие, бедняги валятся как подкошенные. По щекам йогина текут слезы милосердия. С сочувствием глядя на парализованных, Горакша-натх садится на скамейку, вкопанную в землю, – здесь оборудовали место для курения.

Стая проносится мимо. Йогин закрывает глаза.

До входа бойцы добегают за одиннадцать секунд – рекордное время, отмечает генерал. Двое отстали, подбирая оружие охранников: свое имеется лишь у троих, и на то есть серьезные причины. Что такое?! Боец-шутник, позволивший себе вольность при беседе с гуру, ругается сквозь зубы, отбрасывает трофейный парализатор. Неисправен? Со вторым парализатором, похоже, все в порядке. На дверной панели – о чудо! – горит зеленый индикатор.

Створки разъезжаются, пропускают отряд внутрь.

Бхимасена переключается на камеры бункера – и в растерянности моргает. Он видит невозможное: холл первого этажа, где как ни в чем не бывало несет службу охрана в песочной форме. Тревога? Нет никакой тревоги. Вход? Двери по-прежнему заблокированы. Кто в холле? Никого из посторонних.

Малый обзорник дает картинку с дрона. За открытыми дверями в полутьме холла мелькают отсветы разрядов. Ну да, люди Марвари ведут бой, прорываясь дальше. Почему же...

«Иллюзию я беру на себя».

Демонстрация, вспоминает генерал. При первом визите гуру преподавал мне наглядный урок, не выходя из кабинета. Должно быть, с бункером он проделал нечто подобное, только в больших масштабах.

Ай да гуру!

Бхимасена в восхищении щелкает языком, чего не делал лет с шестнадцати. Наскоро проверив сферы, генерал убеждается: камеры работают, но ни одна не показывает каких-либо эксцессов. Тишь да гладь, на объекте все спокойно. Где группа? По идее, уже пробилась на минус третий уровень. Вот почему гуру настаивал на максимальной скрытности продвижения! Когда сигнал тревоги срабатывает в момент проникновения, скрытность теряет смысл: важнее скорость. Но если тревоги нет, тактика меняется.

Приглядевшись внимательней, Бхимасена убеждается: все изображения, подаваемые с камер, статичны. Ледяной гигант из сказки,

Горакша-натхдохнул холодом и заморозил видео. Раз в тридцать секунд изображения мигают, как при кратковременном сбое питания. Рано или поздно это заметят на командном пункте – и поднимут тревогу.

Генерал улыбается. Он хорошо помнит лицо охранника, пытавшегося сообщить начальству о сумасшедшем брамайне, повелителе ворот. Пожалуй, с тревогой возникнут проблемы. Даже наверняка возникнут.

Ждать хуже всего. Выяснить, что творится под землей, нельзя: камеры показывают фальшивки, системы связи, размещенные ниже минус четвертого уровня, внезапно отключились. Гуру сидит каменным истуканом: глаза закрыты, на лице – отрешенность. Серьги в ушах йогина мерно раскачиваются в противофазе. Обычно операция заканчивалась провалом за десять – пятнадцать минут. Проходит четверть часа. Шестнадцать минут. Семнадцать...

Гуру шевелится.

Приходит в движение крайняя слева картинка. Комната в кадре – точная копия комнаты из ларгитасского пропагандистского ролика. Пушистый ковер. Хай-тековские кресла. Визор-центр. Ваза с фруктами. Диагностический блок в изголовье кровати. Мальчик тоже присутствует: Натху Джутхани сидит на полу.

За диагност-блоком прячется охранник.

Дверь – обычная, не раздвижная – стремительно распаивается. Два разряда полыхают разом. Падают оба – охранник и боец-шутник: где-то раздобыв действующее оружие, он первым врывается внутрь. Перепрыгнув через тело товарища, в комнату влетает Марвари, – кажется, от всей стаи остался один вожак. На миг он замирает: глядит на мальчишку и не верит своим глазам. Потом субедар вскидывает лучевик и без малейших колебаний стреляет в голову Натху Джутхани.

Мальчика окутывает пламя: жаркое, искристое. Фейерверк взрывается блестками конфетти и лентами серпантина. Дитя технологии прецизионного анатомического копирования, кукла издает звук облегчения – пухф! – и превращается в огненный шар, испарившись без следа. От нее не остается даже пепла.

Из акустики гремит торжественный гимн.

* * *

– Впечатление? Да они в шоке!

Перед глазами Бхимасены все еще стоит картина: бойцы, «серые» и

«песочные» вперемешку, гурьбой вываливаются из бункера. Гогочут, хлопают друг друга по плечам, сверкают белозубыми улыбками на всю Галактику. И вдруг – тишина. Проходит секунда, другая, третья. Бородач Марвари кланяется гуру, сидящему на скамейке, почтительно касается лба кончиками пальцев. Остальные следуют примеру командира. Двое самых восторженных простираются ниц...

Йогин пожимает плечами:

– Это суэта, Рама-джи. Иллюзия.

– Иллюзия? Вы добились успеха. Бойцы пойдут за вами хоть в черную дыру. Субедар-майор поклялся, что в следующем рождении станет вашим учеником.

– Кармическая клятва?

– Да.

– Это намек, Рама-джи?

– Намек на что?

– На то, что в этом рождении Марвари не дано стать моим учеником.

Он не рассчитывает прожить долго, да?

Генерал в задумчивости скребет небритую щеку:

– Я военный, Вьяса-джи. Я не люблю намеки. Хорошо, что вы сами подняли эту тему. Вы ведь понимаете, что без вас операция бы провалилась?

– Разумеется.

– Зачем вы поманили нас надеждой? У вас на примете есть человек, способный подменить вас на Ларгитасе, в реальных боевых условиях?

– У меня есть такой человек.

Повисает пауза. Горакша-натх ждет следующего вопроса, но генерал молчит, не желая следовать отведенной ему роли. Играть в молчанку глупо.

– Мы незаменимы, Рама-джи. Все до единого. Мы уникальны. Подменить вашего покорного слугу может только один человек на свете – я сам.

– Исключено!

– Почему?

– Марвари не зря дал клятву. Возвращение не предусмотрено, Вьяса-джи. Это миссия смертников!

– Хорошо, что вы напомнили мне о клятве. Я тоже клянусь взять субедар-майора в ученики, когда воскресну к следующему воплощению.

– Вы издеваетесь?! Я не имею права рисковать вами.

– Почему?

– Вы не принадлежите себе. Вы – достояние расы!

– Ошибаетесь, Рама-джи. Каждый из нас принадлежит самому себе. Каждый волен выбирать свою судьбу. Вы следуете своей дхарме. Я – своей.

Бхимасена набирает в грудь воздуха, желая возразить, но йогин опережает его:

– И если речь зашла о достоянии расы... Что вы скажете о Натху Джутхани? Он – достояние расы Брамайн?

– Разумеется!

Не в силах устоять на месте, Бхимасена мечется по кабинету. Под *шелухой*, в галлюцинаторном комплексе, генерал выглядел бы разъяренным тигром: рык, оскал, хвост хлещет по бокам. Призрак тигра прямо-таки витает в воздухе.

– Вы лучше меня знаете: дело идет к войне, – упорствует гуру. – Если мы вернем Натху, избежав масштабного столкновения, это будет лучший выход для всех. Минимальные потери? Так говорят у вас?

– Другой йогин? – хрипит генерал. – Опытный наладчик энергосистем? Бог, демон, кто угодно?!

Гуру смеется:

– Вы согласны пожертвовать кем-то другим, но только не мной? Богом, демоном? Благодарю, я тронут. В любом случае трое достойных йогов слишком стары для такой миссии. Двое, насколько я знаю, ушли в длительную медитацию... Я бы не советовал тревожить их. Шри Рачапалли? Нет, он не согласится. Видите, я ищу выход. Я перебираю варианты. Я стараюсь ради вас.

– Варианты?! Ради меня?!

– Конечно.

– Вы морочите мне голову, и все.

– Разве я бы посмел?

– И вы согласны на такой размен?! – мимо воли вырывается у генерала. – Натху, по крайней мере, не угрожает гибель. Он антис, а вы...

– Жизнь – не шахматы, Рама-джи. Но если использовать шахматную аналогию, то Натху – более ценная фигура, чем я. В любом случае это мой выбор. Ваша совесть чиста, вы честно пытались меня отговорить. Поверьте, я ценю ваши усилия. Но субедар-майор и его люди готовы умереть ради свободы Натху. Вам известно, что врачи древности испытывали свои лекарства на себе? Я отношусь к ним с уважением. Обостренное чувство ответственности – не отказывайте мне в нем, прошу вас. Я – причина того, что бойцы Марвари рвутся в ад. Они не уйдут без меня, Рама-джи. Я не отпущу их.

Генерал смотрит на йогина. Он словно впервые видит этого человека.

Наконец Бхимасена кивает:

– Хорошо. Я спрашиваю в последний раз, Вьяса-джи. Вы уверены, что это единственный вариант? Если вы готовы досрочно завершить нынешнее перерождение... У нас нет выбора?

– Нет.

– Подумайте, прежде чем рискнуть всем.

– Таков мой путь. Никакая цена на этом пути не будет чрезмерной.

«Мы вернем его любым путем, любыми средствами. Никакая цена на этом пути не будет чрезмерной». Да, вздрагивает генерал. Йогин, я смотрел полит-шоу «Махаратха». Я запомнил сказанное тобой в финале передачи. Да, цена. Не только чужие жизни.

Своя – в первую очередь.

– Мне нужно поставить командование в известность. – Голос сел, в горле ворочается колючий ком шерсти. – Если нам дадут добро, я постараюсь, чтобы у вас был шанс вернуться. Я зубами выгрызу этот шанс.

III

Звяк. Звяк. Зонды один и девять.

Осталось семь.

Звяк...

Ослепительная вспышка полного квантового распада вспухла на обзорнике – и расплылась от края до края, пожрав изображение.

– Фаг!

Пакость случилась.

К чести капитана Ластбадера, он опомнился быстро:

– Гиперсвязь с командованием!

И следом:

– Тревога! Экипажу занять места согласно боевого расписания! Активировать дубль-связь на всех зондах. Данные слать мне и на «Вихрь». Таубе, свяжитесь с «Вихрем», доложите ситуацию.

– Есть, капитан!

Старпом Таубе уже активировал дубль-контур гипера, связываясь с «Вихрем», флагманом ларгитасской группы кораблей.

– Есть гиперсвязь с командованием!

За те сто сорок секунд, что брамайны принимали решение, Ластбадер успел доложить об инциденте и выслушать инструкции. Похоже, командование предвидело подобное развитие ситуации.

- В случае атаки противника разрешите вступить в бой.
- Только в крайнем случае!

Время текстовых сообщений закончилось. Под сводами рубки гремел голос вице-адмирала Ван Фрассена, отчего капитану хотелось вытянуться во фрунт.

– Если будет хоть малейший шанс, что группа справится без вас, сохраняйте маскировку. Себя не обнаруживать, это приказ. Вам все ясно, корвет-капитан?

- Так точно, господин вице-адмирал!
- Подкрепление выдвинулось. Конец связи.

Выдвинулось, отметил Ластбадер. Он сказал: подкрепление выдвинулось. И не сказал, когда оно подойдет. Значит, держимся до подхода. На обзорниках, проморгавшихся после аннигиляционной вспышки, брамайнские корабли перестраивались для атаки. Ластбадер бросил взгляд на таймер зондов. Девять из дюжины «залипух», начиненных антивеществом, достигли своих целей. Один сигнал...

Проклятье!

Провокация, дошло до капитана. Четверо суток назад – это была намеренная провокация! Брамайнские зонды, фонящие плазменными хвостами, – наживка! И мы ее с радостью заглотили. Брамайны ждали нашего ответного хода, надеялись на него. Теперь у них развязаны руки: Ларгитас атаковал первым! Раса Брамайн отвечает на акт агрессии техноложцев!

Из второго эшелона подтягивались КЭПы – корабли энергоподдержки. Сдвоенная эскадра Второго Чайтранского флота маневрировала четко и слаженно, как на учениях, выстраивая «Брахмаширас» – «Голову Брахмы». Если расфокусировать зрение так, чтобы силуэты кораблей расплылись, – строй обретал форму исполинского черепа. В сферах волновых сканеров «черепа» обтянула пергаментная кожа силового поля. Глазницы и провал рта мало-помалу разгорались: КЭПы формировали силовые зеркала-концентраторы, намереваясь сфокусировать и усилить мощь залповых ударов.

- «Тень» – «Вихрю»! Вызываю фрегат-капитана Асланда.
- Фрегат-капитан Асланд на связи.
- Докладывает корвет-капитан Ластбадер. На девяти кораблях противника – наши зонды с порцией антивещества. Готов подорвать их в любой момент.

Сдвоенная эскадра Второго Чайтранского флота маневрировала четко и слаженно, как на учениях, выстраивая «Брахмаширас» – «Голову Брахмы».

- Вас понял. Без приказа – не взрывать.
- Есть не взрывать без приказа.
- Пауза.

– Спасибо, капитан. Конец связи.

Чертова политика, скрипнул зубами Ластбадер. Чертова Лига, чертовы брамайны! Упреждающий подрыв девяти кораблей Чайтранского флота – это полномасштабная война. Брамайны будут выглядеть пострадавшей стороной. Лига не станет вмешиваться либо поддержит брамайнов. Прав Асланд: надо ждать. Теперь мяч на их половине поля...

Во лбу черепа распахнулся третий глаз. Извергся рой искр: с платформ-носителей стартовали волновые истребители. Искры разлетелись в стороны, глаз почернел и закрылся. Истребители пересекли границу сектора, разошлись вогнутыми полусферами. Гигантские ладони приготовились схлопнуться вокруг намеченной жертвы, открывая брамайнам директрису огня.

Строй ларгитасцев распался на два равносторонних треугольника. Второй эшелон раздвинулся, намереваясь вести огонь по истребителям без риска зацепить своих. Треугольники начали вращение, сбивая противнику прицел.

– Наводчикам разобрать и вести цели. Без приказа не стрелять.

Истребители атаковали. Полусферы вывернулись наизнанку, превратились в копейные наконечники, ударили по первому эшелону ларгитасцев, на подлете полыхнув синими вспышками залпов. В ответ фрегаты Ларгитаса сделались солнцами в миниатюре, вынудив оптику снова ослепнуть. Так выглядел синхронный залп двенадцати батарейных плазматоров. Когда видимость вернулась, «копья» распались. Истребители вспыхивали, взрывались, сгорали дотла, но часть машин уцелела. В сканерах мела пурга – обе стороны включили генераторы помех. Троица фрегат расцвела кустистыми фейерверками ботов-беспилотников, оснащенных когерентными гамма-излучателями.

И тут ударил «Брахмаширас».

Строй брамайнских кораблей успел набрать скорость. Когда он, вслед за истребителями, пересек границу сектора, рот и глазницы черепа озарило сияние: белое, ослепительное. Три залповых луча, сходящиеся на иглу, пронзили космос. Оказавшиеся на их пути истребители сгорели мошками в пламени паяльной лампы – свои жертвовали своими. Несмотря на маневры ларгитасцев, два луча из трех достигли цели. Кормовая часть «Зигварда» расплескалась вязкими брызгами вулканической лавы. Рдея и угасая, брызги поплыли в космосе созвездием красных карликов. Внутри пробойны металась синие отсветы электрических разрядов. Фрегат потерял управление, закувыркался прочь, разрушая строй первого эшелона.

«Вихрю» повезло больше: убийственный луч зацепил его вскользь,

срезав боевую башню и оплавив обшивку. К счастью, флагман остался на ходу.

«Где приказ? Где чертов приказ?! На „Вихре“ что, накрылась гиперсвязь?»

Уцелевшие фрегаты разродились смертоносным потомством: из бомболоков явился рой черных сигар. На подлете к «Брахмаширас» торпеды встретила стена заградительного огня. Космос вскипел от разрядов. Сигары лопались адскими стручками, взрывались, исторгая сотни металлических семян: ассорти из мини-ракет. Новый рой устремился к левой глазнице черепа, и его встретила вся огневая мощь брамайнов: волновые орудия, плазматоры, лучевые пушки...

Отвлекающий маневр, понял корвет-капитан за секунду до того, как фрегаты Ларгитаса вновь превратились в солнца. Неповоротливый строй «Брахмаширас» представлял собой идеальную мишень, и наводчики не подвели. Залп батарейных плазматоров ударил в оскаленный рот черепа. Волна бушующей плазмы прорвала защитное поле, вражеский КЭП расцвел жарким погребальным костром. Миг – и в пространстве уже плыл, остывшая, искореженный кусок металла.

Пленка защитного поля, обтянувшая череп, истаяла клочьями тумана. Ракеты ворвались в глазницу, огненный град прошелся по борту второго корабля энергоподдержки, дырявя и корежа обшивку, сотрясая нутро КЭПа направленными гравиударами. И все же КЭП уцелел. Правый борт его превратился в решето, но автоматика задраила внутренние переборки, а системы пожаротушения справились с огнем. На малом ходу корабль начал оттягиваться в тыл.

«Брахмаширас» на ходу перестроился в «Ракшас-виману»: четыре ударных «дышла» – квадрат линкоров по периметру. Истребители оттянулись назад. Ларгитасцы тоже сменили построение. Беглый огонь, массированные помехи; сканеры сошли с ума, на обзорниках мельтешил хаос.

– Приплыли, – выдохнул старпом Таубе.

И громко икнул.

В сфере, пропущенный сквозь фильтры, крутился микс: наложение гравитационной, волновой и оптической картин. Изображение дергалось, но сквозь дерганину было видно, как позади «Ракшас-виманы» разгорается охристое свечение. В какой-то неуловимый момент оно распалось на три пульсирующих сгустка.

– Антисы?

Старпом запустил сравнение с атласом Шмеера – Полански.

– Много помех... Да, антисы.

Таубе икнул еще раз.

– Брамайнские антисы, – уточнил он, хотя сказанное не нуждалось в уточнении. – Кешаб, Вьюха и Капардин.

Если брамайнские корабли начнут гибнуть в аннигиляционных вспышках... Ластбадер нервно засмеялся. Хорошенькое дело! От антисов даже удрать не получится. Ну и ладушки. Ждем до последнего, а потом взрываем этих ублюдков к чертовой матери, с приказом или без приказа! Катись оно все в черную дыру...

И черная дыра не замедлила явиться.

Десятки, сотни провалов клубящейся тьмы распахнулись в тылу ларгитасского сектора, пожирая далекие звезды. Расцвели клумбы зловещих тюльпанов, и из них в трехмерное пространство градом посыпались галеры. Триремы, квадриремы, гексеры – корветы, фрегаты и крейсеры, по общепринятой классификации, – они выходили из РПТ-маневра, выстраивались в боевые порядки: «Стена Ливия» глубиной в три эшелона. А тюльпаны продолжали язвить содрогающийся континуум. К армаде присоединялись эннеры – тяжелые корабли класса супердредноута. Эннеры выходили из гиперпаарами: четыре, шесть, восемь...

Огонь прекратился.

– Вызываю корабли Ларгитаса! Говорит Тиберий Септимус Салестерна, консуляр-трибун ВКС Великой Помпилии. Вас приветствуют Первый Октуберанский, а также Второй и Третий Квинтилианские флоты, объединенные под моим командованием. Мы прибыли во исполнение Договора о военном сотрудничестве между Ларгитасом и Великой Помпилией. Готовы вступить в бой. Вызываю корабли брамайнов! В случае продолжения агрессивных действий по отношению к нашим союзникам мы откроем огонь без предупреждения...

Корвет-капитан Ластбадер вытер со лба холодный пот. Уверен, подумал он. Уверен целиком и полностью. Еще никто из нас, никто и никогда не был так рад боевым галерам Великой Помпилии в своем секторе пространства!

Виват рабовладельцы!

IV

– ...акт беспрецедентной агрессии со стороны Ларгитаса! Аннигиляционный взрыв уничтожил шлюпку линкора «Агни». Погибли

семь человек, включая коммодора Вишванатана Крипалани, героя Пятидневной войны в секторе Ангхоги. Шлюпка следовала с линкора «Агни» на фрегат «Сканда» в нейтральном секторе пространства, когда коварные техноложцы нанесли подлый, ничем не спровоцированный удар!

Брамайн-диктор носил траур: белая сюртучная пара, белый тюрбан. Повинуясь чужой воле, он стремительно уменьшился, был задвинут на задний план. Голосфера наполнилась черным бархатом, сверкнула искрами звезд. Явился борт корабля, от него отделился серебристый цилиндр, похожий на пивной кег, – шлюпка, подсказали зрителям титры. Секунда, другая, третья. Мелькнула искра, по бархату расплылась вспышка, погасив звезды.

Ремастировали со сканеров, отметил вице-адмирал Ван Фрассен. Кое-что попросту дорисовали: по шлюпке никто не стрелял, зонд двигался под камуфляжем.

– Могли ли мы оставить безнаказанным вопиющий акт агрессии? Циничное попрание всех норм галактического права? Могли ли мы спокойно наблюдать гибель наших сорасцев? Нет!!! Лишь коварное вмешательство ВКС Помпилии, этой империи рабовладельцев, выступившей на стороне Ларгитаса, не позволило свершиться справедливому возмездию. В Совет Безопасности Лиги уже направлена нота протеста...

Вице-адмирал переключил канал.

– ...официально заявляет: с момента появления кораблей брамайнских ВКС у границ ларгитасского сектора не было произведено ни единого выстрела из какого бы то ни было вида оружия по кораблям Чайтранского флота. Ларгитас готов представить все необходимые доказательства, включая записи волновых и гравитационных сканеров, а также аппаратуры оптического слежения. По всей видимости, произошел несчастный случай при транспортировке аннигиляционного заряда с одного брамайнского корабля на другой. Однако всю ответственность за трагическую аварию, повлекшую за собой человеческие жертвы, брамайны решили возложить на Ларгитас, задним числом подделав запись инцидента! Более того, брамайнские ВКС вторглись в ларгитасский сектор пространства, навязав бой нашим кораблям. Если бы не своевременное вмешательство наших помпилианских союзников...

В отличие от брамайнов, ларгитасский канал демонстрировал сражение полностью – ну, почти полностью, с минимальным монтажом. Смотрите, кричала трансляция. Смотрите, нам скрывать нечего! Они агрессоры! Мы защищались! Реальная битва в космосе, с пылу, с

плазменного жару – зрителя от такого лакомства за уши не оттащишь. Ларгитас дал Ойкумене зрелище, и Ойкумена ела у Ларгитаса с ладони.

– ...в Совет Безопасности Лиги направлена нота протеста...

Ван Фрассен выключил визор. Ларгитасская версия и впрямь выглядела убедительнее – к такому мнению склонялись независимые эксперты Китты, Элула и межрасового центра галактической аналитики на Хиззаце. То же подтверждали опросы общественного мнения на нейтральных планетах. Вряд ли брамайны в ближайшее время отважатся повторить попытку вторжения. Лига их не поддержит, а с учетом союзников-помпилианцев даже религиозные фанатики трижды подумают, прежде чем лезть на рожон.

Палка о двух концах, вздохнул вице-адмирал. Рабовладельцы явились вовремя, спасли наших людей и корабли. Но преимущество внезапности утеряно: о военном союзе теперь известно даже слабоумным. В выигрыше только Помпилия: поиграли мускулами, выступили в благородной роли миротворцев. А заодно намекнули нам: мы свою часть договора выполняем, так не пора ли поделиться информацией по Натху?

«Впрочем, это уже не моя головная боль...»

Вице-адмирал отвечал за военную часть сотрудничества. Все остальное – дело правительства и научной разведки. Сейчас Ван Фрассена больше беспокоили зонды, оставшиеся на брамайнских кораблях. Двенадцать обычных, девять – с начинкой из антивещества. Если брамайны обнаружат зонды, если предъявят доказательства – чаша весов качнется в их сторону. Подать зондам команду на возвращение? Оставить все как есть?

Да, палка о двух концах.

Прозвенел зуммер входной двери. Из переговорного устройства донеслось:

– Капитан второго ранга Лофгрэн. Разрешите войти, господин вице-адмирал?

Адъютант всегда докладывал строго по уставу.

– Входите, Рольф.

– Разрешите доложить?

– Докладывайте.

– Поступил запрос... Начальник отдела считает, что это в вашей компетенции.

Редкий случай: в голосе адъютанта звучало сомнение.

– Что за запрос?

– Разрешите, я скопирую его в ваш компьютер? Думаю, вам лучше

самому прочесть, господин вице-адмирал.

- Да, конечно. Что-то еще, Рольф?
- В пятнадцать тридцать совещание у начальника Генштаба.
- Спасибо, я помню.
- Журналисты Первого Всепланетного канала просят о встрече.
- Отказать. У нас есть пресс-служба, пусть отдувается.
- Я переслал вам сводку по сектору за истекшие сутки.
- Спасибо, Рольф. Можешь быть свободен.

Ван Фрассен открыл запрос:

«Командующему ВКС Ларгитаса адмиралу флота Хенрику ван дер Фальку».

Однако! Запрашивающий мелочиться не стал. Понятное дело, ван дер Фальку никто этот запрос не передал. И начальнику Генштаба Ньюбергу тоже. Запрос спустили к вице-адмиралу Ван Фрассену, заму Ньюберга по оперативно-тактическому планированию, и это тоже говорило о многом.

«Настоящим сообщаем Вам, что нами, группой ларгитасских менталов, проведены успешные испытания резонансного ментального оружия (далее – РМО). В ходе испытаний было установлено: при достижении эффекта ксирезонанса мощность результирующего ментального импульса многократно превосходит простую сумму мощностей ментальных импульсов участников проекта...»

Умники, возмущился Ван Фрассен. Эффект кси-резонанса, сумма мощностей ментальных импульсов! Я, фаг побери, военный, а не эксперт по менталам! Не будь моя дочь телепатом... Кольнуло сердце. Столько лет прошло, и все равно... Спокойно, адмирал. Ты еще нужен своей планете. Быть может, больше, чем когда-либо. Вдох-выдох, вдох-выдох... Не будь моя дочь телепатом, я бы мало что понял в запросе. Я никогда не афишировал интерес к работе Регины, но начальство об этом прекрасно знает. Кто бы ни велел переслать запрос мне, он понимал, что делает.

«Этой мощности волне достаточно, чтобы РМО в составе команды из девяти – двенадцати менталов, войдя в кси-резонанс, полностью вывело из строя экипаж вражеского корабля класса корвета как минимум».

Вражеского! Цивилы! У армии нет врага!
У армии есть противник.

«Мы, менталы Ларгитаса, как патриоты нашей Родины, считаем своим долгом поставить Вас в известность о новом виде оружия (РМО), которого нет и не может быть у брамайнов по понятным причинам. Также у брамайнов нет никакой защиты от ментальных воздействий, что дает Ларгитасу серьезное преимущество. Мы считаем своим долгом принять участие в защите Отечества в качестве боевых расчетов (команд) РМО. На данный момент сформировано пять полностью укомплектованных расчетов РМО, ведутся регулярные тренировки. Все команды готовы принять участие в боевых действиях по первому Вашему приказу. В дальнейшем из менталов Ларгитаса могут быть сформированы дополнительные расчеты РМО.

Запрашиваем Вашего разрешения исполнить свой долг...

Дата.

С уважением...»

Фамилии, подписи. Первой стояла подпись Седрика Норландера. Благодаря своей должности Ван Фрассен был в курсе операции «Отщепенец», позже переименованной в «Кольцо». Кто, спрашивается, предоставил *научразам* центр переподготовки, оборудование и модифицированный «Ведьмак» с экипажем? И, так уж случилось, вице-адмирал помнил фамилии менталов, принявших участие в проекте, включая Норландера. Разработали они, как же! Это эксперты Бреслау все разработали, а вы, ребята, были исполнителями. Отлично поработали, но идея принадлежала не вам. В одном вы молодцы. Подписку о неразглашении дали? Дали. Слово держите? Держите. Про Отщепенца – молчок. Что же до ментальных наработок – ладно, нашли лазейку.

«В качестве боевых расчетов (команд) РМО...»

Связаться с Бреслау? Нет, Бреслау с молодежи три шкуры спустит. Запросить в консультанты эксперта-телепата? Вот, мол, молодые, да ранние... Лишний труд. Итак, что мы имеем? Команда менталов, синхрон кси-волны, резонанс. Ментальный импульс, усиленный в десятки раз. Трах-тах, и вражеский экипаж – медузы, кисель. С какого расстояния? На

сколько импульсов хватит сил у команды? Два? Три? Вряд ли больше. И минимум сутки реабилитации – теплая койка, витаминный коктейль. Рисковать драгоценными менталами Ларгитаса, когда с той же задачей справится штурмовой фрегат? И никакой реабилитации?

Игра не стоит свеч.

Ван Фрассен переключил компьютер в режим голосового распознавания.

«В ответ на Ваш запрос сообщаю:

1. Командование ВКС Ларгитаса высоко оценило Ваше предложение по использованию РМО для защиты Родины, а также Ваше желание и готовность принять участие в боевых действиях.

2. К сожалению, в настоящий момент утвержденные оперативно-тактические планы обороны Ларгитаса исключают возможность использования предложенного Вами РМО. Подробные причины изложить не имею возможности из соображений секретности.

3. Тем не менее Ваша готовность исполнить гражданский долг принята во внимание. В случае прорыва сил противника к планете Вы станете нашим секретным рубежом обороны. Продолжайте отрабатывать взаимодействие в составе расчетов РМО. Инструкции получите непосредственно перед тем, как вступить в бой.

*С уважением и искренней благодарностью,
вице-адмирал ВКС Ларгитаса,
замначальника Генштаба
по оперативно-тактическому планированию
Теодор Ван Фрассен».*

Мальчики, подумал Ван Фрассен, подписывая документ. Девочки. Горячие, глупые, славные. Ни к чему вас обижать, правда? Надеюсь, я сумею вас заинтриговать. Подслаstim пиллюлю, хорошо? Ждите и надейтесь. А мы, взрослые черствые сухари, сделаем все возможное, чтобы дело не дошло до высадки на планету. С таким союзником, как волки Помпилии...

Да хоть с самим дьяволом! Ради вас, мальчики и девочки?

Раз плюнуть, и подпись кровью.

Контрапункт

Двадцать лет спустя, или Долг без срока давности

*Друзья дерутся страшнее всех –
За бороду, пальцем в глаз.
Стою в кровавой ночной росе,
И вряд ли в последний раз.
Сейчас ударят ножом в лицо,
Забыв, что ножом нельзя...
Друзья смыкают вокруг кольцо,
Люблю вас, мои друзья.*

*Вениамин Золотой, из сборника «Сирень»
(издание дополненное и переработанное к
тридцатипятилетию со дня первой
публикации)*

– Ты псих? – спросил этот человек.

– Я идиот, – уточнил Тумидус. – Настоящий.

– Знаю, – сказал этот человек. Он сказал это так, что Тумидус возжаждал крови: здесь, сейчас, не откладывая в долгий ящик. – Кто и знает, если не я? Значит, тебе в коллант нужен невропаст. Маэстро Карл состарился, без него вам не взлететь. И ты не нашел ничего лучшего, как пригласить меня? Мне казалось, с возрастом мы умнеем. Выходит, я заблуждался? Может, мне еще и в рабство к тебе записаться?! Вспомним старые добрые деньки...

– Ты лучший, – честно признал Тумидус. – Более того, ты единственный.

– Почему это я единственный?

– Ты тоже идиот. Хуже меня.

– Да, правда. Еще есть причины?

– Никто больше не согласится. Никому больше я не доверяю. Никого больше Папа не пригласил на проводы. Вернее, никого больше из невропастов, ходивших с коллантами.

Этот человек, этот ядовитый гвоздь, забитый двадцать лет назад Тумидусу в пятку, нет, в задницу, – нет, в голову! – хмыкнул самым наглым

образом. Гай Октавиан Тумидус убивал людей за меньшее. Иногда он убивал людей просто так.

– Допустим, – согласился Лючано Борготта, завкафедрой иницирующей невропатии в антическом центре «Грядущее». В прошлом – директор театра «Вертеп», Борготта был известен широкому кругу обиженных им людей под прозвищем Тарталья. – Я лучший, единственный, я ангел во плоти. Но это не повод втягивать меня в безумную авантюру. Почему ты всегда втягиваешь меня в безумные авантюры?

– Я?

– Ты.

– Тебя?!

– Меня.

– Втягиваю?!!

– Обеими руками.

– Это ты меня втягиваешь!

– Ничего подобного. Ты меня втягиваешь, а я за тебя хватаюсь.

За перепалкой, выпучив и без того лягушачьи глаза, следил бармен. Диалог, достойный сцены Королевского театра музкомедии, происходил в скромном баре, расположенном на крыше отеля «Макумба», и бармен хорошо помнил недавнюю встречу двух офицеров, помпилианского военного трибуна и ларгитасского вице-адмирала. Офицеров он считал любовниками – и ошибся. Сейчас, сказать по правде, бармен готов был считать любовниками и эту безумную пару – трибуна-помпилианца и хлыща из богемы, разряженного как попугай. Ну конечно же любовники! Как хорошо, как славно они собачились за графинчиком тутовой водки! Но бармен помнил о своем позоре – и не спешил со скоропалительными выводами.

Вместо выводов он принес скандалистам второй графинчик – первый опустел.

– Ты знаешь, – спросил Тумидус, разливая водку по рюмкам, – как умирают антисы?

– Знаю.

– Я имею в виду, как они умирают по-настоящему?

– Знаю.

Тумидус в изумлении уставился на Борготту. И по голосу, взгляду, по лицу, ставшему мрачнее обычного, понял: знает. Не врет, нет.

– Откуда? Кто тебе сказал?!

– Ты забываешь, где я работаю. У нас говорят о многом. Но не все, о чем у нас говорят, выходит за пределы «Грядущего».

Бархатный сюртук цвета морской волны. Вставки розового атласа. Шитье золотом. Белоснежная сорочка. Красная бабочка в черный горох. Лосины жемчужного оттенка. Высокие кожаные ботинки на шнуровке. С годами, сменив театральные подмостки на кафедру иницирующей невропазии, пройдя путь от раба до коллантария, Лючано Борготта не изменил своим привычкам. Гардероб его хранил печать вызывающего шика, маскарада для привлечения внимания публики. Лицо тоже осталось прежним: хмурое, брюзгливое, без намека на улыбку. Костюм и лицо в сочетании производили на собеседника неизгладимое впечатление.

На кого угодно, только не на Тумидуса. Свои неизгладимые впечатления он уже получил.

– Ты хочешь проводить Папу *туда*? – Борготта ткнул пальцем вверх, намекая на космос. – Ты в курсе, что это опасно?

И Тумидус вздохнул с облегчением. *Этот человек...* Он уже согласился, *этот человек*, эта ходячая катастрофа, раз задает вопросы. Он готов рискнуть, провожая умирающего Папу на орбиту. Но это не значит, что он согласится снова, когда узнает, что задумал военный трибун на самом деле. Я бы тоже не согласился, отметил Тумидус. Предложи мне кто такой изысканный способ наложить на себя руки – нет, я бы и под угрозой расстрела не дал согласия!

– Покажи татуировку, – буркнул трибун.

– Зачем?

– Тебе что, жалко?

Вместо ответа Борготта снял сюртук, повесив его на спинку кресла. Затем расстегнул сорочку и спустил ее с плеча. Татуировка была на месте, там, где помнил Тумидус. Черно-красный орнамент из сплетающихся змей – лиан? шнуров? При длительном рассматривании узор начинал плыть перед глазами. Казалось, змеи шевелились, перетекая по кругу.

У бармена отвисла челюсть. Ниточка слюны стекла на подбородок. Неужели любовники, кричал весь вид бармена. Неужели все-таки любовники?!

– Доволен? – Борготта напряг мышцы. Змеи ускорили движение, цепляясь хвостами. Судя по торсу, Борготта все эти годы не вылезал из тренажерки. Судя по змеям, они тоже. – Иногда она меняется. Цвет, форма... Но сейчас она такая же, как в первый раз. Наверное, почуяла тебя.

– Ее тебе колол Папа, – напомнил Тумидус.

Борготта угрюмо кивнул.

– В тюрьме. Помнишь?

– Иди ты к черту! Думаешь, мне приятно вспоминать?!

Он соврал. Вспоминать было приятно.

...барабанищик жонглировал синкопами, форшлагами и триолями; с какого-то момента Лючано танцевал, сидя на скамейке, танцевал, не двигаясь, а карлик делал ему татуировку. Настоящую татуировку бывалых сидельцев, мастера которой наперечет по всей Галактике. Он так и сказал карлику, и его чудесно поняли, загудели с одобрением, а карлик кивнул, выставляя наборный рисунок из игл в деревянной матрице. Никаких лучевых «жгучек», безыгольных инжекторов – ручная работа!

Ну и хорошо, кивнул карлик, а меня зовут Папа Лусэро. Сморщилось обветренное личико, рука, похожая на руку ребенка, пригладила седые курчавые волосы. Глаза крошечного мастера прятались за очками с очень темными стеклами...^[1]

– Знаешь, что он втер тебе в наколку?

– Знаю, – тем же тоном, что и при разговоре о смерти антисов, отозвался Борготта. В углах его рта залегли глубокие складки. – Пепел. Когда мы возвращаемся из большого тела в малое, на нас остается пепел. Самая малость – помылся, и нет. Профессор Штильнер говорит, что это – погрешность при восстановлении исходника. Папа Лусэро утверждает, что это – пепел времени, горящего в звездах. Он оседает на нашей шкуре, въедается в нее. По-моему, они оба бредят.

– Ты ему должен, – сказал Тумидус. – Ты ему сильно должен.

– Иди ты к черту! – повторил Борготта.

Это значило что угодно, но только не призыв идти к черту.

– Ты и мне должен, – сказал Тумидус.

– Я? Тебе?!

– Посмотри на меня, – сказал Тумидус.

Борготта посмотрел. И увидел не военного трибуна, но штурмового легата. Казалось, он смотрит в перевернутый бинокль времени. Двадцать лет? День за днем; все они сгорели дотла, словно горсть минут, угодивших в огненное чрево звезды.

...гигантским поршнем башня ушла вниз. Когда она вновь поднялась, наверху стоял Гай Октавиан Тумидус в мантии с багряной каймой, наброшенной поверх мундира.

Зал затаил дыхание.

– Я рад приветствовать в этом зале надежду Отечества, его будущее! Могущество Помпилии, ее способность обеспечить своих

граждан необходимым для процветания количеством рабов...

Борготта не сразу обратил внимание на пульсацию в висках. Проклятье! Знакомая боль подобралась незаметно, как наемный убийца. Теперь она уверенно распространялась от висков к темени и затылку, захватывая новые территории. Тараном ударила изнутри, смела выставленные преграды. Пламя вырвалось наружу, в нити, ведущие от невропаста к легату. Наполнило их, словно вода – резиновый шланг.

– ...слава и гордость Империи – корабли ее военно-космического флота!

Помпилианец запнулся. Лицо его исказилось, но легат справился. Сам изнемогая от боли, рвущей голову на части, Борготта сумел оценить выдержку и силу воли Тумидуса. Да, кавалер ордена Цепи умел не только причинять, но и терпеть боль.

Кроме кукольника и куклы, никто ничего не заметил.

– Вы должны быть достойны славы ваших отцов и дедов...

Легат говорил ровно, слишком ровно. Борготта из последних сил старался удержать львиную долю боли в себе, отсекая жгучие щупальца от помпилианца. Лицо Тумидуса превратилось в ледяную маску. Легат по-своему боролся с транслируемой болью, заставляя мускулы не дергаться, а губы – выталкивать наружу необходимые слова.

Когда же кончится эта речь?!

– Я ему должен, – сказал Лючано Борготта. Щеки его стали белей мела. – В смысле, Папе. Я и тебе должен, да. Ойкумена маленькая, мы тут все друг другу должны. Давай рассказывай, что ты там придумал. И имей в виду, я еще не принял решения.

Он лгал, и знал, что лжет, и знал, что трибун это знает.

Глава третья

Консультация по позитиву, или Я тоже параноик

I

– Вы хотели меня видеть?

– Да.

Гюнтер тщательно смоделировал чувственный образ солнца. Детская мордашка, ямочки на щеках. Улыбка. Кучеряшки-протуберанцы – витая проволока. Когда солнышко оформилось, Гюнтер заштриховал его косыми струями дождя – и толкнул вперед, к доктору Йохансону.

Действие заняло ничтожные доли секунды. Просто сказать вслух «солнце» или ткнуть пальцем вверх, указав на светило, вышло бы гораздо дольше. Впрочем, для того, чтобы указать на солнце, Гюнтеру пришлось бы подняться на восемь этажей вверх, минуя тьму-тьмущую охранных постов. Толчок, адресованный доктору, был слабый, осторожный: скорее приглашение, чем настойчивость. В ответ Йохансон дернул уголком рта, намекнув на ответную улыбку, ослабил периметр защиты рассудка и впустил солнышко внутрь.

– Удо, – представился он так, словно они никогда раньше не виделись. – Зовите меня по имени.

– Гюнтер.

– Очень приятно.

– Рад знакомству, Удо. Я много о вас слышал.

Это означало: на том, что было, ставим крест и начинаем все заново, с чистого листа. Для прямого общения менталов не имело значения, эмпат ты, телепат или синтетик-универсал, которому доступны любые варианты контакта разумов. Чувственный образ воспринимался телепатом так же, как информационный пакет – эмпатом. Мозг каждого трансформировал посылку в удобном для него ключе, выжимая этот, образно говоря, апельсин до последней капли сока. «Когда композитор без труда переводит мелодию из тональности в тональность, например из фа-минор в си-минор, – объясняли ментально одаренным детям в специнтернате, – он делает примерно то же самое». Контакт доктора Йохансона и кавалера Сандерсона не был затруднен спецификой их уникальных разумов, а к солнышку с дождевой штриховкой выпускники «Лебеда» привыкли с

малых лет. Если требовалось обсудить какой-либо секрет, не предназначенный для посторонних ушей, а присутствие родителей, случайных прохожих или сверстников, не обладающих телепатическим даром, мешало воспользоваться устной речью, менталы слали друг другу «солнце за решеткой». Это значило: говорим о пустяках, о важном думаем. Ребенком, а позже юношей Гюнтер миллион раз пользовался «косым солнышком», но с возрастом необходимость в тайных переговорах исчезла. Наверняка Йохансон прошел аналогичную школу и давно уже не прибегал к особым знакам для посвященных.

Что не помешало ему вспомнить и откликнуться.

– Присаживайтесь. Кофе?

– Сок, пожалуйста. Яблочный.

– Два сока, – сказал Гюнтер девушке, скупавшей за стойкой.

Встречу организовали в столовой минус восьмого этажа, на этаж выше детской. Гюнтер видел в этом некий знак судьбы – и надеялся, что благоприятный. В конце концов, его первая встреча с Миррой тоже произошла в столовой для сотрудников станции наблюдения за Саркофагом. На Шадруване за столиками сидело человек пятнадцать – при желании, восстановив давнюю энграмму, хранившуюся в памяти, Гюнтер мог бы выяснить точное количество посетителей. На Ларгитасе, в бункере, столовая пустовала, если не считать девушки, наливавшей сок, и Гюнтера с Йохансоном. Ну да, Тиран позаботился, чтобы разговор, о чем бы он ни зашел, остался конфиденциальным, без свидетелей. Втайне Гюнтер боялся, что к ним присоединится комиссарша. Присутствие Линды Рюйсдал, ментала высшей квалификации, сорвало бы возможность прямого контакта собеседников. В ее компании Гюнтер и не заикнулся бы о том, что волновало его больше всего. Нет, комиссарша честно охраняла Яна Бреслау, и кавалер Сандерсон был благодарен ей за это.

Пишут, подумал Гюнтер. Пишут разговор. Ладно, пускай. Аппаратуры, способной записать диалог двух менталов, не существовало даже на Ларгитасе, флагмане прогресса. Мысленные образы фиксировала разве что плесень куим-се, но для такой записи собеседникам пришлось бы залезть в ванну с плесенью и полностью снять защитную блокировку разумов.

– Ваш сок.

– Спасибо.

– Всю дорогу хотел пить. – Пригубив сок, Йохансон с наслаждением крякнул. – Так чем могу быть полезен?

– Позитив, – отозвался Гюнтер. – Дайте мне консультацию по позитиву.

Произнеся слово «позитив», он сформировал в мозгу чувственный образ толпы, символизирующей расу энергетов – без конкретного указания, гематры это, брамайны или вехдены, – и подбросил над толпой маленького человечка. Человечек взмахнул ручками, как крыльями, засиял радугой и взмыл в черные небеса, затерявшись среди звезд.

«Антис, – пришло от Йохансона, – человек, от рождения наделенный способностью к переходу в измененное, расширенное состояние...» Доктор цитировал Малую галактическую энциклопедию.

– Я кормлю сына позитивом, – продолжил Гюнтер. – Это облегчает наше общение. Коктейли эмоций я формирую по схеме Бильда: три-шесть-три, пауза, три-пять-два...

– Результат? – заинтересовался Йохансон.

– Раньше мальчик отвечал мне изменением позы.

– Позы?

– Что-то вроде брамайнских асан. Сейчас он все чаще реагирует иначе, более естественно.

– Я знаком с методикой Бильда...

Интерес доктора не был поддельным. Его действительно интересовало все, связанное с Натху. Но во время обсуждения Гюнтер сформировал второй образ толпы – на этот раз символ техноложцев – и вместо черных небес разместил над головами клубящееся облако информации: мысли, чувства, иными словами, ментальную сферу. Выждав крохотную паузу, он подбросил над толпой человечка. Взмахнув ручками, человечек поплыл в облаке – впитывая производную чужих разумов, дыша ею, сортируя и перерабатывая.

Человечек сделался похож сперва на Гюнтера, а затем и на Йохансона. Это был ответ доктора. Менталы – значил ответ. Мы с вами и такие, как мы.

Да, откликнулся Гюнтер. В смысле, нет.

Я о другом.

Человечек превратился в Натху. Оба человечка превратились в Натху Сандерсона – антис над толпой энергетов и ментал над толпой техноложцев. С необыкновенной, пугающей остротой Гюнтер ощутил, как усиливается внимание Йохансона к его демонстрации. Если мериться способностями, данными от природы, то кавалер Сандерсон, пожалуй, был посильнее доктора, но Удо Йохансон куда лучше умел концентрироваться на главном – навык, дарованный опытом.

Кровь ударила в голову, в висках громыхнул пульс. Вот оно, сказал себе Гюнтер. Момент истины. Прекратить? Свести все к шутке?! Нет, кому-

то я должен открыться. А дальше – как повезет.

Два Натху полетели навстречу друг к другу – и слились воедино. Близнецы исчезли, остался феномен, состоящий из феноменов, – антис-ментал, возвращенный хищными флуктуациями континуума. Не может быть, ждал Гюнтер. Любой человек на месте Йохансона ответил бы: не может быть! У энергетов рождаются антисы. У техноложцев и варваров рождаются менталы. Это правило без исключений, и уж тем более это правило без совмещения противоположностей в одной личности.

Доктор молчал. Размышлял. Взвешивал «за» и «против».

– Я знаком с методикой Бильда...

Вся демонстрация с запасом уложилась в промежуток между двумя репликами Гюнтера: «Раньше мальчик отвечал мне изменением позы» и «Сейчас он все чаще реагирует иначе...» Размышления Йохансона поместились в паузу перед репликой про знакомство с методикой Бильда. Меряя категориями менталов, доктор размышлял долго, очень долго. Размышлял? Колебался, понял Гюнтер, прислушавшись к эмоциональному фону Йохансона. Так поступать было некорректно, даже оскорбительно – доктор мог обидеться! – но Гюнтер рискнул, видя, как глубоко погружен доктор в свои мысли. Да, это колебания. Йохансон хотел что-то рассказать собеседнику, что-то не менее важное, чем существование антиса-ментала, и не знал, имеет ли право на откровенность.

– Позитив-паразит? – уточнил Йохансон.

Он имел в виду характеристику воздействия на Натху. Паразитами считались внедренные эмоции, надолго задерживающиеся в мозгу объекта воздействия. В их задачу входило пожирание собственных антагонистов: в общих чертах для позитива пищей служил негатив. Опытный эмпат без труда выстраивал более тонкие связи, но сейчас речь не шла о деталях.

Гюнтер пожал плечами:

– Редко. Боюсь навредить. Его мозг мне понятен не до конца. Чаще я создаю необходимую атмосферу, чтобы он дышал позитивом. Он сам выбирает, насколько глубоко ему дышать. А я время от времени меняю состав воздуха...

Вот, вдруг произнес доктор, неслышимый для камер слежения. Вот, смотрите. Судя по мысленной интонации, Йохансон решился. Решился он на озвученном вслух вопросе про паразита, а все последующие двадцать три секунды транслировал Гюнтеру результат своих размышлений – энграмму разговора с Тираном, состоявшегося еще до захвата Натху.

– Где вы откопали вашего мутанта?

– Какого мутанта?

– Вот этого!

В воздухе повисает спектрограмма Отщепенца.

– Где вы взяли этот снимок?!

– Взял?! – Обида доктора хлещет проливным дождем. – Он пришел мне по рассылке, вместе с ментограммой Сандерсона!

Гюнтер поморщился. Обида Йохансона была такой интенсивности, что любому эмпату стало бы больно. Боль усиливалась воспоминанием о том, как доктор брал у Гюнтера копию интимного воспоминания о Шадруване. Когда это делал Натху, Гюнтеру было стыдно. В случае с доктором стыд обернулся болью.

Терпи, велел себе Гюнтер. Ты сам вызвал Йохансона в бункер.

– По какой рассылке?!

– По внутренней! Для служебного пользования! С вашей, между прочим, маркировкой «срочно». Вы что, Бреслау, издеваетесь?! Видите? Здесь и здесь...

Световой маркер скользит по спектрограмме. Отмечает участки.

– Это типичные пики эмпата. Эмпата сильного, способного на активное воздействие. Хотя с пассивным чувственным восприятием у вашего мутанта тоже все в порядке. Кстати, я вижу большое сходство с аналогичными участками ментограммы Гюнтера Сандерсона. Ментальные способности не передаются по наследству, но мало ли? Они случайно не родственники с мутантом?

Пики эмпата, повторил Гюнтер. Волновой слепок Натху как антиса чертовски похож на динамический снимок мозга, ментограмму действующего эмпата. Сходство с моими участками? Ментальные способности не передаются по наследству. Ладно, не важно. Важно другое: антисы и менталы схожи меж собой. Мы рождаемся у разных ветвей человечества, мы – дети разных эволюций, и тем не менее...

– Почему вы называете его мутантом?!

– И вы еще спрашиваете почему? Потому что все остальное, кроме этих областей... Это черт знает что! Феномен! Ахиня! Гречневая каша! Я даже не представляю, что за мозг...

– Это не мозг, доктор. Это он сам.

– Что?!

– Ничего, доктор. Я уже заговариваюсь. Двое суток не спал. Или больше? Спасибо вам, доктор, большое человеческое спасибо...

– Мутант. Вы меня с ним познакомите?

– Очень на это надеюсь! Очень!

Не познакомил, громыхнул доктор. Обманул!

Вторичная обида Йохансона воздействовала на Гюнтера слабее, к ней он был готов. Закрылся, заблокировал, переваривая услышанное. В сердце кавалера Сандерсона копилась обида, рядом с которой и близко не стояли все обиды Удо Йохансона, оптом и в розницу.

«Вы знали, что мой сын – ментал? – швырнул он в Йохансона, словно камень в лицо. Широкоплечий гигант, доктор своим присутствием давил на Гюнтера, терявшегося в присутствии мужчин атлетического телосложения, но сейчас давление исчезло. Точнее, Гюнтер вернул его сторицей. – Антис и ментал одновременно?! Знали и скрыли от меня?! Или вас заставили скрыть?»

Ничего я не знал, вернулось от доктора. Тоже мне, нашли козла отпущения! Я думал, что мне подсунули ментограмму мозга какого-то эмпата с аномальными отклонениями. Это уже потом, когда я начал исследовать тему...

На Гюнтера обрушился ворох спектрограмм. Антис за антисом: длина волн, частота, интенсивность излучения, подробность за подробностью. Эти данные лежали в общем доступе, Йохансон взял их из открытых источников. Пока Гюнтер налаживал контакт с блудным сыном, доктор изучал волновые слепки антисов, сравнивая их с ментограммами телепатов. Сходства, различия...

Сходства были общими. Различия – частностями, которыми следовало пренебречь.

«Удо! Вы гений! Вы сделали грандиозное открытие!»

Да, согласился доктор. Я гений. Я сделал открытие. Грубо говоря, существование антиса в космическом пространстве и существование ментала в космосе образов и мыслей – практически одна и та же форма жизнедеятельности. Антис, когда он находится в большом теле, – это подвижный, энергетически насыщенный разум, способный к перемещению между материальными объектами и активному воздействию на окружающую среду. Ментал в рабочем состоянии – подвижный, энергетически насыщенный разум, способный к перемещению между психическими объектами и активному воздействию на окружающую среду. Мы с вами, дорогой Гюнтер, и ваш драгоценный сын с каким-нибудь

Кешабом Чайтаньей – все четверо мы имеем между собой больше общего, чем кажется на первый взгляд. Вы удивились, почему я не подпрыгнул до потолка, узнав, что Натху совмещает антические и ментальные способности? А с чего бы мне прыгать, если я вижу, что чудо базируется на мощнейшем теоретическом фундаменте?!

– Еще сока?

– Нет, спасибо.

– Сбросьте мне десяток ваших коктейлей, – вслух произнес Йохансон, когда девушка отошла. – Тех трех, что вы сбросили перед этим, недостаточно. Я не готов сделать однозначный вывод. Позитивные модели превосходны, но для расчета воздействия нужен материал.

Это он молодец, отметил Гюнтер. «Сбросьте мне десяток ваших коктейлей. Тех трех, что вы сбросили перед этим, недостаточно...» Нас могут писать не только на уровне видео и звука. Вполне вероятно, что пишут и деятельность головного мозга. Если эксперты зафиксируют активность, характерную для общения менталов, – а они ее зафиксируют! – легко будет сослаться на обмен позитивными эмококтейлями и данными обработки.

– Конечно, – ответил он. – Ловите.

Вместо положительных эмоций, которыми он пичкал Натху, Гюнтер отправил доктору цепочку совсем других образов. Вожаком этой стаи летела Ойкумена в виде двух монеток, слипшихся решками. На орле первой Ойкумены громоздились плоды цивилизации в виде небоскребов, звездолетов и эмблемы Галактической Лиги. Орел второй Ойкумены населяли чудовища и драконы, а вместо звездолетов там красовались храмы всех мастей.

Знаю, пришло от доктора. Гипотеза о двойственности Ойкумены как симбиозе исторической и мифологической реальности. Сторонники этой гипотезы предполагают, что мы существуем на разности их потенциалов. Термопара, плюс и минус; единство и борьба противоположностей. Ничего нового, не доказано, можно пренебречь...

Доктор замолчал, верней, прекратил транслировать скепсис, когда в его сознание ворвался следующий образ. Он тоже походил на слипшиеся монетки, только на этот раз слиплись не Ойкумены, а два близнеца. Первый был биологическим существом, второй – волновым сгустком, и оба были одним человеком в разных ипостасях. Гюнтер не хотел, чтобы так получилось, но подсознание сыграло коварную шутку – близнецы вышли точными копиями Натху: мальчишки с не по-детски серьезными лицами.

Антис, уточнил Гюнтер, хотя образ не нуждался в уточнениях.

Доктор покачал близнецов на волнах рассудка – так, взвешивая, качают на ладонях два камня. Вы хотите сказать, мысленно пробормотал Йохансон. А что вы, собственно, хотите сказать?

Аналогия, напирал Гюнтер. Если она верна, то Ойкумена – гигантский антис, созданный природой. Две реальности, историческая и мифологическая, – аналоги двух тел, малого и большого. То, что мы называем физическим миром, и то, что мы зовем галлюцинаторным комплексом или вторичным эффектом Вейса, – две равноправные формы существования. Когда мы сбрасываем *шелуху* и погружаемся в мифологическую реальность...

Начался ментальный пинг-понг. С немыслимой скоростью доктор Йохансон и кавалер Сандерсон перебрасывались мячиками образов. Энергеты во время энергосброса: веждены, брамайны, гематры, вудуны. Рабы помпилианцев в аналогичный момент. Сами помпилианцы во время дуэлей или клеймения. Антисы в миг полета. Наконец, менталы при высокой активности работы мозга. Все шли одной дорогой: *под шелуху*, в мир драконов и храмов. Две Ойкумены смыкались, проникали друг в друга, обменивались энергией, как при соитии космического масштаба. Фактически, ликующе выкрикнул доктор, мы все – антисы, все контактеры. Два тела, два сознания – с разными средами обитания, с разными возможностями...

И вдруг Йохансон замолчал.

Ладно, кивнул он после паузы, ничтожной для постороннего наблюдателя и воистину театральной для диалога менталов. Ладно, это мы. А флуктуации? Флуктуации континуума? Они ведь тоже – обитатели Ойкумены?! Тем паче что ваш сын...

Доктор не договорил, но все и так было ясно. «Тем паче что ваш сын половину своей жизни считал себя скорее флуктуацией, чем человеком» – вот что хотел сказать Удо Йохансон.

Гюнтер ответил эмоциональным коктейлем, вернувшем улыбку на губы доктора. Я не обижаюсь, булькало в коктейле. Да, вы правы, пенилось в коктейле. Флуктуации, шипел коктейль. Я подозреваю (*коктейль затих, давая слово кавалеру Сандерсону*), что для них все обстоит строго наоборот. Ойкумена мифологическая для них – малое тело, где они живут в материальном виде. Кракены, криптиды, гули, дэвы, птица Шам-Марг – чудовища по нашим меркам. Ойкумена же историческая для них является телом большим, и здесь они существуют в волновой форме.

– Мне надо это переварить, – пробормотал Йохансон.

Реплика относилась сразу к двум планам диалога: реальному и

ментальному. Для наблюдателя она завершала разговор о формах позитивного воздействия на Натху. Для Гюнтера – жонглирование рискованными аналогиями, грозящее вылиться в нечто большее, чем просто теоретический диспут. Две персональные Ойкумены – реплика объединяла их.

– Давайте сделаем перерыв. Я свяжусь с вами в ближайшее время. Или приеду сюда, если мне позволят.

– Вам позволят, – подтвердил Тиран. – В любое удобное для вас время.

Яна Бреслау не было в столовой, но его голос, прозвучавший в акустической линзе, не оставлял сомнений в присутствии начальства.

Йохансон кивнул. Кивнул и Гюнтер. На лицах менталов не дрогнул и мускул, но смех, прозвучавший для них одних, был смехом битком набитого цирка, хохочущего над клоуном.

II

Звон молитвенных чаш – сигнал уника – застает Горакша-натха за выполнением Титтибхасаны, последней в традиционном утреннем комплексе. Стойка на руках, таз подан вперед, ягодичные оторваны от пола на высоту локтя. Ноги приподняты, с двух сторон обхватывают плечи. Спина натянута, дабы тонкие каналы очистились для «тайного дыхания». Тихий свет, невидимый чужому взгляду, струится из пупка: Титтибхасана значит «Светлячок». Йогин перебирает каналы, как настройщик – струны арфы: регулирует, подтягивает, ослабляет. Молитвенные чаши в пьесу, намеченную к исполнению, не входят. Обычно гуру не прерывает упражнений, чтобы ответить на вызов.

«Рудра Адинатх, Благой Владыка, знает восемьдесят четыре тысячи разнообразных асан. Восемьдесят четыре асаны даны Адинатхом людям. Я знаю триста десять...»

Обычно, но не сейчас.

– Доброе утро, Вьяса-джи. – В сфере возникает чуждый мистике генерал Бхимасена. – Как вы относитесь к гостям?

Не меняя позы, гуру ждет продолжения.

– Я хочу нанести вам визит.

– Когда?

– Я стою у ваших дверей.

– Заходите.

Голограмма гаснет. В следующую секунду поет трель дверного звонка.

– Заходите, – громче повторяет йогин. – Открыто!

Сегодня генерал облачен в штатское: графитового цвета сюртук, брюки заужены книзу, тюрбан темно-синего шелка. Одежда смотрится на Бхимасене как военная форма. Черные туфли, начищенные до зеркального блеска, усиливают впечатление.

– Располагайтесь. – Без малейших затруднений гуру выходит из асаны. Садится на ковер, скрещивает ноги. Указывает генералу место напротив себя. – Или вы предпочитаете кресло?

Сесть Бхимасена не спешит. Без всякого стеснения генерал изучает обстановку.

– Я так и думал, – с удовлетворением подводит он итог. – Вы не просто аскет, Вьяса-джи. Вы – чудо природы, аскет рациональный. Я бы взял у вас пару уроков.

Генерала окружает мерцание. Оно расползается по комнате, заключает хозяина и гостя в бесплотный кокон.

– Конфидент-поле?

– Оно самое.

– Благой Рудра учит: «Тем, кто придет, нужно оказать гостеприимство во всех отношениях». Но если необходимы такие меры безопасности... Не лучше ли было пригласить меня к вам, в антический центр?

– Нет, не лучше.

– Вы так считаете?

– Так считает мое, а теперь и ваше командование. Мы с вами переселяемся в центр специальной подготовки. Или вы передумали?

Какими именно соображениями руководствовалось командование, настояв на личном визите генерала к гуру, Бхимасена и сам плохо представляет. Еще хуже он представляет способ, каким брамайнской разведке удалось внедрить вирусные программы-перехватчики в компьютерные «мозги» шести спутников на орбите Ларгитаса. Главное, в результате этой операции было определено точное местонахождение Натху. Списки кураторов и членов экспертных групп по работе с малолетним антисом; отслеживание перемещений фигурантов, анализ косвенных данных – вся проделанная титаническая работа для Бхимасены несущественна. Значение имеет только результат: координаты секретного бункера и его устройство.

– Я не меняю решений.

– Тогда предупредите всех, кого нужно, о своем отсутствии в ближайшие недели. Ученики, родственники, собратья по ордену. Нельзя, чтобы вас хватились и начали разыскивать. Легенду уже разработали,

ознакомьтесь.

Гуру берет текстовый планшет. В верхнем правом углу – служебная маркировка. Эмиттер голосферы отсутствует, текст надо читать, как в древности, на плоском матовом дисплее. Что здесь? Приглашение от общины натхов с Пурнимы, большей из двух лун Карттики. Практикум по медитации на раскрытие третьего глаза. Из-за всплеска активности центрального светила возможны перебои со связью...

Правдоподобно. Иллюзии вообще правдоподобней реальности.

Гуру не сомневается: перебои со связью непременно случатся, попытайся кто-либо связаться с общиной и справиться о Горакша-натхе. Лгать не хочется, но гуру помнит собственные слова: «Если для достижения цели потребуется солгать – я солгу».

– Сколько у меня времени?

– Полтора часа вам хватит? Включая сборы?

– Хватит и часа.

– Я жду снаружи. Серый аэромоб «Шакунтала», парковка ниже по улице.

Дхарма, думает йогин. Он уже обзвонил всех, кого следует предупредить. Сейчас Горакша-натх укладывает в сумку тот минимум вещей, что может понадобиться. Дхарма, закон, цель и средства. Натху, мальчик мой, ты – знак на пути моей дхармы. Веха, реперный бакен, позволяющий кораблю скорректировать курс на выходе из РПТ-маневра. Нет, ты – не финал пути, и не надейся. До тебя, как и до бакена, необходимо добраться – чтобы сориентироваться и двигаться дальше. Добраться до бакена, чтобы умереть? Нелепость. Да, смерть – иллюзия, а жизнь – данность. Я не испытываю страха смерти, но я и не спешу уйти на следующее перерождение.

Я вообще никуда не спешу.

Шаг за шагом я пройду путь до конца в нынешнем воплощении.

Гуру выходит из дома и садится в мобиль. Когда машина набирает высоту, генерал Бхимасена оборачивается к спутнику:

– У нас есть проблема.

– Какая?

– Способ доставки вас на Ларгитас.

– Я неприхотлив. Меня устроит любой способ.

– Боюсь, что вы можете не устроить наш способ доставки.

Генерал умолкает. До приземления он больше не произносит ни слова.

– Смотрите внимательно.

В день рождения мира здесь прилег вздремнуть исполин – заснул и не проснулся. Прошли века и эпохи, спящий целиком ушел в землю. Лишь кустистые брови возвышаются над поверхностью: два холма с гривой из рододендронов и можжевельника. Между бровями горбится окаменелый хрящ носа, едва различимый среди лощины – широкоскулого лица. Дальше встает на дыбы путаница кустарника, еще дальше начинается редколесье – и тянется до самого горизонта, где в серо-голубой дымке тонут силуэты гор.

У гуру есть возможность изучить ландшафт непосредственно, с расстояния в три сотни метров, а также в сфере системы наблюдения, развернутой в тени обезьяньего дерева, растущего на отшибе.

«Не предвосхищай события, – учил йогина его собственный гуру-махараджа. – Не готовься заранее. Не жди ничего. И тогда ничто не застанет тебя врасплох, не поколеблет твоего спокойствия».

Горакша-натх так и делает: сидит и смотрит и ничего не ждет.

Порыв ветра ерошит брови холмов, волной идет по лощине. Воздух искрится, из мерцания камуфляжного поля вываливаются серебристые капли военных транспортов «Анируддха». Шесть тяжелых машин парами заходят на посадку. Извергнув из чрева пассажиров, транспорты взмывают ввысь, окутываются искрами, исчезают без следа, наглядно демонстрируя иллюзорность вещного мира.

Гуру изучает прибывших людей.

Отряд субедара Марвари он узнает сразу. Остальные незнакомы. На взгляд Горакша-натха, это пять микро-Ойкумен, и каждая держится особняком, не смешиваясь с остальными. Расы, как цветы, собраны в единый букет: приплясывают чернокожие вудуны, Хозяева Огня подпоясаны ритуальными веревками, ледяными статуями молчат гематры, помпилианцы готовы вцепиться кому-нибудь в глотку. Громко, не стесняясь, смеются брамайны. Беседуют между собой технологцы и варвары – массивный тилонец, смуглянка-бисандийка, жирный весельчак с Кемчуги, уроженка Хиззаца...

В каждой маленькой Ойкумене есть свой дикарь, покрытый татуировками. Если быть точным, четыре дикаря и одна дикарка. Минимум одежды, максимум непосредственности. Кто такие? Интерес йогина несколько не заботит татуированную пятерку. Женщина плетет гирлянду из

цветов, распевая во весь голос. Мужчина лежит в траве, пялится в небо. Другой теребит за рукав помпилианца, пристаёт с расспросами. Помпилианец – о чудо! – с ангельским терпением отвечает, вместо того чтобы сломать наглецу шею.

Невозмутимость даёт трещину. И этот табор допустили к секретному проекту?!

Генерал переключается на дальнюю связь:

– По командам разберись!

Люди Марвари рвут с места в разные стороны. Пять ударов сердца – и каждая пара бойцов присоединилась к одной из микро-Ойкумен.

– Внимание! Общая готовность!

Пауза.

– Отработка номер раз. Время – десять минут.

Пауза.

– Первый пошел!

Десять человек идут рябью, превращаются в сбоящие голограммы. Исчезают без вспышки, без инверсионного следа, уходящего в небо. Лишь дрожит примятая трава на том месте, где они стояли.

– Колланты, – произносит Горакша-натх. – Коллективные антисы.

Бхимасена расплывается в улыбке:

– Я в вас не сомневался. Вот он, наш способ доставки!

Гуру хмурится. Он что-то упустил. Что?

– Второй пошел!

Еще десяток. Рябь, исчезновение, шорох травы.

– Лишние, – говорит йогин.

– Кто, Вьяса-джи? Третий пошел!

Взлет третьего колланта сопровождает вспышка бледного пламени.

– Бойцы Марвари. Их присутствие в коллантах... Я не верю, что группа субедар-майора собрана из коллантариёв. Значит, в составе коллективного антиса они – лишние. С ними коллант не взлетит, они останутся на земле. Вы знаете о коллективных антисах что-то, чего не знаю я?

Улыбка генерала делается шире, хоть это и кажется невозможным.

– Четвертый пошел!

Щелчком пальцев генерал гасит сферу.

– Да, – соглашается он. – Я знаю о коллективных антисах то, чего не знаете вы.

Видно, что генерал доволен. Нет, он счастлив.

III

– Ну, не знаю. – Тиран почесал затылок. – С виду все чинно, благопристойно, в рамках темы. Почему же мне кажется, что они что-то скрывают?

– Вы параноик, – любезно подсказала комиссар Рюйсдал.

– Думаете?

– Уверена. Профессиональная деформация. Я, кстати, тоже параноик.

Сев за стол, Ян Бреслау включил повтор. «Сбросьте мне десяток ваших коктейлей, – попросил доктор Йохансон. – Тех трех, что вы сбросили перед этим, недостаточно». И снова: «Сбросьте мне десяток ваших коктейлей...» И опять: «Сбросьте мне...»

– Лицо, – отметил Тиран. – Интонация. Паузы. Он накручивает локон на палец. Видите? Он нервничает. Здесь дело нечисто.

Комиссар Рюйсдал пожала плечами.

– А все вы! – Тиран ткнул в сторону комиссара стилусом. – Что вам стоило выполнить мою просьбу?

– Выполнить вашу просьбу. – Линда присела на кушетку. – Подслушать их разговор на ментальном уровне. Подслушать и доложить вам. Я ничего не забыла?

– Ничего, – буркнул Тиран.

Комиссар его раздражала. Он понимал, что стоит Линде Рюйсдал захотеть – и он, адъютант-генерал Бреслау, влюбится в комиссара по уши. Он не понимал другого: почему она еще не захотела? Любовь – ладно, это лишнее, но почему она не сглаживает его неприязнь? Может – и не делает. Ей нравится дразнить его? Странное качество для телохранителя.

– Успокойтесь. – Линда достала из сумочки спицы и вязание: пуловер, рыжий в черную клетку. – Я вам так не нравлюсь, что это даже забавно. Человек вашего возраста и положения должен владеть своими чувствами.

Руки комиссара задвигались, вывязывая горловину. От мерного ритмичного движения Тирану захотелось спать. Впрочем, сонливость быстро прошла. Вместе с сонливостью прошло и раздражение. Тиран не знал, было это прямое воздействие на его мозг – или просто зрелище чужой неторопливой работы успокаивало психику. Наверное, воздействие, решил он.

– Вы могли бы их подслушать? – спросил он напрямик.

– Да.

– То, о чем они не говорили вслух?

– Да.

– Почему вы отказались это сделать?!

– По ряду причин. – Линда слизнула капельки пота, выступившие на верхней губе. Сейчас комиссар очень походила на жену Тирана: первую, с которой Бреслау развелся. – Чтобы подслушать разговор менталов, я должна находиться с ними в пределах прямой видимости. Если угодно, вот вам ближайший аналог: так помпилианцы клеймят рабов. Им надо видеть будущего раба или хотя бы иметь возможность его увидеть. Иначе ничего не получится. Со мной та же история. Отсюда я подслушивать не могу, значит пришлось бы спуститься в столовую.

– Не проблема, – отметил Тиран.

– Не проблема, – согласилась Линда. – Но мое присутствие в ментальном контакте не осталось бы незамеченным. Господа Сандерсон и Йохансон – менталы высшей квалификации, с большим практическим опытом. Легко спрятать меня физически – например, за стойкой. Но спрятать меня психически невозможно. Меня бы разоблачили в долю секунды.

– Они бы отгородились от вас?

– Вряд ли. Просто продолжили бы беседу на уровне контакта разумов. Но темы бы выбирали нейтральные, не имеющие практического значения. Кроме того, подслушивание оскорбило бы их, а я не хочу плодить врагов на пустом месте.

– Вы не в состоянии скрыть свое присутствие на ментальном уровне? Вы, сотрудник Т-безопасности?!

– Я сотрудник, а не волшебница. И наконец, есть третья причина, которая важнее двух предыдущих.

– Какая?

– Я не ваша подчиненная. Я буду вас охранять, но я не собираюсь выполнять ваши приказы. Особенно когда они идут вразрез с моими этическими принципами.

– Стоп!

Тиран резко встал. Выбрался из-за стола.

– Говорите, только в пределах прямой видимости? Кавалер Сандерсон почувал визит Скорпиона раньше, чем увидел его! Почуял и прибежал сюда, в кабинет! Зачем вы мне врете?!

Линда звонко, по-девчоночьи засмеялась:

– Говорю же, паранойя! Кавалер Сандерсон не подслушивал Скорпиона. Он учуял его воздействие на охрану – воздействие мощное, агрессивное, боевого характера. Для этого не надо видеть гостя. Вы тоже

услышите взрыв гранаты, даже если не увидите вспышки. Скорпиона и я учую на подходе, в момент контакта с охраной. Пожалуй, я даже смогу перекинуться с ним парой фраз, вернее, чувственных образов. Кстати, пообщаться с Сандерсоном или Йохансоном я тоже могла прямо отсюда.

– Вы меня совсем запутали.

– Распутывайтесь на здоровье. Еще раз: учуять мощное чужое воздействие или затеять ментальную беседу я могу с довольно большого расстояния. Подслушивание – дело интимное, оно требует тонких настроек. Тут расстояние до объекта играет важную роль. Ну и квалификация объекта, разумеется. Интернатских молокососов я подслушиваю, не открывая себя. Так понятно?

– Какая разница, если вы все равно не собираетесь выполнять мои приказы?

– Ну вы и брюзга!

Пропустив «брюзгу» мимо ушей, Тиран включил обзорную сферу «детской». Натху сидел, считай, по-человечески: на полу, поджав под себя одну ногу. Лицо мальчика было напряженным, сосредоточенным, между бровями залегла взрослая складка. Рядом, на кровати, расположился Гюнтер. В отличие от сына, кавалер Сандерсон был расслабленным и безмятежным.

Оба молчали. Тиран слышал только дыхание.

– Беседуют, – отметила Линда. – Самым мирным образом. И нет, не просите меня подслушивать. Стоп!

Она буквально скопировала Тирана: и недавний выкрик Бреслау, и резкий подъем из-за стола, в данном случае с кушетки.

– Нет, чепуха. – Комиссар взгляделась в сферу. Вязание упало на пол, и Линда не стала его подбирать, забыв о пуловере. – Ничего они не беседуют. Просто молчат, отдыхают. Надо быть самоубийцей, чтобы сунуться в мозги к антису. Выгоришь дотла, и весь разговор. Кавалер Сандерсон достаточно опытен, чтобы не лезть в пасть к тигру. Плюс медицинское образование. И все-таки...

Комиссар Рюйсдал вернулась на кушетку.

– Старею. – Она собрала вязание с пола. Лишний вес давал себя знать, дышала Линда тяжело. Наклоняться для нее было хуже пытки. – Мерещится невесть что. Минуту назад я решила, что у них ментальная связь. Внешние признаки налицо – я имею в виду ребенка. Мимика детей – открытая книга. Кавалер Сандерсон *нечитабылен*: опыт, навыки, привычка к маскировке...

– Это необычный ребенок, – напомнил Тиран.

– Вот-вот. Я говорила вам, что я тоже параноик? Кстати, вы понимаете, что создали прецедент? Опасный прецедент?!

– О чем вы?

– Не знаю, удастся ли вам поставить на конвейер производство ларгитасских антисов. Но знаю другое: при смешанных браках энергетические свойства одного из родителей не передаются потомству. Дети от смешанных браков – техноложцы или варвары. Значит, ничто не мешает им родиться телепатами или эмпатами.

Тиран кивнул:

– Я в курсе. Более того, такие дети уже рождались.

– Если вы признали мальчика-антиса настоящим ларгитассцем, признали официально, со всеми правами и обязанностями гражданина... Что помешает какому-нибудь гематрийскому Яну Бреслау признать мальчика-телепата, рожденного в смешанном браке, истинным гематром? Вехденом? Вудуном?! Мы и глазом не успеем моргнуть, как расы энергетов обзаведутся своими менталами. Вы показали им, что ради выгоды можно плюнуть на кровь. Вы показали, а они быстро учатся. Не могу сказать, что мне нравится эта перспектива...

– Мне тоже, – буркнул Тиран, мрачней ночи.

Секунду назад сфера мигнула: подал знак личный жучок Яна Бреслау, установленный им в информатории управления. Полковник Госсенс, заместитель Тирана, принимал дела, не относящиеся к его ведению: пока что с целью ознакомления. Хоронят, подумал Тиран. Меня хоронят заживо. Генерал-лейтенант Ван Цвольф – человек большого сердца и еще большей предусмотрительности. Он не только прислал мне охранника, способного уgomонить Скорпиона. Он еще и готовит для меня душеприказчика – сменщика на посту начотдела. Мало ли, вдруг Скорпион не уgomонится...

Шесть месяцев? Нет, уже меньше.

Время есть, успеют.

Комиссар Рюйсдал, мысленно спросил Тиран, нет ли у вас каких-то особых поручений, кроме защиты моего драгоценного рассудка? Верней, кроме защиты государственных тайн, хранящихся в моем драгоценном рассудке? Неужели в оркестре, играющем похоронный марш живому покойнику Яну Бреслау, вам назначена отдельная партия, записанная в нотах под грифом «секретно»? Я параноик? Хорошо, я параноик. И все-таки, комиссар Рюйсдал? Не вывяжут ли ваши спицы петлю на мою шею?

Даже если Линда и услышала его вопрос, на ответ он не рассчитывал.

В это трудно поверить, но Линда Рюйсдал ошиблась в своих подозрениях. Между Натху и Гюнтером действительно не было ментальной связи. Ее не было так долго, что Гюнтер даже начал беспокоиться. Мальчик размышлял, это ясно читалось по его расслабленной обыденной позе. Когда Натху превращался в узел, дерево, гуттаперчевого акробата, Гюнтер уже знал, чем занимается сын: разговаривает с отцом или нянечкой, используя свою первичную, неестественную для обычного человека систему общения. Да что там! – меняя *асаны*, Натху временами злился на окружающих тупиц, которые не отвечали ему на предложенном языке тела. Мальчик учился быстро, выстраивая связи и закономерности в каждой из контактных матриц, какими обладал, и его бесило – чисто по-детски бесило! – что окружающие не могут так же быстро разобраться в том, что значит нога, заведенная за голову, или рука, пропущенная под бедром.

Злость, подумал Гюнтер. Раздражение. Прекрасные маркеры для опытного наблюдателя. Как только Натху начинал злиться, следовало ждать не истерики, но смены матриц. Зубодробительные позы прекращались, мальчик скребся в отцовское сознание, напрашиваясь на обмен эмоциями, воспоминаниями, образами – в конечном счете знаниями! – или начинал слушаться нянечку, самым банальным образом посещая душ, кладя игрушку на место, ложась спать.

Но размышления! Еще ни разу он не размышлял так долго, полностью отрезав себя от внешнего мира. Ага, скребется. Это хорошо. С десятой попытки Гюнтер приучил сына не вламываться к нему в мозг, как слон в посудную лавку, в любое время, когда только Натху заблагорассудится, а стучаться, как стучатся в дверь, спрашивая позволения войти. В этом навыке крылась не только вежливость, нормальная для коммуникации менталов, но и безопасность для обоих. Гюнтер боялся, что однажды его рефлексы успеют первыми, среагировав на визит сына как на вторжение. О том, что случится после, даже думать не хотелось. Случалось, Гюнтер ругал себя последними словами: кретин, идиот, ты привыкаешь к сыну, воспринимаешь его как необученного ребенка-ментала, отданного под твою опеку, а Натху – антис, антис, антис! Ты играешь с огнем и однажды сгоришь, к чертовой матери!..

Ладно, хватит. Стучатся, надо открыть.

Образ, пересланный ему от Натху, потряс Гюнтера до глубины души. Гюнтеру казалось, что он готов к чему угодно, но великан с синей кожей,

восемью руками и клыками, торчащими из оскаленного рта, – это было чересчур! Монстр удался на славу: Гюнтера бросило в пот. С трудом кавалер Сандерсон удержался от первичной реакции: стереть «подарок» в порошок, уничтожить без остатка. Если Натху что-то показывает, значит в этом есть смысл. Просто надо отыскать его, этот смысл, разобраться в причинах и следствиях.

«Кто это, Натху?»

Рядом с великаном появился сам Натху: мальчик запыхался, разругался, волосы упали на лицо. Натху бежал сломя голову, за ним гнался синий великан, а вокруг царил непроглядная чернота, которую изредка озаряли искры звезд.

«Он охотился за тобой?»

Ответ утвердительный.

Гюнтер швырнул образ великана в озеро своей памяти. Поисковые круги разбежались во все стороны, ушли на глубину, сплетаясь в сеть, – и вернулись с добычей. Синкожий и восьмирукий гигант, галлюцинаторный образ брамайнского антиса Кешаба Чайтаньи. Ага, вот работа какого-то чайтранского художника из Малой галактической энциклопедии – Гюнтер мельком видел изображение Злюки Кешаба, а значит, оно сохранилось в уникальной памяти ментала.

«Он?»

Ответ утвердительный.

«Ты хочешь сказать мне, что раньше Кешаб гонялся за тобой?»

Ответ отрицательный.

«Не гонялся?»

Ответ отрицательный. Ответ утвердительный. Сомнения.

«Ты хочешь сказать совсем другое?»

Ответ утвердительный.

«Хорошо, я слушаю».

Рядом с образом Кешаба возник другой образ. Рыться в памяти не пришлось – комиссаршу Гюнтер помнил отлично. Юбка в клетку, кофта крупной вязки. На затылке – рыжий узел волос. Гюнтер отметил удивительное сходство между Линдой Рюйсдал и Кешабом Чайтаньей. Казалось бы, что общего между улыбчивой толстухой и клыкастым громилой? А вот поди ж ты...

«Они похожи? Да, Натху?»

Ответ утвердительный.

«Они похожи для тебя?»

Ответ отрицательный.

«Они похожи вообще? В принципе?!»

Ответ утвердительный.

«Антис, – вспомнил Гюнтер слова доктора Йохансона, – когда он находится в большом теле, – это подвижный, энергетически насыщенный разум, способный к перемещению между материальными объектами и активному воздействию на окружающую среду. Ментал в рабочем состоянии – подвижный, энергетически насыщенный разум, способный к перемещению между психическими объектами и активному воздействию на окружающую среду. Мы с вами, дорогой Гюнтер, и ваш драгоценный сын с каким-нибудь Кешабом Чайтаньей – все четверо мы имеем между собой больше общего, чем кажется на первый взгляд...»

Вторя далекому голосу доктора, Натху переслал отцу новую порцию образов: сам Натху рядом с Гюнтером, Кешаб рядом с Гюнтером, Натху рядом с Линдой Рюйсдал. Все висели в космической мгле, и под каждой парой, дабы весь обитаемый мир убедился, что речь идет о сходстве, располагались бокастые ярко-оранжевые апельсины: парами, по две штуки.

***«Он охотился за тобой?»
Ответ утвердительный.***

Апельсины Натху ел на завтрак, после овсяной каши с медом.
Гюнтер вздрогнул. Чувственные образы, присланные сыном, качнулись в сознании кавалера Сандерсона и подверглись трансформации. Натху, преследуемый Кешабом; Натху и Гюнтер, Натху и Линда – везде

мальчик начал мерцать, словно не мог выбрать, кем же ему остаться: тощим мальчишкой или обезьяноподобным силачом с кошмарного вида булавой на плече. Галлюцинаторный образ, понял Гюнтер. Могучего питекантропа он лицезрел впервые, но форма подачи, сам характер чувственной информации не оставлял сомнений: таков Натху под *шелухой*, с изнанки Ойкумены, в мифологической реальности. Похоже, менталом блудный сын видит себя в земном образе ребенка, а силач с булавой – таким Натху видит себя как антиса.

Ответ утвердительный, пришло от Натху.

«Не лезь, куда не просят! Ты, мартышка! Я могу подумать что-нибудь самостоятельно? Без твоего деятельного участия?!»

Ответ отрицательный.

«А если ты питекантроп, да еще с дубиной... Зачем ты тогда бегал от Кешаба по всему космосу? Дал бы ему по башке, а?!»

Ответ сложный, многомерный, эмоционально насыщенный. Если свести всю гамму чувств, которую Натху забросил в мозг отца, к простым формулировкам, получилось бы примерно следующее: «Я еще маленький. Вырасту – дам».

Контрапункт

Двенадцать лет спустя, или Мы сошли с ума

Есть поступки, которые убивают хорошую карму на десять рождений вперед. Нельзя смеяться над чужими болезнями. Нельзя говорить о живом как о мертвом. Нельзя желать смерти и мучений детям и внукам своих врагов.

Рядом с человеком, способным на такие поступки, опасно стоять рядом. Может зацепить.

Тераучи Оэ. Шорох в листве

- Здравия желаю, господин военный трибун!
- Вольно, примипил. Давно в новом чине?
- Третий месяц.
- Почему не сообщил?
- Вы бы решили, что я хвастаюсь, господин военный трибун!

Тумидус протянул руку. Пальцем коснулся двух серебряных молний в петлице молодого офицера, провел по зигзагам:

– Подполковник. Здесь, на Китте, ты бы считался подполковником. Я знаю, когда-то меня здесь звали полковником.

– Вас?!

– Да. Я был изгоем, лишенным чинов и званий. Я просил их, чтобы они перестали. Проклятье! Я просил, умолял, настаивал... Они соглашались. И всякий раз начинали по новой: полковник. В конце концов я смирился.

Вспоминать было больно. Двенадцать лет прошло, и все равно больно. Великий Космос, двенадцать лет как один день...

...за фонтаном начинались заросли бамбука. В зеленых султанах играл ветер. Поодаль возвышался ряд пальмовых колонн, отягощенных гроздьями плодов.

– Полковник?

Человек у фонтана обернулся. За годы, проведенные на Китте, Гай Октавиан Тумидус привык, что его называют полковником. Помпилианские военные звания были неприятны для вудунов. «Легат Тумидус» – это

звучало вызывающе. Можно выгнать человека из армии, но можно ли выгнать армию из человека? Осанка, выправка, льдистый взгляд из-под вечно нахмуренных бровей. Раздражительность, идущая рука об руку с надменностью. Даже одетый в гражданское, Тумидус производил впечатление офицера. Что ж, гибкость вудунов славилась среди рас Ойкумены: они без особых трудностей превратили бывшего гвардии легата в абстрактного, символического «полковника»...^[2]

– А сейчас? – заинтересовался молодой офицер. – Как бы на Китте звали вас сейчас?

– Сейчас? Бригадным генералом или просто бригадиром. Ты что, бездельник, не учил табель о рангах?

– Наш, – объяснил молодой офицер. На вид ему было за сорок, хотя по паспорту – тридцать пять. Чувствовалось, что жизнь не слишком щадила офицера. Повышала в званиях, но не щадила, нет. – Наш, имперский. Зачем мне чужие?

Тумидус поджал губы:

– Я тоже так думал. А как стал из легата полковником, сразу передумал. Не зарекайся, малыш. Родина тебя сегодня любит, завтра в дерьме купает. А все почему? Она Родина, ей можно. Я знаю, я был героем, изменником, опять героем... А она как была Родиной, так и осталась.

– Так точно, господин военный трибун!

Молодой офицер встал по стойке смирно. Это был наилучший ответ старшему по званию во время сомнительной беседы о Великой Помпилии. Закончив училище абордажной пехоты, молодой офицер второй десяток лет служил не на боевой галере, а в органах имперской безопасности. Это значило, что он отлично разбирался в повадках горячо любимого Отечества.

– Вольно, говорю. Садись, племянник.

– Есть садиться, господин военный...

– Молчать!

– Есть молчать!

– Изэль, ну хоть ты на него повлияй, на солдафона!

– Он с вами шутит, – объяснила женщина. – Реализует свое подавленное чувство юмора. Гай, не злитесь на Марка! Он всегда шутит так, что хочется треснуть его сковородкой. Кого любит, над тем и подшучивает. А кого не любит, тому не позавидуешь.

– Тебя он хоть любит?

– Любит, если не шутит. У вас в семье все шутики, кроме дедушки

Луция.

– Да ну тебя! Папа – природный клоун.

– Клоун, – согласилась Изэль. – Это совсем другое дело. Над его репризами смеешься...

Тумидус не был уверен, что вполне понял реплику Изэль, но счел за благо промолчать. Астланка по происхождению, дочь безумной Астлантиды, воздвигнутой на энергии человеческих жертвоприношений, Изэль Тумидус, в девичестве Китлали, до сих пор оставалась загадкой, вопросом без ответа. Впрочем, сегодня военный трибун надеялся получить кое-какой ответ, в идеале положительный. Слишком многое в его расчетах строилось на жене племянника. Зависимость от кого-то, пусть даже от родственников, бесила Тумидуса, доводила до белого каления. Но ради спасения Папы Лусэро он готов был пойти на любое унижение.

– Вы без дочки? – сменил он тему.

– Белль у дедушки Луция, – объяснила Изэль, подсаживаясь к столику. Помпилианское имя Белла она произносила на астланский манер. – В смысле – у прадедушки. Они друг друга обожают. Он учит ее объезжать лошадей, а она его – находить общий язык с девочкой-подростком. В этом возрасте девочки хуже бешеных кобыл. Где сядешь, там и слезешь.

– Получается?

– Лучше, чем у меня. О Марке вообще речи нет...

– Бармен!

Повинуясь жесту военного трибуна, бармен материализовался у столика, будто джинн из сказки. Вообще-то, в баре для заказа требовалось самому подойти к стойке – официанток на крыше не было, а бармен не снисходил к разносу напитков и закусок. Хочешь обслуживания? Спустишься вниз, в ресторан, там тебе спляшут качучу с подносами. Но Гай Октавиан Тумидус за те несколько визитов, которые он успел сделать в бар, меняя спутников как перчатки, – о, трибун вызывал у бармена неподдельный интерес. Опять же ягуар...

Ягуар пришел с Марком и Изэлью. В меру упитанный зверь, в самом расцвете сил, хищник лежал у парапета и зевал во всю пасть. Это был единственный посетитель бара, в ком бармен не заподозрил любовника военного трибуна. Ойкумена велика и толерантна, в ней сыщется место любой утехе, любой шалости, но в данном случае воображение бармена давало сбой.

Марк с женой прилетели на Китту пополудни, вскоре после прибытия Тумидусова колланта. Это был частный визит, но высокое начальство хорошо понимало, что значит приглашение знаменитого антиса Лусэро

Шанвури, и оформило Марку служебную командировку с открытым сроком завершения. Молодого примипила даже поселили, что называется, «за казенный кошт» в отеле «Макумба», в один из номеров, зарезервированных Министерством обороны. Персонал отеля по уши влюбился в ягуара Катилину, неотлучно сопровождавшего хозяина, и даже попугаи, имплантированные в плечи портье, хором оралы при виде пятнистого кота: «Кр-р-расавчик!»

– Мне как обычно, – велел Тумидус. – Моему племяннику...

– Мне – как ему обычно, – вмешался Марк.

– Даме сока, – добавила Изэль. – Яблочного.

– Манго? – бармен наклонился к женщине.

Он боялся офицеров, еще больше он боялся ягуара, что было странно для природного вудуна, уроженца Китты, прекрасно ладящего с животными, пусть даже и хищными. Он очень, очень боялся и все равно ничего не мог с собой поделаться. Изэль манила бармена. Она была из женщин, каких воспевают поэты. Украдкой бармен вдохнул аромат волос: темных до синевы, убранных под золотую сеточку. Сетка скрывала не вполне обычную форму головы.

– Папайя? Рамбутан? Гуябано?

Изэль улыбнулась:

– Яблочный, если вас не затруднит. Зверю, пожалуйста...

– Зверю воды, – неприязненно уточнил Марк. – Безо всякого рамбутана. Можете добавить пару капель барменской крови, он любит.

И повернулся к дяде, когда бармена как ветром сдуло:

– Ну?

– Что «ну»? – не понял военный трибун.

– Выкладывай. Ты же нас не сок пить пригласил и не видами любоваться. У тебя на лице написано: «Бегом бегу в глубокую...»

Марк покосился на жену.

– Яму, – подсказала Изэль. – Яма тебя не смущает, милый?

– «Бегу в отхожую яму, кто со мной?» – Завершив сомнительный пассаж, Марк вздохнул с облегчением. – Куда зовете, господин военный трибун?

– Ты знаешь, как умирают антисы?

Молодой офицер не ожидал, что Тумидус ответит вопросом на вопрос.

– Да, – согласился Марк.

– Как они умирают по-настоящему?

– Да.

Марк снова покосился на жену. Это значило: не при ней. Она не в

курсе.

– Это хорошо, – кивнул Тумидус.

Хорошего в ситуации было мало, но так ему хотя бы не требовалось ничего объяснять. Учитывая место службы племянника, Марк мог знать что угодно. Если в «чем угодно» нашлось местечко для истинной смерти антисов – тем лучше.

– Ты знаешь про пассажирские колланта?

Марк кивнул:

– Да. Это допрос?

– Он шутит, – напомнила Изэль. – Продолжайте, прошу вас. Я вас совсем не слушаю. Мне просто нравится смотреть, как вы беседуете. Вы оба такие импозантные.

И я не слушаю, зевнул ягуар. Я сплю.

Бармен принес коктейли, сок и воду. Марк щелкнул пальцами, и бармен испарился. Марк так щелкнул пальцами, что было удивительно, как не испарились вода, сок и коктейли.

– Зачем я тебе нужен? – спросил молодой офицер. – Я ведь тебе нужен, правда? Изэль, оставь нас. Не думаю, что дядины замыслы предназначены для женских ушей.

Тумидус взял бокал:

– Ты мне нужен, чтобы дать разрешение. Вообще-то, мне нужна твоя жена.

Слово прозвучало. Нет, два слова. Нет, три: «нужна твоя жена».

– Теперь я точно не уйду, – мурлыкнула Изэль. – Марк, я нужна твоему великолепному дяде. Ты ревнуешь, милый? Ну скажи, что ты ревнуешь!

– Я не ревную. Я боюсь за тебя. Когда моему великолепному, – в устах Марка хвалебный эпитет прозвучал ругательством, – моему предприимчивому дяде кто-то нужен, за жизнь этого человека не дают и ломаного гроша. А за репутацию...

– За репутацию?

В темных глазах Изэли зажегся мечтательный блеск. Женщина подняла высокий стакан с соком, как будто произносила тост:

– За репутацию! Гай, берите меня всю. Я согласна.

– Я не согласен, – буркнул военный трибун. Он ждал трудного разговора, но фарса он не ждал. – Считайте меня замшелым сексистом, но без разрешения вашего мужа, Изэль, я и шагу не ступлю в отношении вас.

– Что тебе, наконец, нужно! – взорвался Марк. – Говори уже!

– Пассажирский коллант, – любезно объяснила Изэль. – Милый, ты стал тугодумом. Ему нужен пассажирский коллант. А для этого твоему дяде

нужен аслантин. Или асланка, если ты еще ничего не понял. Иначе коллективный антис не сможет взять пассажира.

– Ни за что! Ни в коем случае!

– Милый, ты слишком категоричен. Голову напекло?

– И думать не смей!

– Я и не думаю. Я бездумно соглашаюсь.

– Я запрещаю!

– Он запрещает. – Тумидус накрыл руку Изэли своей. – Извините, разговор окончен. Я ведь сказал, что без его разрешения... Знаете, на его месте я бы тоже не согласился. Зря я все это затеял.

– Мою жену! – бушевал Марк, не в силах успокоиться. Конфидент-поле делало бурю неслышимой для бармена, но тот все равно присел за стойкой, боясь угодить под удар молнии. – Мою жену в свой коллант! Мою жену на «поводок»! Как какую-то...

Да, вздохнул Тумидус. Вот он, самый болезненный момент: «мою жену на „поводок“». Включая асланина в состав коллективного антиса, помпилианец – спрут, чьи щупальца удерживали членов колланта, связывая их воедино, – брал новичка на «поводок». Фактически подчинял, обращал в дозированное рабство, не выше десяти процентов от максимума. Если максимум превращал раба в безвольную куклу, энергетический придаток хозяина, то «десятина» практиковалась в имперской армии повсеместно. Отношения старшего офицера с младшим, декуриона с рядовым солдатом, командира подразделения с подчиненными – все строилось на разной степени дозированного рабства. Безусловное выполнение приказов, скорость реакции на поставленную задачу, коммуникация во время боя – благодаря «десятине» армия и флот Великой Помпилии по праву считались лучшими в Ойкумене. Будь Изэль урожденной помпилианкой, будь она военнотружущей, пройди женщина полный курс вакцинации и тренировок, обеспечивающих идеальное поведение на «поводке»...

Тумидус вздохнул еще раз. Будь Изэль помпилианкой, он бы не нуждался в ней. Для того чтобы превратить свой коллант в пассажирский, военному трибуну была нужна дочь Острова Цапелъ – Аслантиды. Изэль Китлали, по мужу – Тумидус, единственная, кому он мог довериться, и не в последнюю очередь благодаря Марку. Кайф, вспомнил военный трибун. Аслантин, взятый помпилианцем на «поводок», испытывает невероятный кайф, рядом с которым бледнеет удовольствие от самого сильного наркотика. На что ты надеялся, приятель? Какой муж отдаст жену в сомнительное предприятие, да еще при таких условиях?!

– Мою жену! В свой коллант! На «поводок»!..

– Хватит!

Тумидус отодвинулся от стола. Откинулся на спинку кресла:

– Все, тема закрыта.

– Мою жену! Тема у него закрыта!

– Хватит, говорю.

– Нет, мою жену! Тему он закрыл!

– Господин примипил, закройте рот!

– Закрыл он! Тему!

– Господин примипил, это приказ!

– В задницу твой приказ!

– В яму, – напомнила Изэль.

– В задницу! Тему он закрыл! Он закрыл, а я открою!

– Господин примипил, я требую...

– Что? Отправишь меня под трибунал? Тебе нужен астланин? Нужен или нет?

– Нужен!

– Отлично! Вот он я, бери!

– Господин примипил... Марк, ты рехнулся?

– Бери! Целиком, с потрохами!

– Малча-а-ть!

– Хрен тебе «малча-ать»! Вот я!

– Щенок! Молокосос!

– Я астланин, – устало прохрипел Марк. Щенок не щенок, сейчас он выглядел ровесником дяди. – Изэль не отдам, и не надейся. Бери меня, я готов. Что я, на «поводках» не ходил? Да я всю жизнь...

– Он астланин, – подтвердила Изэль. – Это правда, Гай.

Мы сошли с ума, понял Тумидус. Все, без исключения.

– Нервный срыв, – констатировал он. – Марк, прости меня, дурака...

– Он астланин. – Теперь уже Изэль накрыла руку военного трибуна своей. – Он помпилианец, как вы. И в то же время он астланин. На Астлантиде есть ритуал, делающий чужака своим – или мертвецом. Марк прошел испытание до конца. Он говорит на астланском языке как на родном. У него есть связь с солнцем. Ладно, это лишнее. Остров Цапель принял его, не сомневайтесь. Если вы хотите создать пассажирский коллант, Марк подойдет. Я не знаю, зачем вам пассажирский коллант, но Марк – идеальный вариант.

– Я знаю, – буркнул Марк.

– Зачем, милый?

– Не скажу. Лучше, если ты будешь вне всего этого.

– Как это было? – Тумидус наклонился к племяннику. – Если она не лжет... Как?!

– Пирамида. – Марк разглядывал собственные пальцы, словно не мог их сосчитать. – Зал в пирамиде. Меня приковали к колонне. *Йолисли тетлаухитилли Тонатиух!* Их было много, как нас, когда мы клеймим кого-нибудь, обращая в рабство. Я бился с *чикчаном*...

– С кем?!

– С человеком-змеей, на копьях. С *кими*, человеком-смертью...

Ягуар встал, скользнул ближе к хозяину. Лег у ног, сторожко поднял голову, вытянул в сторону напряженный хвост. Кончик хвоста подергивался в такт рассказу:

– *Киб*, человек-гриф; *иик*, человек-ветер; *кан*, человек-ящерица... *Астлан анех!* Я потерял глаз, селезенка лопнула к чертям собачьим. Потом мы курили трубку. Потом бились снова...

– Без глаза? С лопнувшей селезенкой?

– Вторичный эффект Вейса. Второй раз мы бились в галлюцинаторном комплексе, под шелухой. Там я был здоров, а главное...

– Ты был там впятером, – кивнул военный трибун.

Он ослабил узел галстука, расстегнул верхнюю пуговицу рубашки. Тумидус вспотел, липкие струйки неприятно щекотали кожу, текли по спине на поясницу. Впору было поверить, что не племянник, а дядя бился с астланами на копьях, и не когда-то, на Астлантиде, а прямо сейчас, в киттянском баре. Верил ли Тумидус услышанному? *Йолисли тетлаухитилли Тонатиух! Астлан анех! Киб, иик, чикчан...* Да военный трибун сломал бы не то что копье – язык, свой собственный язык, пытаясь произнести эту галиматью! И лицо, лицо Марка, когда тот вспоминал бой в пирамиде. В знакомых чертах проступил дикарь из-за границ Ойкумены.

– Мальчик мой! Как любой помпилианец, ты был там во всех пяти ипостасях. Пятеро против пяти, и ты в доспехах. Они просчитались, они не знали, кто такие волки Ойкумены...

Поминая волков, Тумидус убеждал себя, что мальчик – помпилианец. Убеждал, потому что уже видел: это не так, вернее, не вполне так. Глупая шутка обернулась страшной метаморфозой. Краем глаза он уловил движение Изэли. Кажется, астланка хотела жестом остановить мужа, прервать разговор об ужасном, противоестественном ритуале, делающем из волчонка цаплю. А может, Изэль хотела остановить вовсе не мужа, а старшего родственника – хотела и не решилась. Тумидус не знал, что скалит зубы, не знал, что рычит; он полагал, что просто улыбается и ободряет Марка, но женщина видела правду, слышала правду, и ягуар тоже

видел и слышал, потому что заворчал в ответ.

– Погоди! Марк, ты только что сказал...

Ушла далекая Астлантида. Улетели копыя. Сгинули человек-змея и человек-ящерица. Осталась реплика Изэли: «Я не знаю, зачем вам пассажирский коллант» – и ответ Марка: «Я знаю».

– Ну сказал, – проворчал Марк в тон ягуару.

Молодой офицер поднялся, шагнул к миске с водой, принесенной для ягуара, – и вылил всю воду себе на голову. Часть брызг упала на огромную кошку, но ягуар стоически перенес оскорбление, только ухом дернул.

– Ты знаешь, зачем мне пассажирский коллант?!

– Ну знаю. Только не скажу.

Он кивнул на жену:

– При ней не скажу. Изэль, ничего личного. Есть вещи, о которых тебе лучше не знать. Если что, ты ни при чем.

– Ты ее любишь? – спросила женщина. – Ты ее до сих пор любишь, да?

– Кого?

– Не притворяйся, милый. Н’Доли, дочь Папы Лусэро. Ты ведь ради нее соглашаешься, не ради ее отца. Соглашайся, я не против. Я даже горжусь тобой. Мы все тобой гордимся.

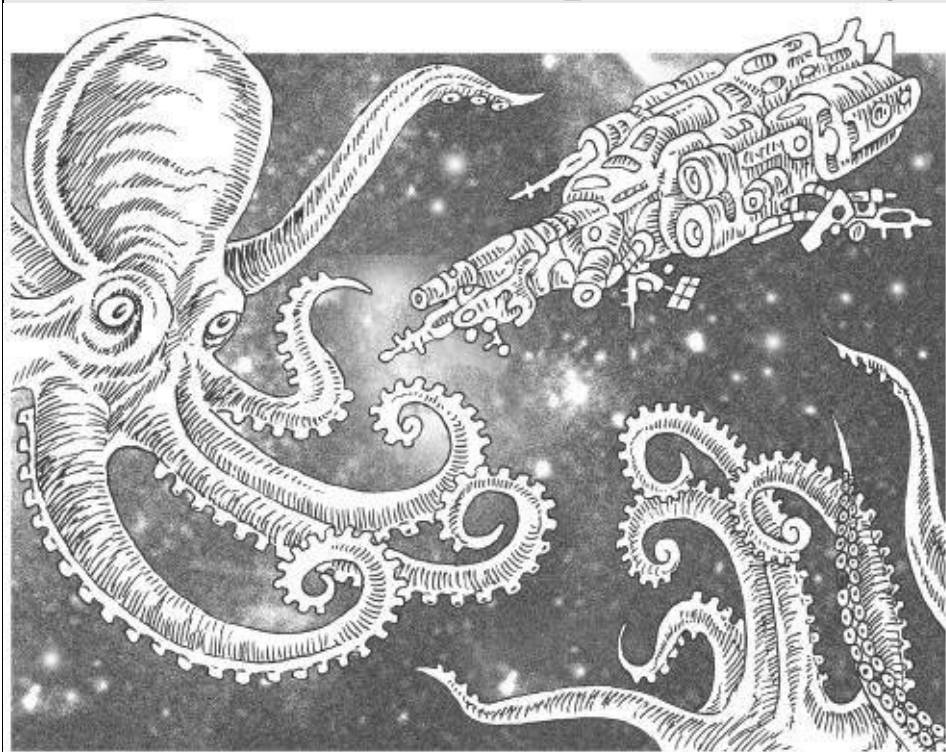
Военный трибун Гай Октавиан Тумидус залпом допил коктейль. Закашлялся, отмахнулся от Марка: тот из лучших побуждений кинулся стучать дядю по спине. По голове надо стучать, дубиной по пустой голове! Задуманная авантюра оказалась безумней, чем предполагалось. В ней открывались все новые и новые грани, о которых Тумидус и слыхом не слыхивал, а спрашивать боялся.

Спрошу, дал он зарок. И про пирамиду, и про Н’Доли. Про все, что стряслось с парнем на треклятом Острове Цапель. Спрошу потом, если выживем.

Под стойкой икал бармен. Бармену было страшно.

Часть вторая

Контрольный выстрел в голову

Глава четвертая

Я не боюсь, или Жаба, жаба, жаба

I

– Астлане?

Скандалная история открытия Астлантиды сотрясла Ойкумену тринадцать лет назад. Все едва не закончилось массовым суицидом астлан и катастрофой звездного масштаба, но в итоге дело обошлось большим испугом и малой кровью. Редчайший случай: Астлантиду спасли помпилианцы, не отличавшиеся человеколюбием – или желанием спасти кого бы то ни было, кроме самих себя. Из внезапного альтруизма Великая Помпилия извлекла немалую выгоду, но, как выяснилось теперь, «гуманизацией рабства» сюрпризы Астлантиды не исчерпывались.

– Астлане, – кивает генерал Бхимасена, имея в виду татуированных дикарей в составе коллантов. – Помпилианцы используют их в качестве живых ретрансляторов энергии, снижая нагрузку на рабов. Это позволяет успешно реабилитировать и возвращать к нормальной жизни людей, побывавших в рабстве. «Великая Помпилия с человеческим лицом!» Помните их рекламный ролик?

Скепсис генерала ясно дает понять, что думает Бхимасена о «человеческом лице» Великой Помпилии.

– Рекламу крутили даже по утюгам и обувным коробкам. А вот это не крутили нигде: «Неделя раз-два-три». Указ помпилианского Сената за номером ноль семь дробь сто двадцать три – категорический запрет тем помпилианцам, кто взял астланина на «поводок», участвовать в создании коллективных антисов. На Астлантиде творилось сущее безумие, и Помпилия хотела застраховаться от любых сюрпризов. О, я их понимаю, Вьяса-джи! Я был там. Участвовал в операции «Умиротворение». Видел ад, так сказать, собственными глазами...

Они приближаются к последнему оставшемуся колланту. Темп ходьбы генерал задает с таким расчетом, чтобы успеть ввести гуру в курс дела. Шелковистая трава льнет к обнаженным голеним йогина. Солнце клонится к закату, перед идущими простираются тени-стрелы. Тени спешат добраться до цели раньше своих хозяев.

– Указ, конечно же, был нарушен?

– Да вы политик! – хохочет Бхимасена. – Законы нарушают, это тоже закон. Самое суровое наказание, вплоть до ступенчатой аннигиляции, не спасает от этого. Оставим подробности! В итоге выяснилось: асланин, включенный в состав колланта, модифицирует его волновую структуру. Это позволяет коллективному антису брать пассажиров. От одного до трех человек – индивидуально для каждого пасс-колланта. Эффект был открыт лет десять назад, точнее не скажу...

– И до сих пор держится в тайне?

– Монополию на пасс-колланты узурпировали гематры с помпилианцами. У них есть сепаратное соглашение на этот счет. Но когда они наплодили, по самым скромным подсчетам, тысячу таких коллантов... Утечка информации стала неизбежной. Скажу вам по секрету, многие переоценивают лояльность гематров и патриотизм помпилианцев. И недооценивают любознательность брамайнов вроде нас.

– Чужие тайны выгоднее своих?

– Вы зрите в корень. Чужие тайны – как чужие жены: ими так удобно пользоваться! Можно ли изобличить расу Брамайн в использовании того, чего официально не существует? Однажды секрет пасс-коллантов будет раскрыт. Его преподнесут как щедрый дар гематров и Помпилии всей Ойкумене. К этому празднику добросердечия они уже готовятся, а мы не мешаем. Зачем?

– И что, пассажирский коллант может подхватить любого? Без подготовки, тестов, притирки?

– Практически любого. Исключения – одно на миллион, если мне не изменяет память. Природная несовместимость, вернее, неспособность к выходу в большое тело. Встречается крайне редко...

Коллантирии уже близко. Стоят, ждут, не выказывая нетерпения. Асланин вольготно развалился в траве. Кажется, он успел заснуть.

– В чем же подвох, Рама-джи? Я могу оказаться одним из миллиона?

Генерал останавливается. Он медлит с ответом. Когда Бхимасена отвечает, он понижает голос. Генерал не хочет, чтобы коллантирии его слышали.

– Надеюсь, никакого подвоха не будет. Несовместимость? В вашем случае, Вьяса-джи, следует опасаться другого. У вас сильнейшая аура. Ваша энергетика, уж простите за прямоту, аномальна даже для брамайна. У экспертов есть опасения, что вы способны нарушить энергобаланс колланта. Это опасно, вплоть до распада колланта в космосе и гибели всех участников. С вами для подстраховки отправятся еще два колланта – без пассажиров. В случае чрезвычайной ситуации они помогут вашему пасс-

колланту выровнять энергобаланс и приземлиться.

Йогин переводит взгляд на коллантариев:

– Они не знают.

– Да, не знают. Ни они, ни подстраховщики. Так, в общих чертах... Напугай мы их заранее, и шанс сбоя из-за паники вырос бы многократно. Для них вы – брамайн с высоким энергоресурсом. Важная шишка, отсюда и дополнительные меры безопасности. Не бойтесь, прошу вас! Если что, спас-колланты не подкачают: они уже отрабатывали восстановление энергобаланса в большом теле.

– Я не боюсь.

– В первый раз это будет не так быстро, как при следующих выходах. Возможны неприятные, даже болезненные ощущения.

– Хорошо.

– Еще одна формальность. У вас трижды попросят согласия. Это необходимо.

– Я не боюсь, – повторяет гуру. – Это значит, что я согласен.

– Трижды!

– Я трижды не боюсь, генерал.

* * *

– Без имен, – говорит узколицый блондин вместо приветствия.

Мешковатая одежда. Сутулые плечи, вялый подбородок. Блеклые, водянистые глазки. Блондину нравится быть таким: человеком без особых примет. Горакша-натх уверен, что перед ним невропаст колланта, мастер тонких связей.

– Без имен, – подтверждает гуру.

– Вернулись. – Долговязый вудун, похожий на жука-палочника в белом саронге, смотрит куда-то в сторону. – Все в порядке.

Четыре колланта, ранее ушедшие в волну, действительно вернулись – тише мыши. Бойцы в серой форме отделились от коллантариев, собираются поодаль.

– Все готовы?

Голос Бхимасены рушится с небес – из акустической линзы, сгустившейся над головами маленьких Ойкумен.

– Спас-первый готов.

– Спас-второй готов.

– Пассажирский готов.

– Приступайте.

Это звучит совсем не по-военному. Впрочем, генералу не приходится повторять дважды.

– Вы согласны отправиться с нами? – спрашивает блондин.

– Согласен.

– Повторяю вопрос: вы согласны присоединиться к нашему колланту и выйти в большое тело?

Блондин нервничает. Он подозревает неладное, но старается держать марку.

– Согласен.

– И в последний раз: вы согласны лететь с нами?

– Согласен.

– По коням! – хмыкает крепыш-помпилианец.

Он без злобы пинает под ребра дрыхнувшего в траве асланина. Дикарь вскидывается, вертит головой спросонья – и, встретившись взглядом с Горакша-натхом, расплывается в широчайшей улыбке. Машет рукой: привет!

Тут все и начинается.

Йогин отслеживает изменения с опозданием: едва заметным, удивившим его самого. Он испытывал сходные чувства при длительной коллективной медитации: границы между тварным миром и галлюцинаторным комплексом стираются, вместе с ними стираются границы между тобой и другими. Разум повисает меж двумя ладонями мировой иллюзии, касаясь обеих, но не принадлежа им. Разум? Сейчас это происходит с физическим телом гуру. Утратив материальность, оно сливается с аурой, растворяется в ней – сахар в кипятке. Разница меж духом и плотью теряет значение, ею можно пренебречь. Семьдесят две тысячи каналов стремительно наполняются мощными потоками энергии, пульсируют от вихревых структур. С остальными коллантами происходит то же самое: часть общего, Горакша-натх чувствует изменения. Люди светятся: перламутр, золото, янтарь, пурпур, бирюза, изумруд, аквамарин. Свет исходит из живых сосудов, свивается в огненные плети. Змеи Кундалины восстают ото сна. Ползут, формируют единый *позвоночник*, хребет колланта; соединяют коллантиев и йогина двойным сияющим контуром, похожим на орнамент стен храма Рудры на Вайшакхе.

Растет жар.

«Я не боюсь».

Сказываются годы аскезы и беспощадных упражнений: Горакша-натх без труда впускает в себя чужой жар, присваивает, выпускает наружу, к

другим коллантами. Замыкает контур, позволяя коллективному существу обрести целостность. Энергобаланс, сказал генерал Бхимасена, и гуру тогда не ответил. Он отвечает сейчас. Поддержка, регулировка, контроль – это Горакша-натх умеет лучше всего, лучше всех. Баланс йогоина-брамайна, баланс энергосистем бункера, баланс пассажирского колланта – для гуру нет разницы. Он распахивает себя перед новой формой бытия, и бытие отвечает ему взаимностью.

Перед йогоином распахивается космос.

«Я не боюсь».

У гуру захватывает дух. Эти слова – *захватывает дух* – наиболее точные из скудных человеческих слов, способных хотя бы частично передать суть происходящего. Всю жизнь Горакша-натх шел к этому моменту, а когда момент настал – он принес не радость, но величайшее потрясение.

Непостижимость. Многомерность. Пустота. Наполнение. Движение. Покой. Формы. Отсутствие форм. Тысячи обликов: они пожирают друг друга и возрождаются. Иллюзия. Еще одна иллюзия. Прекрасная, завораживающая, величественная. Опасная. В нее хочется поверить, счесть истиной и возгласить: вот цель, к которой я стремился, и она достигнута.

Нет. Это шаг. Веха на пути дхармы.

Нет. Это цветы на обочине дороги.

Да. Скажи «да» и иди дальше.

– Эй, где коня потерял?

Бездны космоса? Лучи и волны? Магнитные поля и гравитация?

«Я трижды не боюсь».

Дробный перестук копыт. Фыркает лошадь. В лицо бьет ветер, неся запахи чабреца, полыни, конского пота. Пыльная степь, изрезанная оврагами, убегает к горизонту. Там скалятся иззубренные клыки гор. Закат красит вершины запекшейся кровью. Смотреть больно, глаза слезятся.

– Коня, говорю, где потерял?

Отряд идет по степи рысью, давая лошадям возможность размять ноги. Семеро всадников, двое пеших. Безлошадными остались Горакша-натх и дикарь-астланин – в галлюцинаторном комплексе он выглядит точно так же, как и на Чайтре. Остальные преобразились, обзавелись оружием: сабли, пики, мечи.

Помпилианец облачился в доспех.

В собственной руке гуру с некоторым удивлением обнаруживает трезубец: длинный, глянцево-черный, словно облитый смолой. Заточенные «под бритву» наконечники не оставляют сомнений в смертоносности

трезубца. Атрибут Рудры Адинатха?! У Благого Рудры отличное чувство юмора. Горакша-натх редко испытывал потребность взглянуть на себя в зеркало, но сейчас бы не отказался.

Увы, зеркала под рукой нет.

Без особых усилий йогин и асланин держатся рядом со всадниками, не отстают. Усталость? Тело легкое, звонкое, мышцы переполняет сила. Босые ступни топчут ковыль и полынь, нечувствительные к буграм и выбоинам. Так можно бежать сутки напролет.

Иллюзия. Пеший ты или конный – иллюзия. Ее обратная сторона. Вторичный эффект Вейса, знакомый любому энергету.

– Я есть все, – отвечает гуру на заданный вопрос. – Сам себе и конь, и всадник.

Ответ приводит асланина в восторг:

– Брат!

От избытка чувств дикарь высоко подпрыгивает на бегу, хлопает в ладоши.

– Ты есть все? Ты есть я!

Йогин не разделяет его восторга, но это не смущает асланина: он ликует. Кажется, он даже начал чуточку светиться. Справа и слева от их колланта пылят еще два конных отряда. Первое потрясение сглаживается, Горакша-натх вспоминает, как в ордене натхов едва не произошел раскол. Это случилось, когда Ойкумену со сверхсветовой скоростью облетела весть о коллективных антисах. «Вот оно! – вскричали горячие головы. – То, к чему мы стремились!» Сам Горакша-натх тогда недавно получил свои серьги и не присутствовал на Совете Духовных Лидеров, но со слов учителя знал, о чем зашла речь.

– Короткий путь к цели! – убеждали одни. – Мы должны им воспользоваться!

– Коротких путей нет, – возражали другие. – В итоге они оказываются длиннее, либо ведут в тупик.

– Пусть так! Мы должны, мы обязаны попробовать!

Трое натхов, носителей серег, сели на корабль и отправились в коллант-центр на Китте. Они вернулись через пару месяцев.

– Я не прошел, – сказал первый.

– Я прошел, – сказал второй. – Это не путь.

– Я прошел. Это путь, – сказал третий. – Но это чужой путь.

Орден уцелел. Было принято решение: любой может выйти в большое тело, став участником колланта. Но при этом он не становится антисом. Какой ты антис, воплощение божества, если не способен уйти в волну сам,

по собственной воле, без помощи живых костылей – инорасцев? Десять человек могут поднять камень, слишком тяжелый для каждого из них. Но разве это значит, что ты поднял его в одиночку?!

Помпилианец, возглавляющий отряд, придерживает коня. Встает на стременах, вглядывается из-под козырька ладони. Пики гор полыхают, спят глаза. Тем не менее гуру видит: от предгорий по степи, прямо к ним, движется бесформенная тень.

– Возвращаемся!

Назад отряд несется быстрее. Размашистый галоп коней, сгусток волн и лучей пронзает космические просторы. Две реальности, две иллюзии накладываются, меняются местами, проступают одна сквозь другую. Копыта грохочут по каменистому распадку. Горакша-натх узнает местность: брови-холмы, лощина, редколесье. Вдали – крыша тренировочного бункера, ржавый гриб в центре широкой плечи на опушке леса.

Коллант вышел в большое тело на полигоне, в двух километрах от бункера. Сейчас коллант возвращается в исходную точку, отрабатывая точность маневра и выход на цель.

II

– Вас ждут, – доложил охранник в штатском.

Тиран молчал. Молчание дарило ему минуту – ну хорошо, две минуты покоя. Если пойти на поводу у собственной слабости, две с половиной. Выбравшись на белый свет из подземелий, куда упрятали сокровище – первого ларгитасского антиса, – Ян Бреслау сам себе напомнил демона, поднявшегося из глубин ада к голубому небу, белым облакам, шелесту одинокого тополя над головой.

Безмятежность. Вдох. Выдох. Охристо-ржавая свеча кроны. Жестяная ломкость листьев. Горький аромат осени. Вдох. Выдох. Все, хватит. Время вышло. Полторы минуты – компромисс между долгом и усталостью.

– Кто?

– Вот, – неопределенно ответил охранник.

На стоянке у ворот ждал лаково-черный всестихийник. Цивильная модель с частным, незнакомым Бреслау номером. Тиран моргнул, и цивильность превратилась в маскарад. Машина, вне сомнений, делалась на спецзаказ, и Тирану были хорошо известны мастерские, где на таких красавцев ставят скрытое вооружение.

Его собственный «Pegasus» обслуживали там же.

В трех метрах от машины прогуливалась молодая женщина лет тридцати, в шелковом летнем пальто до пят. Тиран моргнул еще раз: ну да, конечно. Кто бы ни прибыл повидаться с Яном Бреслау, он, во-первых, имел надлежащую степень допуска, а во-вторых, пользовался мимикратором. Человеческий глаз с трудом, но улавливал слабое дрожание контуров избранного облика. Оптика не отслеживала ничего: женщина, и ладно. Вряд ли кто-то снимал эту приватную встречу – даже с орбиты! – но в случае съемки гостя (гость?!) сохраняла инкогнито.

«Скорпион?» – мелькнула безумная мысль.

– Здравствуйте. – Он направился к женщине.

– Прогуляемся? – не поздоровавшись, предложила та хрипловатым контральто. Мимикратор обеспечивал не только внешность, но и звук. – Хочу ноги размять.

Тиран кивнул.

Пропустив женщину вперед, он махнул охраннику – мы тут, рядышком! – и двинулся вдоль забора. Женщина шла медленно, и Тиран старался не обгонять ее.

– Не надо было мне прилетать, – сказала женщина.

– Да, сэр, – согласился Тиран. – Не надо было.

– Идите к черту! – брюзгливо проворчал генерал-лейтенант Ван Цвольф. Чувствовалось, что у шефа скверное настроение. – Раскомандовались! Сам знаю, и нечего пальцем тыкать...

Пальто он носил с невыразимым изяществом. Наверное, программа слизала видеоряд у какой-то звезды подиума.

– Мы прячемся? – Следовало бы замолчать, но вредный бес тыкал Бреслау шилом в задницу. – От кого? Ваш визит секретный?

– Идите к черту! – повторил шеф. – Мой визит на объект не может быть секретным. Уйма людей в курсе. Я отметил, вылетая, и отмечусь по возвращении.

– Тогда зачем вам мимикратор?

– Кретины, – объяснил Ван Цвольф. – Кругом одни кретины. Инструкция, значит, требует. Требуется, мать ее, и никаких послаблений. Как я выгляжу?

– Отлично.

Тиран ни капли не покривил душой.

– Отставить! Как я выгляжу? В смысле, кем я выгляжу? Когда я смотрю на себя, я вижу старого пердуна, каким видел себя утром в зеркале. У мимикраторов нет обратной связи.

– А я вижу красоту. И не отказался бы ухлестнуть за вами.
– Шутите?
– Я вам нравлюсь, сэр? Я женат, но если бы вы знали, как я, в сущности, одинок...

– Сволочи! – вяло ругнулся шеф. Серенаду Бреслау он проигнорировал. – Программисты хреновы! Чувство юмора у них! Я им вставлю чувство юмора, и сатиру вставлю, и фельетон...

Без огонька, отметил Тиран. Обычно шеф ругался ярче, напористей. Чем-то озабочен? Чем? Нужна весомая забота, чтобы сорвать Ван Цвольфа с места, настолько весомая, что о ней и думать не хотелось. «Примерно такая же, – подсказал бес с шилом, – какая была у тебя, когда ты полетел в управление докладывать о Скорпионе. Помнишь? Парк, беседка, двойной конфиденц. Чуешь? Предчувствуешь?! То-то же...»

Парка на объекте не было. Забор по левую руку, опушка леса, бурого и чахлого, – по правую. Под ногами хрустели сухие сучки. Казалось, люди идут по черепкам битых кувшинов, а может, по костям давно истлевших мертвецов.

– Извините за прямоту, сэр. Зачем вы прилетели?

Так было легче.

– Скорпион, – после краткой паузы ответил Ван Цвольф. – Он придет, да? Он обязательно вернется.

– Да, обязательно.

– Он ведь придет не убивать тебя? Он придет за информацией. За оправданиями. Так?

– Так.

– И ты ему ничего не предъявишь?

– Ничего, сэр.

– Почему?

– Потому что вы запретили. Потому что эта информация засекречена. Потому что я давал подписку о неразглашении. – Повторяя слова шефа, сказанные при прошлой встрече, Тиран испытывал мучительное, извращенное удовольствие. – Как высокопоставленный сотрудник Управления научной разведки, я не имею права разглашать ее постороннему.

– Да. – Шеф скривился, словно разжевал лимонную дольку. Прекрасное лицо женщины, плод уникальной работы мимикратора, на миг превратилось в печеное яблоко и снова вернулось к идеалу. – Вы отличный работник, Бреслау. Мне было бы жаль вас потерять – и как сотрудника, и как человека. Конечно, вы ничего не скажете Скорпиону. Но думать-то вам

нельзя запретить? Мышление – непроизвольный, неконтролируемый процесс, как акт дефекации. Если вы не ментал, а вы не ментал...

– Думать? – По спине Тирана побежали мурашки. – О чем я должен думать?

– Не должны, совсем не должны. Я бы сказал – обязаны не думать. Но можете не удержаться, правда? Взять и подумать в самый неподходящий момент.

– О чем?!

– Обстоятельства, повлекшие за собой исчезновение шадруванской миссии, в том числе доктора Ван Фрассен. Обстоятельства, способные превратиться в ваш спасательный круг. Вы подумаете, Скорпион прочтет ваши мысли... Он наверняка способен отличить правду от лжи. Что же до нас...

«Нас», вздрогнул Бреслау. Не до «меня», до «нас».

– Телепат-сякконец, – развивал идею шеф, – совершил насилие над мозгом ларгитасца. Оказать сопротивление упомянутый ларгитасец не мог...

Тиран обогнал Ван Цвольфа. Преградил дорогу, заглянул в глаза, в прекрасные зеленые глаза:

– Упомянутый ларгитасец не мог. Но Т-телохранитель, приставленный к упомянутому ларгитасцу, мог. Мог и был обязан. Адъюнк-комиссар Рюйсдал...

– Не успела, – возразил шеф. – Частично блокировала, частично опоздала. Обычное дело для конфликта менталов. Не хотела провоцировать боевой контакт. Кстати, если Скорпион удовлетворится похищенной энграммой, если воспоминания упомянутого ларгитасца лягут мертвым грузом в хранилищах клана психиров на Сякко – никто в Ойкумене не узнает о случившемся.

– И все-таки, – настаивал Тиран, – адъюнк-комиссар Рюйсдал...

– Она в курсе. Ей отданы соответствующие распоряжения.

– Кем?! При всем уважении, сэр, вы не вправе командовать сотрудниками Т-безопасности, да еще в комиссарском чине...

– Повторяю: распоряжения отданы. Вы сомневаетесь в моих словах?

– Нисколько, сэр.

* * *

Когда всестихийник взлетел, Ян Бреслау проводил машину взглядом.

Голубое небо, белые облака. Ветер с юго-запада. Распоряжения отданы, вспомнил он. Соответствующие распоряжения отданы. Нет, Тиран не сомневался в словах Ван Цвольфа. Он только не знал, какие именно распоряжения отданы Линде Рюйсдал. Ясно представлялось, как он, Ян Бреслау, при повторном визите Скорпиона бросает себе спасательный круг воспоминаний о шадруванской миссии, тянется за ручкой, чтобы подписать собственное помилование, – и в этот прекрасный, в этот возвышенный момент комиссар Рюйсдал сжигает мозг упомянутого ларгитасца, изменника Родины. А что? Сжигает, исполняя свой долг. Сжигает ко всем чертям, чтобы государственная тайна не попала в чужие руки. Что потом? Скорпион удаляется без последствий, уходит, пожав плечами, – не драться же ему с Т-телохранителем после смерти объекта? Нет, конечно же нет! Отдел возглавит полковник Госсенс, шеф уронит скупую слезу, вдове дадут почетную грамоту и казенный пенсион...

«Вы параноик», – подсказала издалека комиссар Рюйсдал.

Вы тоже, напомнил Тиран.

«Мне было бы жаль вас потерять, – откликнулся генерал-лейтенант Ван Цвольф. – И как сотрудника, и как человека».

Мне тоже, согласился Тиран. В первую очередь как человека.

III

– Почему об этом докладывают мне?! Это дело службы флукувативной безопасности!

Усталость и колоссальное напряжение дали себя знать. Всю злость, накопившуюся за последние две недели, Ван Фрассен едва не обрушил на голову безвинного Лофгрена. Чудом, в последний момент, вице-адмирал сумел укротить гнев. Жаль, не до конца: в голосе отчетливо прозвучал лязг затвора.

Адъютант, привычный к разносам начальства, остался невозмутим.

– Командующий ВКС мобилизовал все боевые и условно-боевые корабли.

– Включая «Ведьмаки»?!

– Включая «Ведьмаки». СФБ обратилась к нам с запросом на рабочую двойку «Ведьмаков»...

– Обоснование?

– Приложено к запросу. Информация есть в файле. Я могу дать краткую выжимку.

– Не нужно. – Ван Фрассен взял себя в руки. – Я ознакомлюсь позже. Спасибо, Рольф. Что-то еще?

– Никак нет. Это все на данный момент.

– Можешь быть свободен.

«Что у них стряслось? – Вице-адмирал проводил адъютанта взглядом. – Что за зверье шалит в системе?»

Как утверждало приложение к запросу СФБ, первое нападение стаи случилось двое суток назад – возле пояса астероидов, чуть «выше» плоскости эклиптики. Именно там выходили из гипервоя корабли дальнего следования, направлявшиеся к Ларгитасу. Грузопассажирский корабль второго класса «Чайка», девятнадцать человек экипажа, семьдесят два пассажира. Груз, вооружение... Вооружение у «Чайки» было не ахти. Однако и стая атаковала корабль безалаберно, словно сомневаясь: атаковать или ну его? На оптоволоконном совмещении было видно, как мерцающие кляксы фагов бестолково суеются, мечутся вокруг звездолета, подставляясь под огонь хилых пушек и устаревшего плазматора. То одна, то другая клякса вдруг решалась на подвиг – пыталась прорваться к кораблю вплотную, но на подлете дергалась, словно ошпаренная, и спешила ретироваться.

Повезло цивилам, хмыкнул Ван Фрассен. Навались все скопом – не отбились бы.

Закончился дурацкий цирк, как и следовало ожидать, появлением фрегата, прятавшегося в поясе астероидов. Пояс под завязку был набит аппаратурой слежения, а дюжина астероидов превращена в мощные боевые станции, внешне неотличимые от каменных глыб-соседок. Две усиленные эскадры несли в поясе дежурство. Залп станции, без сомнения, разнес бы стаю фагов на кванты. Но во-первых, существовала вероятность случайно зацепить «Чайку», а во-вторых, рассекречивать станцию на пороге войны – последнее дело.

К счастью, хватило фрегата – все равно брамайны не поверили бы, что в поясе нет ларгитасских кораблей. Если следят – пусть удостоверятся, не жалко.

Фрегат даже не успел открыть огонь. Фаги порскнули во все стороны – мыши при виде кота – и мигом затерялись в пространстве. Впрочем, надежды, что стая рассеялась, а то и вообще покинула систему, не оправдались. Следующее нападение произошло через сутки, и не где-нибудь, а у самого Ларгитаса – между планетой и орбитой Соны, ее благоустроенного спутника.

Грузовик-рефрижератор «Вкусняшка». Каботажные рейсы. Экипаж,

груз. Вооружение. Вооружение «Вкусняшки» было еще более куцым, чем у «Чайки»: когерентный излучатель и маломощные плазматоры с корабля сняли за ненадобностью три года назад. Оставили спаренную двойку волновых деструкторов, и ту, что называется, для порядка. Кто станет нападать на дряхлый грузовик, курсирующий между материнской планетой и ее спутником? Пираты? Террористы? Флуктуации?

Не смешите мои дюзы!

Увы, инцидент с «Вкусняшкой» был совсем не смешной. Атака фагов между Ларгитасом и Соной? Вице-адмирал не мог припомнить подобного случая, сколько ни старался. Все когда-то случается впервые.

...Двадцать четыре флуктуации континуума.

Цифра застряла в мозгу ядовитой занозой. Где-то в недрах памяти откликнулся тревожный звонок. Первый класс: криптиды и пара кракенов. Звонок прозвенел снова: громче, настойчивей. У адмирала заныли виски. Первый класс, мелюзга по меркам звездного бестиария. Но почему так много?! Слишком много для безоружной «Вкусняшки». Слишком... Отключив до поры «тревогу», язвившую рассудок, отрешившись от подступающей головной боли, вице-адмирал прокрутил файл дальше.

Вход на форсаже в атмосферу планеты – маневр рискованный, чтобы не сказать самоубийственный. Но капитан «Вкусняшки» справедливо решил: это шанс. Войди корабль в атмосферу – фаги за ним не последуют. А там, быть может, грузовик сумеет сбросить скорость до того, как поджарится. Нет, грузовик не успевал. Вызванная подмога тоже не успевала. Счет шел на секунды, деструкторы не справлялись с голодной стаей. Фаги уже настигали «Вкусняшку», как вдруг...

Ван Фрассен остановил запись. Вернулся назад, замедлил воспроизведение вчетверо; еще раз просмотрел заинтересовавший его фрагмент. Ага, вот. В кормовой части грузовика, между двигательным отсеком и реактором, открылся узкий технический шлюз – и в черноту космоса изверглось сияющее, искрящееся облако. Оно расплылось за кормой исполинской люминесцентной амебой. Фаги замешкались, оторопели, и это дало «Вкусняшке» бесценные секунды, позволив нырнуть в атмосферу Ларгитаса.

В стратосфере грузовик сбросил скорость. Весь экипаж выжил.

Флэш-завеса, вспомнил Ван Фрассен. Ее выбрасывали криптиды, спасаясь от «Ведьмаков» и антисов. Не удивительно, что лакомая жестянка, проделавшая то же самое, озадачила фагов. Остроумно! Кто же до такого додумался?

Голосфера словно только и ждала этого мысленного вопроса. Файл

приложения включал в себя видео:

- Господин Вандерхузен!
- Расскажите, как вам удалось спасти корабль!
- Товарищей по команде!
- Что вы сделали?
- Как вам пришла в голову эта замечательная идея?

Плохо выбритый толстяк в комбинезоне техника гражданского космолота был готов сгореть от смущения. Репортеры обступили его со всех сторон. В воздухе роились сердитые осы – мобильные камеры новостных каналов. Казалось, они вот-вот набросятся на жертву, изжалют до смерти. Герой из толстяка вышел аховый: он потел, краснел, улыбался невпопад. Впервые в жизни господин Вандерхузен оказался в центре внимания прессы.

- Ну, я это...
- Что – вы?
- Смена, значит. Смена у меня была.
- Продолжайте!
- Реакторный пост, значит. И тут по внутреннему...
- По чему?
- По внутренней связи, значит. Ну, передают: флуктуативная атака!

Красный код! Реактор – на форсаж!

Речь техника выровнялась. Он перестал запинаться и мямлить.

- И что вы предприняли?

– Выполнял приказ капитана, ясен бакен! Запустил форсаж. А сам в контролке... В контроль-сфере, значит, вижу: опаздываем! Не отбиться никак: две дюжины сволочей, мать их так и растак! Извините...

- Ничего, все нормально!

- Продолжайте!

– Тут меня как прошибло: крипиды, они ж флэш-завесой гадят! Ну, когда задницы свои квантовые спасают! А мы чем хуже? Врубил, значит, аварийный сброс...

- Аварийный сброс чего?

– Известно чего: дерьма на лопате. Ну, отработки из реактора. Там температура под шесть тысяч, радиация так и прет... Коктейль «горячий плазма-микс». Вот им я фагов и уе... угостил, значит!

- И каков был результат?

– Отличный результат! – Вандерхузен расплылся в улыбке. – Лучше не бывает!

Перекрыв голоса репортеров и техника, заговорил ведущий:

– За проявленную находчивость и героизм механик Рудгер Вандерхузен представлен к правительственной награде: медали «За мужество» первой степени. Приказом капитана механик Вандерхузен был повышен в должности до старшего механика...

Ван Фрассен погасил сферу.

Двадцать четыре фага. Криптиды и два кракена. Нападение внутри орбиты Соны. Станные действия фагов в поясе астероидов. Бестолковая атака: взвод новобранцев, лишившийся командира. Да ведь это же вы, друзья мои! Стая, с которой Натху Сандерсон мотался по Галактике! Теперь понятно, что вы забыли у Ларгитаса, верней, на Ларгитасе. Явились за вожакom? Выследили? Учужали? Из системы вы теперь не уйдете. Значит, будут нападения на корабли. И новый инцидент может закончиться трагичнее, чем в случаях с «Чайкой» и «Вкусняшкой».

Запрос СФБ, вспомнил вице-адмирал. Они хотят два «Ведьмака»? Будут им два «Ведьмака»!

IV

Линда, сказал Натху.

– Это не Линда, – возразил Гюнтер.

Глагол «сказал» был неприменим в случае с Натху, но Гюнтер привык. Мальчик не разговаривал в обычном понимании. Он даже не предпринимал попыток воспользоваться речевым аппаратом для коммуникации с отцом или нянечками. Казалось, он вообще не понимал, зачем люди разговаривают. Для нянечек хватало жестов и звуков, для отца...

Они беседовали с утра до вечера. Обменивались чувствами и мыслями, образами и понятиями. Для окружающих, а главное, для записывающих камер оба большей частью молчали или Гюнтер болтал о пустяках – добычей камер становилась мимика, пластика движений и словесная чепуха, не заслуживающая внимания. Гюнтер тоже уносил в клюве добычу – на всякий случай он дублировал беззвучные диалоги с сыном у себя в памяти, сохраняя беседы в виде реплик, как если бы те были высказаны вслух. Свои реплики он размечал условными знаками препинания, свойственными прямой речи, реплики сына оставлял без разметки. Метод позволял разносить информацию по разным «полочкам»: развернутые образы – отдельно, сухие «фразы» – отдельно. Больше всего это напоминало комментарии на полях книжных страниц. Вот и сейчас: Натху, словно мячик, бросил отцу образ – яркую, насыщенную,

динамичную картинку – и уточнил простым определением: Линда.

Он слишком часто вспоминает Линду, отметил Гюнтер. Слишком часто, и мне это не нравится. Почему? Гюнтер не знал.

Энграмма демонстрировала открытый двуслойный космос – с изнанки и с лицевой, если можно так выразиться, стороны. С лица космос был черным, беспросветным, холодным. Вдалеке, усиливая тревогу, горели колючие искорки звезд. Тьма тянула ложноножки во все стороны, будто жирная клякса. В ее центре медленно вращался радужный волновой сгусток – флуктуация континуума. Судя по виду, точнее, по проецируемому настроению, флуктуация уродилась хищной. С изнанки, в галлюцинаторном комплексе, флуктуация оборачивалась здоровенной жабой, горой мышц, обтянутых пупырчатой шкурой. Местами шкура поблескивала, словно металлизированный доспех. Жаба сидела на кочке, постреливала языком и тарасила глаза. В лапах, очень похожих на руки карлика, она держала вязаную шаль с бахромой. По краям шали были привязаны маленькие гири.

Сходство жабы с адъюнкт-комиссаром Рюйсдал было несомненным. Родись Натху карикатуристом, имел бы успех.

– Натху, это некрасиво. Ты меня огорчаешь. Во-первых, Линда не жаба. Она хорошая женщина, она тебя любит. Вон, ходит по два раза на дню. Играет с тобой...

Гюнтер говорил правду. Комиссар Рюйсдал дважды в день, как по расписанию, посещала детскую. Приносила вкусненькое, трепала Натху по вихрастой макушке. Вытирала рот, измазанный в каше. Читала смешные стихи про клоунов и барашков, учила самостоятельно одеваться, умываться, завязывать шнурки. Добрая бабушка, клуша – иного сравнения и не подберешь. Натху не возражал против Линдиной опеки. Растягивал рот в улыбке, возился со шнурками, сидел на комиссарских коленях. Идиллия, от которой у Гюнтера холодел затылок, а в животе начинали копошиться электрические слизняки. Он блокировал страх, не позволяя ему вырваться наружу, но страх никуда не девался – бродил внутри, толкался в стены, бодал темницу рогатой головой. В любую секунду Натху мог продемонстрировать доброй бабушке свои способности ментала – и тайное сделалось бы явным. Последствия такого разоблачения пугали Гюнтера. Как минимум его отстранили бы от общения с сыном. Если кавалер Сандерсон знал о сыне то, чего не знал никто, включая Тирана, и не доложил начальству, исполнив свой гражданский долг, – можно ли доверять этому скрытному, этому подозрительному кавалеру Сандерсону?

Жаба? – спросил Натху. Жаба?

Гюнтер сбросил сыну образ жабы – настоящей. Мальчик обрадовался, запрыгал на постели. Энграмма Линды, парящей в космосе, расцвела подробностями: жаба уточнялась, дополнялась, детализировалась. Оказывается, раньше Натху понятия не имел, как выглядит жаба, – вот, дорвался, стервец. Почему он изобразил *изнаночную* Линду в виде амфибии, о которой узнал только сейчас, от отца? Это оставалось загадкой.

– Перестань, – попросил Гюнтер. – Говорю тебе, Линда не жаба.

Жаба, жаба, жаба, откликнулся Натху.

Флуктуация ускорила вращение. Жаба запрыгала на месте, слизнула комара – нет, не комара, но кого-то слизнула точно. Шаль ее взлетела в воздух, сшибла целый рой комарья; хорошо, подумал Гюнтер, пусть будут комары.

– Линда не жаба. И Линда не флуктуация. Люди не бывают флуктуациями.

Натху похлопал себя по затылку: бывают.

– Нет, не бывают. Люди бывают антисами.

Натху пожал плечами.

– Это не одно и то же. Это очень даже разное.

Натху еще раз пожал плечами. Он делал это так: вздергивал острые плечи высоко-высоко, доставая до мочек ушей, выжидал паузу, и резко опускал вниз, на место. Поначалу Гюнтер пугался, что плечи сына вылетят из суставов, но со временем привык.

– Ты не различаешь антисов и флуктуаций? Ты считаешь, что между ними нет разницы?

Натху не реагировал. Наверное, это значило: да, не различаю. Или: нет, не различаю. Или: отстань, мне неинтересно.

– Линда для тебя – антис? Раз она в космосе, раз жаба с изнанки, значит антис, да? Такая же, как ты? Как члены твоей стаи?

Гюнтер, ответил Натху. Ты, ты, ты.

– Такая же, как я? Линда для тебя – антис и при этом она такая же, как я? Может летать? Выходить в волну? Менять тело с малого на большое?

Натху пожал плечами: о чем тут говорить?

Гюнтер дорисовал рядом с Линдой себя. Два волновых сгустка поселились в лицевой кляксе космоса. Два радужных волчка вертелись во тьме. С изнанки возле жабы образовался молодой человек, одетый в пестрый кафтан, с дудочкой в руке. Таким Гюнтер видел себя в галлюцинаторном комплексе, когда особо трудный пациент вынуждал его усилить воздействие до критического, погружаясь *под шелуху*.

Да, да, да, завопил Натху. Бей ее! Ешь ее!

– Не буду я есть Линду.

Ешь! Вкусно!

– А если она меня съест? Она вон какая сильная...

Натху задумался.

Поддерживая измененную энграмму на эмоциональном уровне, достаточном, чтобы мальчик не утратил интереса, Гюнтер опять восстановил в памяти разговор с доктором Йохансоном. В последнее время, общаясь с сыном, он отмечал у себя навязчивую идею, считай психоз. О чем бы ни шла речь, Гюнтер раз за разом возвращался мыслями к этому разговору. Он очень старался, чтобы воспоминания о докторе остались закрытыми для сына, и преуспел в этом. Антис не антис – как обладатель ментальных способностей, Натху Сандерсон не был ровней Гюнтеру Сандерсону.

С изнанки возле жабы образовался молодой человек, одетый в пестрый кафтан, с дудочкой в руке.

«Да, – произнес доктор. Казалось, монолог Йохансона закольцевали, поставили на вечный повтор. – Я гений. Грубо говоря, существование антиса в космическом пространстве и существование ментала в космосе образов и мыслей – практически одна и та же форма

жизнедеятельности...»

Не будь у Гюнтера встречи с Йохансоном, молодой человек решил бы, что капризы Натху, не различающего очевидное, – последствия треклятой «путанки». При зачатии родители, дураки безмозглые, накурились всякой дурью, вот ребенок и не отличает антиса от ментала, Ларгитаса от Чайтры, а комиссаршу от жабы. Трудное детство, дурная компания... Но встреча состоялась, и теперь списать все на шадруванскую дурь было бы страусиной попыткой сунуть голову в песок.

«Мы с вами, дорогой Гюнтер, и ваш драгоценный сын с каким-нибудь Кешабом Чайтаньей – все четверо мы имеем между собой больше общего...»

Работа оказалась сложнее, чем Гюнтер предположил вначале. Игра с Натху в творческое развитие энграммы: космос, жаба, дудочник. Мальчик из всех сил пытался сравнить жабу и дудочника, желая выяснить: *кто кого соборет, если налезет*. Изящными пассажами Гюнтер гасил конфликт, ведя потенциальный «боевик» к вечной дружбе между амфибиями и музыкантами. В параллель – воспоминания о докторе Йохансоне. Защита воспоминаний от сына. Нервное напряжение, связанное с парадоксами, разрушающими привычную картину мира. Возбуждение, связанное с открытием доктора. Возбуждение, связанное с Натху, который, как стало ясно на примере комиссара Рюйсдал, целиком и полностью на стороне Йохансона. Блокировка возбуждений. Недопущение резонанса между ними. Контроль эмоций, в первую очередь – на выходе.

Натху и так взвинчен. Нельзя, чтобы ребенок перевозбудился сверх меры.

Гюнтер превратился в жонглера, удерживающего в воздухе дюжину колец. В иной ситуации это не составило бы для него проблемы. Кавалер Сандерсон справлялся и с заданиями потрудней. Тем не менее напряженность росла, требовала большей отдачи, большего сосредоточения. Заикленность сына на комиссарше пугала Гюнтера. Собственная заикленность на идеях Йохансона пугала Гюнтера вдвойне. Эмоциональный фон мешал, сбивал настройку, раскалялся добела.

Комната поплыла, утратила резкость.

Нет, отец с сыном по-прежнему находились в детской. Но разум Гюнтера утаскивал хозяина *под шелуху*, в галлюцинаторный комплекс. Разум работал сверхурочно, шагнув за критическую отметку; перегревшись, он требовал охлаждения, которое мог найти только там, с изнанки Ойкумены.

Домашний костюм превратился в пестрый кафтан. В руке объявилась

дудочка. По собственной воле инструмент вспорхнул ко рту: ти-ти-там, простенькая мелодия. Власть, сила, контроль. Балансируя на краю реальности и галлюцинации, Гюнтер Сандерсон не сразу обратил внимание на то, что сын, его маленький Натху, тоже изменился.

...ти-ти-там!

И в ответ, грозным эхом:

– Om ham· rudrāya maruti namaḥ.!

Напротив, скрестив ноги, сидел исполин с обезьяньим лицом. Черты животного мешались с чертами, в которых Гюнтер с ужасом узнал себя и Мирру. Живая «путанка» комкалась, словно маска, сделанная из губчатой резины. Кажется, исполин нервничал. Исполину не нравилось то, что происходит. Исполин не хотел *под шелуху*; исполина тянуло туда. Дрогнули могучие плечи; пальцы, способные разорвать льва, вцепились в гирлянду, висящую на шее. Так малыш в испуге хватает все, что подворачивается под руку. Тело атлета местами покрывала рыжая шерсть. Оно колыхалось, это чудовищное тело, оно мерцало, съеживалось до размеров, характерных для ребенка четырех лет от роду, – и вновь росло, наливалось удивительной гибельной мощью. То же самое творилось с лицом: питекантроп, увенчанный диадемой, превращался в кусающего губы Натху, чтобы опять стать питекантропом.

Нет, услышал Гюнтер. Нет, нет, нет!

– Да, – ответил Гюнтер. – В смысле – нет.

Снять конфликт жабы и дудочника. Убрать дудочника, к чертям собачьим. Воспоминания о докторе Йохансоне – на карантин. Запереть ворота, сунуть ключ в карман. Остаточные последствия – стереть до нуля. Купировать нервное напряжение. Погасить возбуждение, связанное с доктором. Погасить возбуждение, связанное с Натху. Разорвать связь. Отключить сопутствующие раздражители. Тихо, тихо, тишина.

Да, сказал Натху. Так да, в смысле – да.

– Великий Космос! – пробормотал Гюнтер. – Что я натворил!

Да, сказал Натху. В смысле – ладно. Играем дальше?

– Ты ведь собрался туда? Наверх?!

Натху посмотрел в потолок. Он смотрел так, словно взгляд мальчика сделался антисом, идущим на взлет. Этот взрослый, наполненный мрачной энергией взгляд пробивал насквозь все этажи и дальше, дальше – небо над Ларгитасом, тропосферу, стратосферу, мезосферу, термосферу, экзосферу, все трижды проклятые сферы, сколько их ни есть, километр за километром, и вот ты, космос, черная свобода!

Да, шепнул Натху. Ты же звал?

– Я? Нет, я не звал!

Звал, шепнул Натху. Звал, крикнул Натху. Звал, звал, звал, надрываясь, завопил Натху. Зачем ты меня звал?! Не хочу, не пойду, боюсь...

– Тихо, тихо... Все в порядке!..

Зачем ты звал?

– Я не знал. Извини, я не знал...

Движение *под шелуху*, вздрогнул Гюнтер, тщательно изолируя ход своих размышлений от сына. Усиление ментальной деятельности – и, как итог, уход *под шелуху*. Мы были в контакте, мальчик шагнул в галлюцинаторный комплекс вслед за мной. Нет, не шагнул – это я его потащил, взял за шкурку и поволок. Разве я понимал, что делаю? Он воспринял это как насилие. Но главное, он воспринял это как приглашение к взлету. Я видел его антический облик – питекантроп в диадеме, с гирляндой на шее. Я видел его и раньше: Натху присылал мне этот образ. Я видел модель, сейчас я увидел оригинал. Марути, говорят брамайны, Марути Озорник. Хорошо, пусть будет Марути. Какая разница? Получается, что мы, менталы, можем контактировать с разумом антиса без угрозы для себя. Надо лишь совместить два фактора: антис не должен воспринимать нас как агрессоров, взломщиков, насильников – и мы не должны превышать допустимый уровень активности, уходя *под шелуху*. Мы способны окунуться во вторичный эффект Вейса, телом оставаясь на планете. Антис на такое не способен, вторичный эффект для него означает выход в волну, смену тела с малого на большое. Усилил воздействие, толкнул ситуацию из реальности в галлюцинаторный комплекс – антис взлетел, сжигая твой рассудок. «Горячий старт» для отдельно взятого телепата...

– Натху, почему ты не взлетел?

Сын насупился.

– Почему?

Стыдно, признался Натху.

– Чего тебе стыдно?

Боюсь, ответил Натху.

– Боишься за меня? Тебе нечего стыдиться! Я усилил контакт, ты занервничал... Любой другой антис на твоём месте уже взлетел бы. Любой другой – да, но ты доверяешь мне, боишься за меня... Ты можешь гордиться этим!

Не за тебя, ответил Натху. За себя.

– Ты боишься взлета?!

Да. Стыдно.

– Не стыдись, не надо. Хочешь, я открою тебе тайну? Мы тут все тоже боимся твоего взлета. Представляешь? Ты боишься, мы боимся... Выходит, мы зря боимся?

Зря, рассмеялся Натху. Не бойтесь!

– Хорошо, я не буду бояться. Я уже не боюсь...

Страх второго взлета, думал Гюнтер, транслируя сыну ответный смех. Нет, не смех – модель смеха, тщательно выполненную копию, потому что кавалеру Сандерсону было совсем не смешно. Натху, приятель, похоже, ты не одинок. Неужели все антисы-дети боятся второго взлета? Неужели первый связан у вас с негативными эмоциями? А я, дурак, думал: свобода, сила, вседозволенность! Дети боятся, но однажды взлетают. Значит, их готовят, уговаривают, подталкивают...

Кто?

Взрослые антисы.

Натху, мальчик мой! Бесценное сокровище, первый антис Ларгитаса! Как же мы уговорим тебя на повторный взлет, безопасный для окружающих, если у нас нет для тебя учителей?!

Контрапункт

Ай-яй-яй, они пришли за Папой, или Пауки в паутине

Быстрее всего предает тот, кто заявляет, что не способен на предательство. Лучший объект для пропаганды – тот, кто декларирует свою идейную неуязвимость. Успешней всего договариваются вчерашние заклятые враги.

Карл Мария Родерик О’Ван Эмерих. Мемуары

– Явились, – не приветливо буркнул карлик. – Зачем явились?

И добавил, сплюнув на землю:

– Убирайтесь.

Нелогично, отметил Тумидус. Разум слабеет, утрачивает ясность. Спрашивает зачем и сразу же гонит, не узнав зачем. Или он знает? Знает и не хочет долгих споров? С Папы станется...

– Полетели, – сказал военный трибун. – Вставай!

Толпа жен и детей опасливо жалась к забору. Пели вполголоса:

– Ай-яй-яй, они пришли за Папой,
Аллилуйя, они пришли за Папой,
Белый бвана раз,
Белый бвана два,
Белый бвана три –
Аллилуйя, будут Папу бить, бить, бить!

«Белый бвана раз» – это был военный трибун Гай Октавиан Тумидус. «Белый бвана два» – примипил Марк Кай Тумидус. Кити, туго перехваченные ремнями. Фуражки с имперским орлом. Кобуры на поясах. Лыдистые взгляды. «Белый бвана три» смотрелся рядом с ними павлином, затесавшимся в стаю волков. Бархатный сюртук. Шитье золотом. Красная бабочка в черный горох. Лючано Борготта остался верен себе и сейчас, на пороге безумной авантюры – одной из множества безумных авантур его жизни.

– Вставай! – повторил военный трибун. – Надевай штаны – и полетели. Без штанов мы тебя не повезем, и не надейся.

– Пассажирский коллант, – пробормотал Папа. – Ты все-таки...

Лицо карлика гримасничало, дергалось от нервного тика. Казалось, умирающий антис не знает, что ему делать: зарыдать или расхохотаться.

– Ты все-таки решился, идиот. А как же «Неделя раз-два-три»? Тебе что, Сенат не указ? Всем вашим, кто взял асланина на «поводок», запрещено участвовать в создании коллантов.

– Сам идиот, – объяснил Тумидус. – Где ты видишь асланина?

Папа дернул щекой:

– Я ничего не вижу. Никого не вижу. Я слепой.

– И я не вижу, – согласился военный трибун. – Я зрячий и все равно не вижу здесь аслан. Перед тобой двое бравых помпилианцев и одно стихийное бедствие со слабо развитой планеты. Слабо развитой технически, а умственно так и вовсе отсталой.

– Ты у нас гений! – огрызнулся Борготта. – Семь пядей под козырьком! Чуя растущее напряжение, откликнулся хор:

– Ай-яй-яй, будут бить ногами,
Аллилуйя, длинными ногами,
Белый бвана раз,
Белый бвана два,
Белый бвана три –
Аллилуйя, будут Папу бить, бить, бить!

Папа Лусэро встал на крыльце. Цыплячьи ножки грозили подломиться. Пижамная куртка висела на костлявых плечах, как на проволочном манекене. В курчавых седых волосах застряли щепки и соломинки. Впору было поверить, что Папа спит на чердаке или на сеновале. Чердака в доме не было, сеновала не нашлось бы и на всей Китте, а вот поди ж ты!

– Ты, наверное, знаешь, что делаешь? – спросил карлик.

Папа разговаривал с военным трибуном, и только с ним, как если бы остальные были приложением к Тумидусу-старшему, бессмысленными голограммами.

– Нет, – честно ответил Тумидус.

Неужели согласился, подумал он. Что, правда?! Военный трибун ждал сопротивления, боев на всех фронтах, ослиного упрямства. На быстрое согласие он не рассчитывал, хотя именно согласие, причем троекратное,

являлось залогом успеха – если не предприятия, то хотя бы старта.

О необходимости троекратного согласия пассажира Тумидус выяснил заранее. Да, здесь был слабый момент. Имей трибун возможность утащить Папу силой, он бы так и сделал и ни минуты бы не сомневался.

– Нет, Папа, не знаю. Не знаю, но делаю.

– Где твои люди?

– Вот. – Тумидус положил руки на плечи Борготты и племянника.

– Этих я вижу. – Папа Лусэро противоречил сам себе и плевать на это хотел. – Твой сорасец...

– Мой племянник, – поправил военный трибун.

– Твой племянник. Я чувствую в нем кровь солнца. Его пульс иной, чем у всех ваших. Он твой племянник, но он асланин. Ты уже взял его на «поводок»? Не отвечай, молчи. Взял, конечно же взял. Где остальные?

– Ждут за забором.

– Почему?

– Я не хотел тащить всех сразу. Думал, мы сперва переговорим.

– Разумно. Им не надо слышать, как я называю тебя идиотом.

– И мне не надо, – кивнул Борготта. – Я и так в курсе.

Тумидус-младший промолчал. Вместо него взвился хор:

– Ай-яй-яй, будут бить руками,
Аллилуйя, сильными руками,
Белый бвана три,
Белый бвана два,
Белый бвана раз –
Аллилуйя, будут Папу бить, бить, бить!

Белое солнце висело над двором. Черные тени тянулись по земле. Черный карлик с белыми глазами стоял напротив троих мужчин.

– Покажи, – велел Папа Лусэро.

Без возражений, словно зная, что Папа обращается к нему, Лючано Борготта снял сюртук, спустил сорочку с плеча. Варенные перепелиные яйца, заменявшие Папе глаза, уставились на татуировку. Шевельнулись черные змеи, шевельнулись красные. Миг – и уже двигался весь орнамент.

– Пепел, – шепнул старый антис. – Я втер тебе в наколку пепел от сгоревшего времени. Когда я возвращался, он пачкал мою кожу. Я решил, что будет забавно испачкать твою. Нет, это вышло совсем не забавно. Время моей жизни сгорело, осталось всего ничего. Хорошо, полетели.

Зовите остальных.

И закричал хриплым, срывающимся голосом:

– Зовите! Скорее! Пока я не передумал...

Пока я не испугался, услышал Тумидус. Марк уже бежал к воротам, открывал створки. Семи процентов дозированного рабства, связывавшего дядю и племянника, хватило, чтобы молодой офицер выполнял приказы раньше, чем они прозвучат. Вслед ему неслось:

– Ай-яй-яй, они пришли за Папой,
Аллилуйя, они пришли за Папой,
Белый бвана раз,
Белый бвана два...

– Чего ты орешь? – рассердился Тумидус. – Кто тебе даст передумать? И не надейся, старый хитрец. Полетели ему! Сейчас мы зайдем во двор, в смысле – остальные зайдут, ты согласишься... И не нахрапом, а три раза, честь по чести. Понял?

Папа молчал.

Пока коллант полукругом выстраивался напротив крыльца, военный трибун вспоминал: ничего ли он не забыл? Кажется, ничего. Пробный взлет колланта с новым невропастом – сделали, взлет-посадка прошли штатно. К счастью, двадцать лет назад Борготта успел побывать у Тумидуса в рабстве – тонкие связи сохранились, бери да пользуйся. К счастью?! Ладно, эту бомбу лучше не трогать. Пробный взлет колланта, уже пассажирского, с Марком, взятым на «поводок», – сделали, никаких проблем. Втайне Тумидус опасался, что племянник станет противиться *корсетизации*. Давить на парня – себе дороже: на конфликте в волну не ходят, и весь замысел коту под хвост. Нет, подчинился как миленький, даже, стыдно сказать, с радостью. Радость лучше любых генетических экспертиз подтвердила, что Марк астланин, как бы чудовищно это ни звучало. Все астлане от «поводка» испытывали кайф, и молодой офицер не стал исключением. Взлет пассажирского колланта с пассажиром «на борту» – сделали, порядок. В качестве пассажирки Н'Доли привела какую-то свою подружку: симпатичную, но болтливую до чертиков. Опасаясь лишней огласки, Тумидус спросил у Н'Доли напрямик: сумеет ли подружка держать язык за зубами? «Еще как! – отмахнулась Н'Доли. – У меня есть ее кукла. Кукла и обрезки ногтей. Не удержит за зубами, так откусит». Про куклу военный трибун не понял, а уточнять не захотел. Шутка, должно

быть. У каждой расы свое чувство юмора: гематры небось квадратный корень из нуля извлекают – обхохочешься!

Огласки от коллантариев Тумидус не ждал, огласки от Папиной родни не боялся. Жены с детишками тыщу раз видели, как их драгоценный тиран взлетает: так, сяк и эдак. Ну, взлетел с подвывертом, в хорошей компании, размялся перед поминками – о чем тут болтать? Да и кто им поверит, трещоткам?

– Лусэро Шанвури. – Военный трибун откашлялся. – Согласны ли вы...

– Стоп.

Рука Борготты легла на плечо Тумидуса, прервав монолог. Военный трибун еле сдержался, чтобы не заехать нагледу локтем в челюсть.

– Стоп, – повторил Борготта. – Согласия должен спрашивать невропаст колланта. Невропаст у нас я, значит я и спрошу. Когда вернемся, можешь меня за это поколотить.

– Да, – сквозь зубы произнес Тумидус. – Забыл, извини.

Борготта был прав, гори он огнем.

– Лусэро Шанвури. – Борготта шагнул к карлику. – Согласен ли ты взлететь вместе с нами на орбиту Китты, а если понадобится, и дальше?

Сюртук Борготта держал в руках. Сорочка осталась спущенной, плечо – голым, и было видно, как татуировка ускоряет вращение.

– Да, – еле слышно откликнулся Папа.

– Спрашиваю еще раз: согласен ли ты взлететь вместе с нами в открытый космос?

– Да.

– И в третий раз спрашиваю: даешь ли ты согласие на совместный взлет?

– Да!!!

Наверное, Папа думал, что кричит. Или просто кричал, как мог. Дернулся костистый кадык. Открылся рот, на подбородок стекла ниточка слюны. Белые незрячие глаза налились кровью, приобрели розовый оттенок, превратив карлика в кролика. Старый антис задрожал всем телом, когда люди напротив превратились в живые костры. Жены Папы разразились истошным визгом, отворачиваясь к забору, закрывая лица рукавами: убийственный свет грозил лишить их зрения. Дети орали от восторга, пытаясь выглянуть из-за ладошек. Огонь и свет, свет и огонь – Тумидус даже начал опасаться, что взлет получится «горячим», с последствиями. От костров, еще недавно носивших имена коллантариев, потянулись шипящие шнуры, до боли напоминая змей, кублящихся на

плече Лючано Борготты. Змеи вязали петли, вились, плели сложный орнамент, во многом он совпадал с татуировкой, и, когда змеи связали всех, включая Папу Лусэро, в единое целое, композиция нашла свое завершение.

– Ай-яй-яй, они пришли за Папой,
Аллилуйя, они пришли за Папой,
Белый бвана раз...

* * *

С изнанки, в галлюцинаторном комплексе, космос над Киттой был лощиной, каменистым распадком. Его держали в горсти морщинистые ладони холмов: пологих, густо заросших зеленью. Звенели ручьи, галдели птицы, потревоженные вторжением целого отряда вооруженных людей. Ветер трепал кроны деревьев, срывал листья и бросал, наигравшись.

В реальном космосе листвою служила межпланетная пыль, внешне похожая на порошок магнетита. Солнечный ветер пронизывал скопления пыли насквозь: краткий, неуловимый миг – и поток заряженных частиц уже мчался дальше.

– Ай-яй-яй, – спел военный трибун, не попадая в ноты. – Ай-яй-яй, а мы пришли за Папой...

Он попытался вспомнить, когда пел в последний раз. Выходило, что в детстве.

– Аллилуйя! – подхватил Борготта. Дела со слухом у него обстояли лучше. – Аллилуйя, мы пришли за Папой!

– Белый бвана раз!

– Белый бвана два!

– Белый бвана три, – согласился Тумидус-младший.

Судя по блаженной ухмылке, Марк был под кайфом. В любой другой ситуации офицер имперской безопасности сел бы за такую ухмылку под домашний арест. А за татуировки...

Тумидус-старший присмотрелся. Если Борготта носил тату на плече, то Марка разрисовали с ног до головы. Фактически голый, в холщовой тряпке на чреслах, племянник походил на дикаря, только что выбравшегося из джунглей. Белый бвана три, белый бвана два, белый бвана раз...

– Папа? Где Папа?!

Коллантарии вертелись в седлах: пешим остался только Марк.

Взглядами спрашивали друг друга: «Есть? Нет? Где же он?!» Все отлично помнили, как выглядит Папа Лусэро в большом теле *под шелухой*. Гигант-паук, способный разнести в щепки боевую галеру. Нервное шевеление хелицеров, похожих на рачьи клешни. Капли яда падают на землю, прожигают вонючие ямки. Блеск восьми глянцево-черных глаз, расположенных в три ряда. Не заметить это чудовище рядом с собой мог разве что мертвец, и то вряд ли.

– Не подхватили? – предположил Борготта.

Тумидус кивнул, борясь с желанием выругаться. Хотелось облегчить душу, но делать это при дамах было решительно невозможно. В прошлом году, опасаясь выглядеть для «города и мира» совсем уж замшелым солдафоном, военный трибун рискнул посмотреть нашумевший блокбастер от знаменитого режиссера Монтелье – авантюрную драму «Колесницы судьбы». Сюжет фильма заключался в следующем: некий варвар с Тетрафимы, рыцарь без страха, упрека и мозгов, пытался вытащить из большого тела в малое свою подружку – та умерла в начале фильма, но каким-то зубодробительным образом воскресла в открытом космосе. Чем дело кончилось, Тумидус не знал – он заснул за полчаса до финала. Сейчас военный трибун заподозрил, что ему предстоят «Колесницы судьбы» наоборот – раз за разом тащить Папу из малого тела в большое. Спускаться на Китту, взлетать, спускаться, взлетать... Попадись Тумидусу режиссер *этого* шедевра – убил бы не колеблясь.

– Аллилуйя, – буркнул военный трибун.

– Аллилуйя, – согласился Папа Лусэро.

Он стоял выше по склону, у кустов асплатуса, полускрытый ветками: карлик в пижамной куртке без штанов. В пальцах Папа вертел сорванный лист – мял, нюхал, морщился. Казалось, он подумывает заварить себе красного чая. С чудовищным пауком у этого Лусэро Шанвури не было ничего общего. Увидеть Папу таким же, каким Тумидус пятью минутами раньше видел его во дворе Папиного дома, стало для военного трибуна самым большим потрясением в жизни. Потрясений в Тумидусовой жизни хватило бы на штурмовой легион, встречались разные – с громом, молнией и скрежетом зубовным, – но сегодня Гая Октавиана Тумидуса пробрало до печенок.

Лусэро Шанвури – обычный пассажир?!

– Ты глянь! – Борготта наклонился к военному трибуну. Ухватил за рукав, задышал в самое ухо. – Нет, ты глянь! Видишь?

– Вижу.

– И что скажешь?

– Мне больно на него смотреть. На паука смотреть было страшно, на старика – больно. Знаешь, это его унижает.

– Унижает? С чего бы?

– Мы вытащили его в космос. Мы совершили чудо. Мы рассчитывали, что он здесь останется, выживет... Как он здесь выживет? Как останется? Как мы его оставим, а?! Гори оно огнем, такое чудо!

– Ты о чем?

– Я? О Папе. А ты о чем?

– Я о паутине.

– Где ты видишь паутину?!

Тумидус воспрял. Где паутина, там и паук, а значит, не все потеряно.

– Солдафон, – вздохнул Борготта. – Я и забыл, какой ты узколобый солдафон... Разуй глаза!

Действительно, Папа был опутан паутиной. Руки, ноги, шею украшали серебристые петли. Талию поверх куртки охватывал кружевной пояс. Сходства с пауком это Папе не прибавляло – скорее с мухой, угодившей в сеть.

– Нет, ты глянь! – упорствовал Борготта.

– Гляжу, отстань.

– Сюда гляди!

Борготта поднял левую руку, блестящую от паутины. Тронул сетчатую гирлянду, висевшую на шее. Ткнул пальцем в Тумидуса:

– На себя посмотри!

Паутина была на всех. В отличие от настоящей ловчей паутины, движений она не стесняла. На первых порах никто и внимания не обратил на легчайшую, невесомую сеть. Нити тянулись от одного члена колланта к другому, опутывая, связывая отряд воедино. Папа Лусэро не стал исключением: паутина ясно подтверждала, что антис – член колланта.

Тумидус дернул паутину. Рванул изо всех сил.

Прочная, зараза!

– Эй! – позвал Папа. – Эй, вы здесь?

– Что тебе?

– Я, кажется, тону.

Военный трибун побледнел. Только свихнувшегося Папы ему не хватало для полного счастья. Нашел где впадать в маразм – в открытом космосе!

– Где ты тонешь?

– А где я стою? Где стою, там и тону.

Цыплячьи ножки Папы ушли в землю до щиколоток – и продолжали

погружаться дальше. Земля в том месте, где стоял Папа, на вид не была особо рыхлой, но куст делался все выше, Папа – все ниже. Трава, вымахавшая по пояс взрослому мужчине, защекотала карлику подбородок, полезла в рот. Поверить в антиса, тонущего на ровном месте, было труднее, чем в злого волшебника, решившего укоротить Папин и без того крошечный рост.

– Погоди, я сейчас!

Конь заартачился. Чалый жеребец, верный спутник военного трибуна в галлюцинаторном комплексе, категорически не желал идти по склону. Проклинаая вздорное животное, Тумидус хотел спрыгнуть с коня, кинуться Папе на помощь и спрыгнул – точнее, вылетел из седла от сильнейшего рывка. Паутинный жгут, связывавший его с Папой Лусэро, сократился с внезапной резкостью и мощностью, словно был сплетен из мышечных волокон. Так мог бы дернуть паук-исполин, хорошо знакомый Тумидусу, но никак не щуплый старик в пижамной куртке.

– Что ты делаешь?!

– Я? Тону.

Жгут продолжал сокращаться. На паутине выступили капельки слизи, она сделалась липкой – не оторвать. Хотел этого Тумидус не хотел, но его тащило к Папе. Краем глаза военный трибун заметил, что не одинок в своей беде. Папа превратился в гирю, неразрывно связанную с коллантом. Чушь, ахинея, бред умалишенного, но весу в карлике оказалось больше, чем в пауке-гиганте. Его погружение в зыбун, минуту назад вполне устойчивый, заставило коллантариев недоброй волей покинуть седла. Конной осталась лишь Эсфирь Цвергбаум – ее лошадка ржала, мотала головой, упиралась всеми четырьмя копытами, но и лошадь мало-помалу сдавала позиции.

– Что происходит? – взревел Борготта. – Гай, сделай что-нибудь!

В иное время такая просьба позабавила бы Тумидуса.

Смерть, ждущая Папу во дворе дома, представилась военному трибуну черной дырой – наичернейшей в Галактике. Она всасывала антиса, причмокивала, пускала слюну; смерть не желала отпускать законную добычу, хоть наизнанку вывернись, и вместе с Папой тащила обратно всех, кто так или иначе был связан с умирающим.

Еще чуть-чуть – и коллант уйдет за горизонт событий.

– Держать! Держать, чтоб вас!

Военный трибун ухватился за траву, за камни, до середины вросшие в грунт. Срывая ногти, обдирая пальцы и ладони, чувствуя, как рвутся жилы, как мышцы кричат от жгучей боли, он пытался остановить или хотя бы

замедлить движение. Его примеру последовали остальные. За колланта́риями тянулись борозды вспаханной земли, они делались глубже, еще глубже. Борозды превращались в окопы, траншеи, братские могилы. Захлебываясь истощным ржанием, увязла по брюхо лошадь Эсфири. Да мы же тонем, осознал Тумидус. Тонем в распадке; тонем в открытом космосе, с каждой секундой приближаясь к планете!

Мы не тонем. Мы падаем!

– Держать! – завопил он. – Держать, чтоб вас!

Он кричал, требовал, держал. Он знал, что не удержит.

Глава пятая

Государственная измена, или Дхарма война

I

– Ты сегодня поздно. Трудный денек?

Он снял с плеч жены легкое пальто – кофейного цвета, с подогревом. Обождал, пока сервис-автоматика отправит верхнюю одежду на стандартный цикл: сканирование, чистка, глажка, подзарядка, возврат в сезонный доступ. Тайком полюбовался женой, пока Анна-Мария поправляла прическу перед зеркалом. В свои девяносто семь жена смотрелась королевой. Она и была королевой: членом Королевского Совета Ларгитаса, представителем великой науки этносоциологии. Морщинки? Серебро волос? Да, конечно. Ну и что? Весенняя красота молодой графини, зрелое летнее обаяние амбициозной герцогини – и вот, монаршее величие осени. Зима Анны-Марии Ван Фрассен еще не наступила, хотя и была не за горами.

На Ларгитасе живут долго – предмет зависти всей Ойкумены.

– Да здравствует королева, – прошептал вице-адмирал.

Эхом откликнулась память: *«Ты – не принцесса. Ты – Регина. Королева. И не только из-за имени. Королева – это достоинство. Сила. Королевы не плачут...»*

На Ларгитасе живут долго, если, конечно, не умирают до срока. Ван Фрассен закрыл ладонью рот, притворяясь, что гладит усы. Вспоминая о дочери, он всякий раз боялся, что память пойдет горлом, вырвется наружу хриплым рыданием. Все, все, все. Проехали, пролетели. Вдох, выдох. Кажется, Анна-Мария ничего не заметила. Зато услышала: слух у жены был прекрасный и с годами стал лишь острее.

– Мой адмирал. – Тонкие пальцы коснулись щеки. – Да, день у меня выдался хоть куда. Прозаседали допоздна, хорошо хоть решение приняли. Я боялась, что отложат на завтра. Великий Космос! Я голодна как волчица! С ними пообедаешь...

– Отлично!

– Что тут отличного? Что я лишилась обеда?

Строгий излом брови. Улыбка прячется в уголках губ. Устроить жене сюрприз, удивить – в этом вице-адмирал был не мастак. Анна-Мария

видела мужа насквозь.

Ну и пусть.

– Голодна как волчица? Я слышал, что волчицы любят мясо.

– Еще как!

Угадал, возликовал Ван Фрассен. Уложил торпеды точно в цель. Обычно Анна-Мария блюла строгую диету (*ограничения ведут к счастью, да!*), но изредка на нее находило особое настроение. В эти дни жена молодела лет на тридцать, позволяя себе все без оглядки: жареное, соленое, сладкое, бокал вина, второй бокал, третий. Потом они ложились в постель...

В столовой звякнула домашняя линия доставки.

– Прошу, ваше величество! Ужин ждет.

На столе выстроилось каре из четырех блюд. Металл крышек сверкал полировкой, напоминая шлемы древних гвардейцев. Гвардия бдительно охраняла свою госпожу: высокую бутылку красного «Фру Дорнфельдер» в сопровождении бокалов-пажей.

– Итак, сегодня на ужин...

Тон записного дворецкого. Театральная пауза. Картинный жест, крышки взлетают в воздух.

– Фрикасе «Барское»! Телятина с белыми грибами и каперсами под пикантным белым соусом! Сеченский рецепт, украден из архивов вашим покорным слугой!

Пахло убийственно. Рот вице-адмирала наполнился слюной. А ведь он, в отличие от жены, пообедал. «Война войной, а обед по расписанию!» – древняя флотская мудрость. Это у цивиллов бардак в порядке вещей, и Королевский Совет не исключение. Любимую жену голодом заморили...

– Зюйдхольмский горячий салат! Лакомство наших славных предков!

Он дождался, пока Анна-Мария займет место за столом, и откупорил вино старинным штопором с изогнутыми «рогами». Эту церемонию Ван Фрассен не доверил бы автоматике даже под угрозой расстрела.

– За тебя, моя королева.

– За нас, мой адмирал.

Вкус позднего винограда. Едва уловимая горчинка. Нотки вишни и чернослива. Это жена приучила его к хорошим винам. Ну да, за столько лет и людоеда с Кемчуги приучили бы...

Ужинали молча.

Наконец Анна-Мария отложила нож и вилку:

– Восхитительно. Сегодня ты превзошел себя.

– Ерунда. Я всего лишь сделал заказ.

– Правильный выбор, Теодор. Правильный выбор – уже победа. Я никогда не умела выбирать блюда. Ты знаешь меня лучше, чем я сама. Если мне захочется мяса с кровью – оно будет ждать меня на столе?

– С кровью?

Вице-адмирал подлил вина в бокалы, бросил взгляд в окно. К ужину подошел бы закат, пожар в полнеба. Облака, багровые по краям, медленно подергиваются сизым пеплом, словно угли костра...

Снаружи стемнело. Ни заката, ни облаков.

– С кровью коллег из Совета?

– Брось. – Анна-Мария улыбнулась. – Все не так экстремально.

– А в прошлом году? Ты тоже говорила: пустяки...

– Когда принимали рекомендации по статьям бюджета? О, то была эпическая битва! Нет, сейчас просто засиделись. Я...

– Молчи, несчастная! Я помню про режим секретности.

– Еще бы ты не помнил. – Вздох жены не укрылся от вице-адмирала. – У каждого свои скелеты в шкафах. Откроешь дверь, тут они и вываливаются...

Ограничения и выход за границы. Залог счастья, личного и общественного. Тема баронской диссертации Анны-Марии – давно, еще до их знакомства. Случайный разговор юного офицера и молодой преподавательницы. «Мой дядя утверждал, что его офицерам в первый день отпуска нравятся все женщины, включая статую Отчаяния на Картском мемориале...»^[3] Минуло полвека, нет, больше, и все осталось прежним. На место одних ограничений пришли другие.

– Но не сегодня! – Жена подняла бокал, словно произносила тост. – Решение Совета обнародуют утром, ночь ничего не изменит. За исключения из правил!

Хрустальный звон звучал долго, минуту наверное.

– Ты веришь в совпадения? Сегодня я тоже не связан служебной тайной!

Ограничения – и выход за границы. Счастье?

– Рассказывай!

– Ты первая!

– Нет, ты!..

Они заспорили, как дети. Вице-адмирал пролил вино и сдался:

– Ну хорошо, я первый. Представляешь, в системе объявилась стая фагов. А «Ведьмаки», как назло...

О том, что два «Ведьмака» отправятся в рейд для отслеживания и уничтожения стаи флуктуаций, объявили пару часов назад по всем каналам,

включая межпланетные. Командование ВКС из штанов выпрыгивало, чтобы не спровоцировать брамайнов, чьи боевые корабли замерли у границ ларгитасского сектора пространства. Нельзя было дать повод и для нового витка пропагандистской истерии. Никаких маневров, передислокаций, коварных планов. Рядовая зачистка сектора от фагов. Следите за нами? Ну конечно, следите! Разуйте глаза и убедитесь!

Жена знает, уверился он к концу рассказа. Для нее это не новость.

– Жаль тебя огорчать, Теодор...

– Огорчать?

– Отзови «Ведьмаков». Возможно, их уже отозвали без тебя.

– Кто? Почему?!

– Теперь моя очередь...

Вино выдохлось. Одна горечь, никакого букета.

* * *

– Вы там что, с ума посходили! Надеюсь, это была не твоя идея?

– А если моя?

– Ересь! Чушь!

– Продолжай, я тебя внимательно слушаю.

– Государственная измена!

– О да! Королевский Совет – те еще изменники!

Кипя от бешенства, Ван Фрассен вскочил из-за стола и забежал по столовой из угла в угол. Анна-Мария молчала, пережидая вспышку адмиральского гнева. Ожидание было пыткой, молчание было пыткой: властный характер толкал королеву на эскалацию конфликта. Характер толкал, здравый смысл оттаскивал. Гнев мужа имел основания: Ларгитас на пороге войны, флот и армия приведены в боевую готовность, спешно возводится третий пояс орбитальной обороны, военные заводы и верфи работают на износ, в систему стягиваются силы из других секторов, флоты Великой Помпилии готовы выполнить долг союзника – и вдруг в дело вмешиваются жалкие штафирки из Королевского Совета, и все планы обороны летят в черную дыру.

Тут и медуза взбесится!

– Брамайнские антисы в нашей системе? По приглашению Королевского Совета? С разрешения правительства? А Чайтранский военный флот вы пригласить не додумались?!

Ван Фрассен ударился бедром о край стола, взвыл от боли и замер как

вкопанный. Тяжелым взглядом уставился на свой бокал: тот был пуст. Взгляд уперся в жену: «Кто все выпил? Нет, кто все выпил? Я, что ли?!»

– И мне налей, – сухо велела Анна-Мария. – Нам обоим не повредит.

– У меня есть бутылка в запасе. – Ван Фрассен исполнил приказ. – У меня есть две бутылки, хватит надолго. А теперь еще раз, подробнее. С аргументами, черт побери! Что вы хотите этим показать? Миролюбие? Готовность к сотрудничеству?!

Анна-Мария вертела бокал в пальцах.

– В политике главное не то, что показывают. Главное прячут за спиной. Второе дно, третье, сто двадцать восьмое. Начнем с антисов: какова их первейшая обязанность? В чем их долг, невзирая на принадлежность к той или иной расе?

– Защита. Основная работа... Проклятье! Какая работа? Это же смысл их жизни, стержень существования – защищать людей от флуктуаций континуума! Спасать, охранять! Защищать от фагов трассы и сектора!..

– Охранять кого?

– Всех! Всех людей Ойкумены, независимо от расы!

– Значит, всех?

– Да!

– Итак, – голос Анны-Марии звучал холодно и бесстрастно, как у информателлы с отключенным модулятором интонаций, – в системе Ларгитаса объявляется стоя фагов. Совершены два нападения на гражданские корабли. Уходить из сектора стоя не собирается. А совсем рядом, если судить по галактическим меркам, обретается троица брамайнских антисов: Кешаб, Вьюха и Капардин. Я права?

Вице-адмирал скрипнул зубами.

– Так почему бы просвещенному Ларгитасу не пригласить знаменитых *велетов* в систему? Не обратиться с просьбой уничтожить опасных гостей? Антисы брамайнов периодически выходят в малые тела, высаживаются внутри своих кораблей, дежурящих у границ сектора. Значит, с передачей приглашения проблем не возникнет.

Логика, подумал Ван Фрассен. Она убивает меня этой логикой.

– Война, – напомнил он.

– Мы не находимся с брамайнами в состоянии войны.

– *Пока* не находимся.

– Твое «пока» Совет хочет продлить до максимума. Да, инцидент имел место, но полномасштабного сражения удалось избежать. Тем более важно продемонстрировать наше стремление к диалогу и миролюбивые намерения. Запрос отправят... Думаю, уже отправили в антический центр

на Чайтре – это невоенная организация. То, что нужно для таких случаев. Следом, не дожидаясь ответа, пойдет информация в новостях по всей Ойкумене.

– Информация откуда?

– Из официальных правительственных источников.

– Причина официоза?

– Нельзя позволить брамаинам сохранить факт запроса в тайне. Мой адмирал, это ясно и ребенку.

Она все-таки ударила, понял Ван Фрассен. Она не умеет иначе.

– Дальше возможны два варианта развития событий, – отвернувшись, чтобы не видеть его лицо, продолжила Анна-Мария. – Первый: брамаины соглашаются. Антисы входят в систему Ларгитаса, мы встречаем их с распростертыми объятиями. Дальше антисы выполняют свою обычную работу. Разделаются со стаей? Отлично. Благодарность Ларгитаса им гарантирована. Благодарность и щедрый транш в антический центр Чайтры.

– С освещением в новостях Ойкумены, – уточнил вице-адмирал мрачней ночи. – С иллюминацией, фейерверком! С салютом из тысячи орудий!

– Разумеется.

Муж не спешил возражать: тревожный знак. Борясь с желанием разбить бокал о стену, Анна-Мария продолжила:

– Допустим, антисы будут не в состоянии уничтожить стаю. Флуктуации сбежали, вильнули хвостом, растворились в космосе. Мы вежливо, а главное, публично сожалеем...

– Почему публично?

– Пусть Ойкумена думает, что брамаинские антисы сознательно не захотели уничтожать стаю. Что им симпатичны фаги, терроризирующие Ларгитас у самых границ планеты. Что эти антисы не только ввязываются в агрессивные военные действия на чужой территории, но и к долгу антисов относятся выборочно, в зависимости от политических симпатий. Ойкумена бурлит от подозрений, мы же благодарим антисов расы Брамаин за приложенные усилия и искреннее желание помочь. Слово «искреннее» повторяется в новостях тысячу раз...

– Зачем?

– Чтобы в нем усомнились. В любом случае Ларгитас остается в выигрыше. Мы протянули брамаинам руку дружбы, мы пригласили их антисов в систему, мы готовы сделать следующий шаг навстречу. Можешь не сомневаться, этот шаг не заставит себя ждать. После него любые

заявления брамайнов о ларгитасском вероломстве будут выглядеть, мягко говоря, попыткой швырнуть горсть грязи на наши белые крылья.

– А если брамайны откажутся? Если их антисы не войдут в систему?

– И тут мы в выигрыше, и даже в большем. Да Лига взорвется от негодования, узнав, что антисы брамайнов отказались защищать гражданские корабли! Хищная стая тиранит беспомощные скорлупки, разбойничает на орбите Ларгитаса, а Кешаб с друзьями и ухом не ведут? Неслыханный прецедент! Нет, предательство идеалов! Брамайны сразу попадут в изоляцию. У нас с Помпилией военный союз? К нему присоединятся другие технологические миры – Тилон, Бисанда, Рея...

– Этот вариант мне нравится больше, – перебил жену вице-адмирал. Тон его плохо вязался со словами. – Но хочу напомнить, что *неслыханный прецедент* уже произошел. Брамайнские антисы заявили, что готовы участвовать в войне. Они поддержали священный поход своей расы! Это безумие!

– Что именно? Священный поход с участием антисов? – Хриплый смех Анны-Марии прозвучал карканьем вороны. – Не могу не согласиться.

– Безумие – звать безумных антисов в систему Ларгитаса! А вдруг они согласятся?

– Мы, кажется, уже рассматривали вариант согласия?

– Ты рассматривала! Ты! А я только начал! Они согласятся – и, оказавшись в системе, вместо охоты на фагов устроят нам священный поход! Как тебе такая политика?!

– Наши эксперты считают, что это крайне маловероятно.

– Твои эксперты – гематры?!

– Нет. Иначе я назвала бы тебе точную вероятность. Но у нас хорошие эксперты, поверь. Они убеждены, что Кешаб все же не настолько утратил разум, чтобы развязать войну в ответ на просьбу избавить систему от стаи хищников. Здесь дело даже не в разуме, в отсутствии или наличии его. Ты сам сказал: «Смысл их жизни, стержень существования».

– Среди твоих экспертов есть личный психотерапевт Злюки Кешаба? Поздравляю! Не знал, что наша разведка завербовала такое сокровище! Я не эксперт, но знаешь, что я скажу? Ваш Совет со всей ордой экспертов и понятия не имеет, что может выкинуть эта троица. Если они пойдут вразнос, мы умоемся кровью!

– Совет сделает все возможное, чтобы не дать им ни малейшего повода...

– Совет сделает, не сомневаюсь! А брамайны? Думаешь, они не способны на провокацию?

– Ты говоришь про антисов?

– Я говорю про чайтранские эскадры у границ нашего сектора! О них вы подумали?!

– Если дойдет до столкновения, мы справимся. Ты справишься!

– Я?!

– Ты считаешь иначе?

Вице-адмирал сгорбился. Он уже не метался, он просто бродил по столовой, машинально огибая стол. Отрывистый, лязгающий монолог, казалось, не имел к самому Ван Фрассену никакого отношения.

– Справимся. Потери будут огромными. Массированные залповые удары из межфазников. Нет, даже антисы не устоят. Сейчас в системе практически весь наш флот. Планетарные пояса обороны. Возьмем в котел, уничтожим. Эскадры Чайтры? На их пути встанут галеры Великой Помпилии. Помощь не придет. Антисам придется сражаться без поддержки флота...

– Ты сам дал ответ. Может, они безумцы, но не самоубийцы. Ввязаться в заведомо проигрышную битву? Погибнуть, ничего не добившись? Брамайнское командование это понимает не хуже нашего – и доведет до сведения антисов, если те сами не сообразят. Опять же, в случае атаки Кешаба за нас горой встанет вся Ойкумена. Вся – сверху донизу, включая Совет антисов!

Фразу мужа об огромных потерях королева предпочла не заметить.

– Да, моя королева. – Вице-адмирал упал на стул, жадно опустошил бокал. Казалось, у него пересохло во рту. – Все так. Все верно, если антисы останутся в больших телах.

– Полагаешь, Кешаб рискнет высадиться на Ларгитас? В малом теле?

– Почему нет?

– И что дальше? Он станет хватать за грудки каждого встречного? Выяснять, где содержат Натху? Нагрянет прямиком в ваш штаб? В Управление научной разведки? В Королевский Совет?

– Ты и правда не понимаешь?

Он смотрел на жену, словно видел ее впервые. Впору было поверить, что война, предательство, столкновение флотилий, безумные поступки антисов, залпы из межфазников, кровь и огонь – все уже произошло, случилось, состоялось в этой комнате, вокруг стола, накрытого для семейного ужина, и маленькая Ойкумена, состоящая из двух человек, разгребает последствия, готовясь к худшему.

– Чего я не понимаю?

– «Горячий старт». Антисам достаточно высадиться в трех

крупнейших, самых густонаселенных городах Ларгитаса и предъявить ультиматум. Требование выдать им Натху в течение трех часов, иначе... Три «горячих старта». Десятки, сотни тысяч погибших. Потом они возвращаются: три других города – и прежний ультиматум. Кешаб способен взять в заложники весь Ларгитас!

Анна-Мария побледнела:

– Их нельзя подпускать к планете!

– Нельзя. Но мы пригласили Кешаба охотиться за стаей. А стая была зафиксирована между Ларгитасом и Соной. Считай, на орбите...

Настал черед молчать для королевы.

– Жаль, что тебя не пригласили на Королевский Совет, мой адмирал, – наконец произнесла Анна-Мария. – Жаль, что ситуацию нельзя переиграть. Решение принято, на попятный никто не пойдет. Даже если я изложу им твои соображения... Это вопрос принципа. Маховик раскрутился, поздно что-то менять.

– Я не король, – вздохнул Ван Фрассен. – Я даже не адмирал.

– Ошибаешься. Хотела, чтобы это был сюрприз... Забудь о приставке «вице-» Приказ о присвоении тебе адмиральского звания уже подписан.

– Это взятка? – Он встал: прямой до звона. – Отступное?!

Спать они легли в разных комнатах.

II

Гуру лежит на спине. Расфокусированный взгляд устремлен в безвидную тьму под потолком. Тьма не есть зло. Тьма – отсутствие света. Если свет – в тебе,пусти и тьму. Соединившись, враждующая и заключающая союзы, они родят тысячу вещей и миллион образов. И ты погрязнешь в единствах и различиях, утонешь и не всплывешь, если не научишься справляться с тем, что зовешь светом, и тем, что зовешь тьмой.

Откажись от одного в пользу другого – все равно утонешь.

– Om·kār ādināthāya namaḥ. ...

«Марути же с хохотом прыгнул, как бес, и взмыл до подбрюшья девярых небес. Летел он, стремительный, радости полный, а тень его снизу бежала по волнам...»

Цель, думает йогин. Марути Озорник, легенды, сложенные про тебя, лгут: большая цель не достигается могучим прыжком. Серьги? Вот вам серьги, радуйтесь, глупцы. А что делать, если ты не глупец? Каждый день, каждую минуту достигай маленькой цели, сиюминутной конкретики.

Отдавайся ее достижению полностью, в искреннем убеждении: нет ничего важнее. Самообман? Нет, в данный момент дело обстоит именно так. Цель альпиниста – вершина. Но идет он к цели уступ за уступом, сосредоточив на уступах все свои усилия и мастерство.

Иначе вершина останется мечтой.

В последние дни маленькие цели следовали одна за другой. Достижению каждой Горакша-натх отдавался честно, целиком и полностью. Выйти на рубеж атаки, не дав себя обнаружить. Нейтрализовать охрану на входе. Часовой успел свалить йогина выстрелом из парализатора. Провал операции. Изменение тактики. Проникновение и захват. Системы бункера. Контроль. Перераспределение потоков энергии и информации. Единый источник энергии – реактор. Взлеты и посадки с коллантом. Каждый день. «Вы больше не пассажир, – сказал генерал после первого возвращения. – Вы полноценный коллантарий». Он не стал объяснять почему. А гуру не стал спрашивать. Старт за стартом. Все дальше от Чайтры. Прокладка пути к системе Ларгитаса. Ориентиры. Косматые шары звезд. Бешеное вращение: волчки пульсаров. Горячие туманности, опалесцирующие жестким излучением. Вулканы, извергающие пламя и пепел. Воронки торнадо над горизонтом. Дыхание гнили. Болота в сизом тумане испарений...

Вехи-призраки на карте страны иллюзий.

«Вам не обязательно все это запоминать, – сказал генерал. – Это дело коллантариев». Да, ответил гуру. Это дело коллантариев. Не вы ли заявили, что я теперь – полноценный коллантарий?

Путь, думает Горакша-натх. Он состоит из тысячи шагов: маленьких, конкретных. Шаг отличается от шага, имеет особенности, свой неповторимый аромат. Мои шаги пахнут оружейной смазкой, разогретым пластиком, мужским и конским потом, озоном электрических разрядов, солдатской едой, полынью и чабрецом. Их освещают голубые гиганты и желтые карлики, солнце Чайтры и плазменные «солнышки» в коридорах центра спецподготовки, огоньки сигарет в зубах бойцов, мерцание индикаторов на контрольных панелях...

На дверной панели мигает огонек вызова.

– Войдите. – Гуру садится.

– Доброй ночи, Вьяса-джи. – В комнате загорается приглушенный свет, его хватает, чтобы узнать вошедшего. – У меня две новости, и обе хорошие.

Бхимасена размышляет и уточняет:

– Наверное.

– Присаживайтесь, Рама-джи. Когда вылет?

Бхимасена остается стоять в дверях.
– Через час. И это не учебный полет.
– Чудо? – спрашивает Горакша-натх, не скрывая иронии. – У вас есть еще один штатный чудотворец, кроме меня?
– Есть, – кивает генерал. – Мы даже не знали, что он есть.
– Кто же это, если не секрет?
– Королевский Совет Ларгитаса.

Все было готово, все были готовы, но операция откладывалась со дня на день. Один-единственный вопрос оставался без ответа: каким образом заслать Злюку Кешаба с друзьями-антисами в систему Ларгитаса? Если предположить, что миссия отряда Марвари увенчается успехом, на брамайнских антисов ложилась важнейшая задача второго этапа операции. Кешаб, что называется, кровь из носу должен был перехватить взлетевшего Натху. Взять под контроль, лишит свободы маневра – и отконвоировать к месту временной дислокации Второго Чайтранского флота. Там взрослые антисы намеревались вернуться в малые тела, высадившись на «Агни», флагман-линкоре экспедиции, – и принудить Натху высадиться вместе с ними. Этический момент принуждения выносился за скобки – никто не сомневался, что в конечном счете ребенок будет рад вернуться на родину, в объятия безутешной матери. А если испугается, начнет брыкаться... Несчастное дитя! Кто бы на его месте не испугался, если к тебе в спальню ворвется чужой дядька и всадит в твою кудрявую голову заряд из лучевика?

Детские слезы коротки. Вырастет – спасибо скажет.

Предлагались разные варианты засылки антисов к Ларгитасу. Первый, к которому склонялся и сам Кешаб, строился на выжидании и молниеносном броске. Согласно ему антисы ждали на границе ларгитасского сектора пространства, сидели тише мыши, не привлекая к себе внимания. И как только сканеры центра наблюдения возвестят о взлете героя дня, Кешаб с компанией срывался с места и на скорости, предельной даже для матерых *велетов*, неся к Ларгитасу. Налетал, хватал за шиворот, утаскивал прочь, прежде чем враг опомнится и преградит дорогу боевыми эскадрами.

Скорость антисов при максимальном разгоне была несравнима со скоростью медлительных кораблей, какая бы раса ни построила убогие жестянки.

Такое решение имело очевидные плюсы – скрытность и внезапность. Минус здесь был один, зато жирный: Натху родился антисом, как и Кешаб с компанией. Дети, вне сомнений, уступают взрослым в выносливости, но

на спринтерской дистанции шустрый мальчишка вполне способен опередить бегущего к нему мужчину. Рванет заячьей скидкой, пойдет петлять между домами и гаражами – извините, спутниками и астероидами! – нырнет в проходной сквозняк «кротовьей норы», рябой от звездной пыли, и поминай как звали! Эксперты расходились во мнениях, считая и пересчитывая модели перехвата. Кешаб бесился, называл экспертов дурными словами; заверял, что успеет, давал сто процентов гарантии, двести, тысячу процентов. Увы, с недавних пор Злюке Кешабу верили слабо – знали, что от одного упоминания про Натху у Злюки летит крыша.

Второй вариант предполагал тайное проникновение взрослых антисов в систему Ларгитаса на манер диверсионной группы. Когда у Кешаба спрашивали, в состоянии ли антисы ужом проскользнуть в щель между ларгитасскими фрегатами и галерами Великой Помпилии, а потом, в тылу флотилий, подкрасться к планете так, чтобы их не засекли, Злюка отмалчивался, хмурил брови, хрустел пальцами. Нестись сломя голову за добычей было, в его представлении, куда достойней для владык космоса, чем красться по задворкам. Позор, читалось на лице Кешаба. Стыд и позор! В отличие от гордого лидера его напарники, Вьюха и Капардин, утверждали, что это вполне реальный способ. Во всяком случае, реальнее, чем рвать когти от границы сектора к Ларгитасу, рассчитывая, что Натху, выдернутый в волну насильственным путем, остолебенеет от испуга и даст себя сцапать.

Выбор между лихим налетом и тишайшим подлетом превратил генерала Бхимасену в знаменитого осла – Бхимасена переводил взгляд с одной копны сена на другую и не знал, с какой начать завтрак. Ставки были слишком высоки, чтобы ошибиться.

И вот: чудо.

Разве оно не трубило в трубы, подтверждая, что миссия брамайнов угодна богам?!

– Хорошо, – кивает гуру.

Рассказ генерала о решении Королевского Совета Ларгитаса, доброй волей пригласившего Злюку Кешаба к самым границам родной планеты, йогин выслушивает бесстрастно – чем, признаться, немало обижает Бхимасену. Генерал ожидал восторга, танцев вприсядку. Казалось, это он, генерал Бхимасена, лично убедил ларгитасское правительство нырнуть в болото гибельного хитроумия – и теперь требует аплодисментов.

– Очень хорошо. Какая же вторая новость?

– Я обещал вам шанс вернуться. – Генерал все еще обижен. Жалкое «хорошо», даже со снисходительной приставкой «очень», его не устраивает. – Коллант, в котором вы полетите, задержится на Ларгитасе. Они будут ждать вас на безопасном расстоянии. Таков уговор. Вам нет нужды спускаться в бункер. Если вы уцелеете в случае «горячего старта» Натху...

Это значит, что коллант будет ждать на орбите. Рисковать малыми телами, оставаясь возле бункера, коллантарии не хотят.

– Если вы уцелеете, – повторяет генерал, – вас подберут. Вас доставят домой. Это все, что я могу для вас сделать. Если же по каким-то причинам ваша эвакуация сорвется...

Он долго молчит, кусает губы.

– Если так, гуру-махараджа, вы знаете, что делать.

В иной ситуации Горакша-натх поправил бы Бхимасену, требуя правильного обращения. В иной ситуации, но не сейчас. Случается чудо, еще одно чудо, которого гуру ждал в последнюю очередь. Бесстрастие превращается в горсть щепок. Миг – и оно сгорает в нахлынувшем пожаре страстей, от которого йогин, сказать по правде, отвык. «Если вы уцелеете в случае „горячего старта“...» Если я уцелею, мысленно повторяет Горакша-натх. Если я уцелею... Слово «я» возвращает себе полузабытый смысл, вонзается в сердце отравленной спицей. В полутьме, в полусвете, задыхаясь в пучине тысячи вещей и миллиона образов, забыв, кто здесь йогин, а кто генерал, гуру спрашивает хриплым шепотом:

– Эвакуация?

– Эти живоглоты запросили вдесятеро! Как же, такой риск! Командование согласилось: а куда деваться? Пожалуйста, Вьяса-джи! Вернитесь, умоляю...

– «Горячий старт»?

– Мы обязаны учесть такую возможность.

– Часто ли он случается при повторном старте юного антиса?

– Редко. Но юного антиса готовят ко второму старту. С ним работают, объясняют, успокаивают. Если же парень стартует без подготовки, при покушении на жизнь малого тела...

Первый «горячий старт» Натху был локальным, вспоминает гуру. Квартал не сжег, мать спас...

– Я ничего не могу гарантировать, Вьяса-джи. – Генерал читает его мысли. – Ничего.

– А остальные, Рама-джи?

– Что – остальные?

- Бойцы идут в пекло. Они готовы умереть.
- Это их долг.
- Но вдруг кто-то из группы Марвари останется в живых?
- Это невозможно, Вьяса-джи.
- Почему?
- Это невозможно, – упрямо твердит генерал.

И, словно наставник, объясняющий пылкому юноше всю тщету и пагубность мирских эмоций, добавляет:

- Не мучайте себя пустой надеждой.
- Вы не верите в их подготовку?

– Напротив, я отлично знаком с их подготовкой. Она включает в себя не только учебные штурмы. Каждому бойцу в брюшную полость имплантирован плазменный заряд с кардиодетонатором двойного действия. Даже если Натху стартует тихо, не должно остаться никаких следов. Ничего, что свяжет атаку на ларгитасский бункер с брамайнами. Мне очень жаль. Бойцы Марвари знают, на что идут. Не волнуйтесь, они не в претензии к вам...

Натху стартует тихо, повторяет гуру. Если Натху стартует тихо... Слово «если» душит его, затягивает петлю. Память откликается эхом, цитатой из прославленного «Сказания о Вайютхе»:

«Марути же с хохотом прыгнул, как бес...»

– Благодарю вас, генерал. – От поклона йогина Бхимасену мороз продирает по коже. – Вы сделали все, что могли. Я тоже сделаю все, что смогу.

III

Докладная записка полковника Вестергаузена, куратора клиники психиатрии Ларгитасского военно-медицинского клинического центра, на имя генерал-лейтенанта Ван Цвольфа, начальника Управления научной разведки Ларгитаса:

«Специфика несения караульной службы на объекте X приводит к заметному росту отрицательных психических состояний, таких как беспокойство, боязнь, неуверенность, страх. Военнослужащие не проявляют инициативы, хотя исполнительны и трудолюбивы. Низкая производительность (результативность) обусловлена следующим фактором: их

мысли постоянно сосредоточены на том, как избежать гибели.

В ходе выполнения работ по охране объекта не все военнослужащие ведут себя одинаково. Одни собраны, отличаются точностью действий. Другие суетливы, эмоциональны, быстро устают. Часть военнослужащих испытывает состояние обреченности из-за долгого времени нахождения в условиях опасности, обращается с жалобами невротического характера. Они быстро устают физически, у них наступает нервно-физиологическое истощение, наблюдается повышенная нервозность, ослабевают психические процессы, особенно внимание и память.

В ходе проведенных экспериментов выявлено, что в результате испытываемого отрицательного психического состояния результативность работы караульного состава снизилась до двадцати процентов и более.

Резюме: задачи ликвидации последствий отрицательных психических состояний нельзя ограничивать только пассивными мероприятиями по устранению уже причиненного психологического ущерба. Надо вести активную борьбу с этим явлением: прогнозирование их возникновения, предупреждение, профилактику и ликвидацию».

IV

– Доброй ночи, Вьяса-джи.

– Доброй ночи, субедар. Доброй ночи всем нам.

Салон всестихийника способен вместить вдвое больше людей, чем находится в нем сейчас. Обмен приветствиями. Молчание. Ровный, мощный гул двигателя. Тоненькое подвывание сервоприводов под полом машины. Масляный шелест металла. Лязг затвора, щелчок предохранителя. Характерный хруст вставляемой в гнездо батареи.

Проверка систем, проверка оружия.

Лишь трое из группы вооружены, и теперь Горакша-натх знает почему. Коллант – не грузовик, не круизный лайнер с отделениями для багажа. Что унесешь с собой в волну? То, с чем сроднился, сжился, прикипел сердцем. Образ предмета должен отпечататься и в сознании, и в памяти физического тела. Одежда. Обувь. Уником. Бумажник. Привычные мелочи. Субедар Марвари не представляет существования без оружия. По возвращении в

малое тело оно неизменно восстанавливается при хозяине – исправное, заряженное, готовое к бою. Если ты не из породы Марвари – людей, родившихся со ртом, полным клыков, – полагайся на трофейные стволы и навыки рукопашного боя.

Субедар, ты готов убивать и умирать. У тебя билет в один конец, и все равно ты готов умирать и убивать. Жизнь и смерть – иллюзия, но какое тебе до того дело?

Стоит ли возвращение Натху таких жертв?

На миг йогина посещает сомнение: искус Майи-иллюзии. Горакшанатх пресекает его в зародыше. Расе Брамайн было явлено чудо: антисполукровка! Невозможное как символ того, что невозможного нет. Но мальчик не только символ. Он – ключ. Ключ к новому, антическому бессмертию.

Какие жертвы на этом пути мы сочтем чрезмерными?

– Группа, на выход! Бегом-бегом-бегом!

Подгонять бойцов нет надобности. Команды давно превратились для них в ритуал, без которого высадка не высадка. Ночной ветер толкает в лицо упругой ладонью, оглушает волной цветочных ароматов. Прохлада, свежесть: где-то близко вода. Темная масса всестихийника за спиной: запахи машинного масла и разогретого пластика. От машины веет теплом. Чувства гуру обострены. Не имеет значения, что всестихийник сел с погашенными фарами и габаритными огнями, а ночь выдалась безлунной. Блеска звезд хватает, чтобы убедиться: колланты на месте.

Ждут.

– По командам разберись!

Генерал Бхимасена не пришел их провожать. Все слова сказаны, все приказы отданы, все инструкции получены.

– Мы летим вместе.

С опозданием до гуру доходит, что имел в виду субедар. Они вместе отправятся на Ларгитас, это ясно и без комментариев. Марвари имел в виду другое: они полетят в одном колланте. Каждый из коллективных антисов способен нести двоих пассажиров. В тренировочном полете Марвари уже сопровождал йогина: все отработано, проблем не будет.

Зачем?

Ну да, конечно. Высадка на Ларгитас, и Марвари сразу вступит в бой. Больше они не увидятся. Остался только этот полет.

– Да, субедар. Летим вместе.

Тройное согласие на взлет больше не требуется. Все стали полноценными коллантариями после первого же выхода в большое тело.

– Вдвоем? – спрашивает невропаст.

– Да.

– По коням! – В устах помпилианца это звучит жестко, властно.

Члены колланта серьезны и сосредоточены, лишь татуированный астланин беззвучно хохочет. Поджарь его на сковороде, он и этому будет рад. Эйфория «малого плена» – так действует на аслан помпилианский «поводок».

Вспыхивают огненные змеи, соединяют людей друг с другом. Жар. Энергия. Гуру пропускает ее через себя – это не требует от него усилий. Фигуры мерцают, очертания расплываются, сливаются в единый сгусток. Время замедляет свой ход – в большом теле оно течет иначе, рассчитать это изменение не под силу даже гематру.

Момент перехода внезапен, как его ни жди. Переливаясь колючими блестками, тьма распахивается над головой – живая утроба космоса. Тьму пронизывают пульсации и вибрации, потоки лучей и частиц, гравитационные волны и вихревые поля. Звезды и туманности оказываются совсем близко, рукой подать, обретают лучистую фактуру, многомерный объем, мириады цветов и оттенков, сотни свойств, каким нет названия на языках человеческих.

Приходит вторичный эффект Вейса.

Конный отряд размашистой рысью идет по степи. Двое пеших не отстают. Поодаль – еще четыре группы всадников. Коллант йогина движется в центре строя – точка на грани игровой кости. Бросок сделан, кость летит через пол-Ойкумены. Что впереди?

Выигрыш? Удача? Вожделенный куш?

Поражение?!

Это не имеет значения, говорит себе Горакша-натх. И впервые в жизни сомневается в великих истинах. Может быть, все-таки имеет?

Субедар Марвари придерживает коня, едет рядом с гуру. В галлюцинаторном комплексе Марвари по-прежнему воин. Меняется лишь экипировка: вместо серой формы без знаков различия – золоченый доспех с пламенным ликом Агни на зеркале. Голову венчает островерхий шлем. На поясе – сверкающая ваджра. Гуру ловит себя на постыдном интересе: способен ли Марвари метать с помощью ваджры молнии? Здесь, *под шелухой?*

– Гуру-махараджа? Знаете ли вы, что я поклялся...

– Да, я знаю.

Пусть обращается как хочет, думает гуру. Теперь можно.

– Вы примете меня в ученики? В следующем рождении?

Пылит степь под копытами. Близятся горы, полыхая слепящей киноварью. Пять сгустков волн и лучей несутся сквозь разреженную туманность к троице красных гигантов. Горакша-натх помнит дорогу: колланту предстоит пройти между средним и правым. Когда впереди объявится пронзительно-голубой пульсар – надо свернуть, обходя опасный район по широкой дуге. Окрестности пульсара густо засеяны ларгитасскими зондами слежения...

Когда впереди объявится пронзительно-голубой пульсар – надо свернуть, обходя опасный район по широкой дуге.

– Я с уважением отношусь к кармическим клятвам.

Беги гуру дома, на Чайтре, он бы не сумел так ответить: ровно, спокойно, сохранив дыхание. Кажется, что они с Марвари прогуливаются по дорожкам парка.

– Клятва человека, идущего на подвиг, для меня священна. Клятва человека, рискнувшего собой ради спасения аватары Марути, равна клятве великого Рудры. В каком бы рождении вы ко мне ни пришли, я приму вас. Приму и поклонюсь.

В курчавой ночи прорезается белый оскал месяца. Марвари улыбается, и улыбка блестит в бороде.

– Смерть – иллюзия, гуру-махараджа. Не так ли?

– Эту иллюзию вы носите в себе, субедар.

– О, это воистину могучая иллюзия! Плазменный имплантат, кардиодетонатор двойного действия...

Марвари умолкает. Он опасается, что гуру это не интересно.

– Если эта тема вам неприятна, субедар, мы можем ее сменить.

– Мне?! – изумляется Марвари. Он теряет равновесие и едва не сваливается с лошади на голову йогина. – Я полагал, эта тема неприятна вам!

– Да, неприятна, но очень важна.

– Важна?!

– Я буду работать с потоками энергии. Все вы окажетесь внутри моей ауры. Я хочу знать, с чем мне придется иметь дело.

Разговор тонет в грохоте. Лавина в горах? Селевой поток? Клокотание магмы? Адская какофония забивает уши. Колланты втягиваются в ущелье между вулканами-близнецами. Багровые шевелюры вершин подпирают черные небеса. Потоки лавы тяжело сползают по склонам, будто ложноножки чудовищных амёб, и застывают, не достигнув дна расселины. Йогина накрывает нестерпимый жар – излучение красных гигантов, пища для лучевых существ. Горакша-натх впитывает его, поглощает, вливает в структуру колланта. Живой конгломерат волн и лучей начинает светиться ярче.

Кони, приободрившись, идут резвее.

– Вас интересует устройство самоликвидаторов?

Смолкает грохот, затихает вязкий плеск. Жар красных гигантов греет спину. Теперь коллант движется быстрее, разогнан гравимагнитными полями звезд. Ветер бьет между лопатками, хочет ворваться в сердце.

– Буду признателен.

– Зачем вам это надо?

– Мне не хотелось бы случайно вызвать взрыв и убить кого-то из вас.

На тренировках заряды и детонаторы, имплантированные бойцам, были отключены. Играя потоками энергии в бункере, Горакша-натх не ощущал их. Сейчас, должно быть, самоликвидаторы перевели в активный

режим.

– Заряд имплантирован в брюшную полость. Детонатор двойного действия подсоединен к сердцу и интегрирован в нервную систему. Остановка сердца – и заряд сработает. Потеря сознания – аналогично. Если ларги попытаются взять меня в плен, вырубив из парализатора, – их ждет сюрприз.

Марвари улыбается. Кажется, что речь идет об удачном розыгрыше.

Безнадежно больные, думает Горакша-натх. Старики, которым страшно умирать. Матери, потерявшие детей. Они приходили ко мне за утешением, и я находил нужные слова. Смерть – иллюзия. Жизнь – иллюзия. Существование бесконечно. Страдания не только пополняют энергоресурс, но и очищают карму. В следующем перерождении вашей дочери уготована лучшая судьба. Да, и вам тоже. Полагаю, вы встретитесь... Никто не говорил о смерти так, как субедар. Для Марвари смерть – чисто техническая проблема. Как лучше обустроить собственную гибель, чтобы оставить врагам только пепел? Если субедар и беспокоится о чем-то, так лишь об одном: станет ли он моим учеником в следующем рождении.

Идеальное следование дхарме воина.

Я больше подвержен страстям, чем он, думает Горакша-натх. Великая страсть испепеляет меня: стать антисом, не родившись антисом. Не стоит ли мне попроситься в ученики к субедару Марвари? В следующем рождении?

Копыта коней стучат глуше. Отряд проезжает через цветущую долину. Кольшется трава, холмы поросли кустарником. Деревья качают пурпурной листвой. Из кустов выскакивает рогатый заяц. Рыжая с прозеленью шкурка переливается радужными бликами. Мелкая флуктуация?

Вряд ли она опасна для колланта.

– Но если рядом будут живые?

– Кто?

– Ваши бойцы, субедар. Взрыв убьет их.

– Не взрыв – вспышка. Тело сгорит полностью, но не более того. Безопасная дистанция – три метра. Детонаторы завязаны в локальную сеть и настроены друг на друга. Пока хоть один наш боец, живой и при памяти, находится ближе трех метров, заряд не сработает.

Сеть детонаторов, отмечает гуру. Сразу после высадки надо будет отследить ее – и не трогать, чтобы не нарушить настройки.

– Будь у вас что-нибудь посерьезнее плазмы в животе, вам не пришлось бы пробиваться на нижние уровни. Зачем стрелять в мальчика?

Мощный взрыв в бункере – и Натху уходит в большое тело.

– Ядерная бомба? – Марвари смеется. Для него собеседник только что отмочил забавную шутку. – Плазменный фугас на десяток килотонн? Антивещество? Такую штуку не имплантируешь в тело. А груз в коллант не взять. Взорваться всем отрядом? Чепуха, там небось перекрытия из термосила...

На горизонте бешено крутится воронка. Торнадо окутан паутиной голубых молний. В мире звезд и туманностей это оптический пульсар ROUV-2713-17. Всадники поворачивают коней, огибая сектор. Здесь их может засечь чувствительная ларгитасская техника.

– Вы хотите о чем-то сказать, Марвари-бхай. Хотите и не решаетесь.

– Это суеверие, – вздыхает субедар. – Говорят, если хочешь с кем-то встретиться в следующей жизни, надо пожать ему руку. Ну, во время последней встречи. Вот я и подумал... Мы в космосе, мы – лучи, волны, поля. Так даже лучше? Я несу чушь, гуру-махараджа?!

Горакша-натх протягивает руку. Субедар свешивается с седла. Два жгута светящейся плазмы тянутся друг к другу, соединяются. Свет сливается со светом, волны – с волнами. Где чей свет, где чьи волны? Всадник пожимает руку пешему, бегущему рядом. Со стороны видится: всадник хочет помочь товарищу взобраться на коня.

– А как же вы, гуру? – В глазах Марвари вспыхивает беспокойство. – Да, вас должен забрать коллант. Всем сердцем надеюсь, что так и будет. Но если вы уцелеете? Вы уцелеете, а коллант опоздает?

«Что, если они нарушат обещание? – читается на лице субедара. Кадровый офицер, он недолюбливает наемников. – Если они сбегут?! Тем, кто продается за деньги, нельзя доверять до конца!»

Гуру улыбается.

– У вас... – Марвари бледнеет. – Вам тоже имплантировали заряд?!

Гуру по-прежнему улыбается:

– Не беспокойтесь, Марвари-бхай. Я не попаду в руки ларги – ни живым, ни мертвым. Я сам себе заряд. Я сам себе детонатор. В следующем рождении вы возьмете меня в свой отряд? Если надо, я готов дать кармическую клятву.

Марвари смеется. Дхарма воина: теперь он спокоен.

Контрапункт

Господа офицеры, или Надеюсь, я не доживу

У каждого гения, если он чего-нибудь да стоит, должны быть три персональных сумасшедших: безобидный, обидный и обиженный.

Карл Мария Родерик О'Ван Эмерих. Мемуары

- Здравия желаю, господин имперский наместник!
- Здравия желаю, господин имперский...
- Молчать! Смирно!

По стойке смирно встали все. На лестнице застыла Изэль: ледяная статуя. Рядом с женщиной присел на задние лапы ягуар Катилина. За стойками окаменели портье. Какаду, имплантированные в плечи портье, захлопнули клювы и взъерошили перья. Группу туристов, регистрировавших поселение, настиг приступ каталепсии. Пальмы у входа притворились искусственными. Какой спрос с пластика?

Имперский наместник Флаций был взбешен. А когда Тит Флаций бывал взбешен, сердечные клапаны окружающих лопались, как воздушные шарики.

- Господа офицеры! Ваш внешний вид...
- Туча громыхнула молнией.
- Как вы выглядите? Нет, как вы выглядите!
- Хреново, – согласился Тумидус.

Марк хихикнул.

Военный трибун торопливо снял племянника с «поводка». Разорвать частичное рабство, которое в армии звали *корсетизацией*, было делом секунды, если не быстрее. Тумидус не сделал это по дороге в отель лишь потому, что под асланским кайфом Марк еще как-то шел и даже приплясывал. В обычном состоянии парень свалился бы на полпути.

Вне сомнений, Тит Флаций отследил перемену, произошедшую в отношениях распекаемых офицеров. Да что там! Едва виновники торжества встали на пороге, он уже почуял наличие «поводка» – беспрецедентный факт для военного трибуна, выходца из штурмовиков, и новоиспеченного примипила имперской безопасности. *Корсетизировать* сотрудников органов безопасности не разрешалось никому, кроме их

непосредственного начальства. Истинный помпилианец, хозяин трех сотен рабов, сам офицер высшего ранга – маршал армии на Китте, на Сечене он был бы генерал-губернатором! – Тит Флаций пешком проделал весь путь от молоденького центуриона до величественного наместника. Это значило, что в свое время Флаций водил на «поводках» чертову уйму подчиненных: и брал, и отпускал. Но даже он со всеми его привилегиями не имел права наградить Марка Тумидуса хотя бы одним процентом рабства.

– В номер! – приказал Флаций. – Господин военный трибун, немедленно поднимитесь в ваш номер! Я требую...

– В бар, – возразил Тумидус.

– Это приказ!

– Да-да, я слышу. Бар на крыше, я займу вам место.

И, не дожидаясь, когда Флация хватит удар, военный трибун направился к лифту. Марк следовал за дядей. Ноги Марка подгибались, воздух kloкотал в легких, как после длительного бега. На ходу Тумидус-младший содрал с шеи узкий форменный галстук, скомкал в кулаке, швырнул назад через плечо. С лестницы метнулась пятнистая молния – ягуар обнюхал галстук, хрипло заворчал и рванул в лифт за хозяином. Портье переглянулись: коренные вудуны, работники отеля с рождения знали, что такое *тотем*, зверь-покровитель.

В лифте Тумидус сел на пол и привалился спиной к стене. Марк последовал дядиному примеру. Ягуар обнюхал лица обоих, боднул хозяина в грудь и замаякал тоскливым басом. Военный трибун хотел отпихнуть зверя подальше и передумал. Было видно, что от присутствия ягуара Марку становится легче. Вон и румянец на щеках...

Великий Космос, подумал Тумидус. Дотянули.

Падали страшно. Волны, лучи, поля – чем бы ни были коллантарии с точки зрения физики, все превратилось в свинец, бетон, чугун. *Под шелухой* они задыхались, погружившись в иллюзорную землю на какую-то чудовищную глубину – в область мантии, что ли? Там царил крошечный ад: геенна высоких температур и колоссального давления. Шевельнуться – подвиг. Вздохнуть – подвиг. В реальности коллантарии не нуждались в дыхании и работе мышц, но реальность куда-то делась, сгинула без следа, а галлюцинаторный комплекс, напротив, становился все плотнее, все безвыходней, словно у Ойкумены, как у ленты Листингера, осталась лишь одна сторона поверхности. Крича от напряжения, военный трибун цеплялся за жгут паутины, соединявший его с Папой, – этого можно было и не делать, паутина спеленала Тумидуса целиком, заключила в белесый омерзительный кокон, как гусеницу, готовящуюся стать бабочкой, или

мумию, обмотанную бинтами; захоти он разорвать связь с Лусэро Шанвури – и не смог бы. И что с того? Пальцы сводило от усилия, прикосновение к жгуту напоминало, что надо бороться, дарило безумную надежду – так альпинисту дарит надежду прикосновение к страховочному тросу, – и Тумидус тянул Папу на себя, пытаясь хоть чуть-чуть замедлить движение вниз, к смерти – прожорливой твари, вздумавшей не только съесть престарелого антиса, но и подзакусить целым коллантом; былой труд, когда они вытаскивали раненого Папу из космического моря у берегов Острова Цапель, сейчас казался чепухой, детским лепетом, военный трибун согласился бы повторить его десять раз кряду, заменить карлика пауком, старика – гигантом, лишь бы избавиться от сегодняшней каторги: держал, тянул, кричал...

Когда он понял, что сидит во дворе Папиного дома, возле крыльца, не поверил, нет. Даже когда Папа на карачках уполз в дом, храпя и кашляя, – нет, не поверил. Он и сейчас не очень-то верил, если по правде.

Все глазел на свои руки, вглядывался в ладони, читал линии сердца, жизни, судьбы. Из офицера военный трибун превратился в хироманта, озадаченного картиной гадания. Ладони были целехоньки, но Тумидус видел иное: кровавые мозоли, содранную кожу, ссадины с запекшимися лохмотьями по краям. Паутина была поводком, на котором военный трибун удерживал не Марка, но Папу, не позволял тяжеленному, как смертный приговор, карлику грохнуться на планету, из большого тела в малое тело, с чудовищной высоты – и разбиться всмятку. То, что, спасая Папу, он спасал весь коллант, связанный липкими нитями, а значит, и себя самого, как-то не укладывалось у Тумидуса в голове. Чудилось: отпусти он жгут, прекрати сопротивление – и паутина исчезнет, рассосется. Папа Лусэро упадет, и конец Папе, светлая память, а коллантарии останутся в космосе, в изнаночном распадке между холмами, всплывут воздушным пузырем; тут главное – отпустить, не спорить, признать поражение...

– Мампоэр, – велел Флаций. – Двойной.

Бармен за стойкой слушал заказ наместника и почтительно кивал. Тумидус не заметил, когда лифт сменился баром. Какая разница? Большей частью военный трибун был еще там, над голубым шариком Китты.

– Мампоэр, – согласился он.

– Бутылку, – уточнил Марк. – У меня депрессия.

Судя по выражению лица, племянник не врал. Красотка-эйфория ушла, на ее место явилась черная хандра.

Тит Флаций ударил кулаком по стойке:

– Молчать! Значит, так: мне двойной мампоэр, остальным воды.

- С газом? – поинтересовался бармен.
- Без газа, со льдом. Этим шалопаем не повредит остыть.
- Мампоэр, – повторил Тумидус. – Принесешь воды – убью.

Марк кивнул:

- Бутылку. Лучше две. Принесешь одну – убью.
- Воды, – подвел итог наместник. – Принесешь им спиртного – убью.

Бармен почесал в затылке.

– У меня выходной, – сказал бармен. – Я на больничном. Меня здесь нет, бар закрыт. Берите что хотите, хоть поубивайтесь тут! Милые бранятся...

Мужчины проводили его взглядами. Марк зашел за стойку, взял початую бутылку, три стакана. Флаций хмурился, но не протестовал.

– Господа офицеры, прошу садиться, – велел Флаций. Тон наместника резко контрастировал с вежливым «прошу». Таким тоном приглашают на эшафот. – Вы должны ответить на мои вопросы.

Господа офицеры сели. Господа офицеры разлили по стаканам. Господа офицеры выпили, не чокаясь, без тостов, как на похоронах. Ягуар Катилина лег у перил и задремал. Кончик хвоста подергивался: ягуару снился дурной сон.

– Трибун, – без обиняков начал Флаций, – отвечайте кратко и по существу. В противном случае я разобью эту бутылку о вашу голову. У меня есть информация, что вы реорганизовали свой коллант. Это так?

– Так, – согласился Тумидус.

– Из обычного колланта в пассажирский?

– Так.

– Кто был у вас на «поводке»? Неужели...

– Мой племянник.

– Примипил Тумидус?!

– Мой племянник, – повторил Тумидус-старший. – Это частное дело, служба тут ни при чем.

– Вы рехнулись?

– Да.

Господа офицеры выпили по второй.

– Трибун. – Наместник был бледен. – Сейчас я спрошу один раз и больше повторять не стану. От вашего ответа зависит не только ваша карьера. От этого зависит ваша дерьмовая жизнь. Вы меня поняли?

Тумидус кивнул. Дерьмовая жизнь сейчас интересовала его в последнюю очередь.

– Трибун, вы изменник? Вы работаете на брамайнов?

Я ждал чего угодно, подумал Тумидус. Чего угодно, только не этого.

– Господин наместник, позвольте вернуть вам ваш вопрос. Вы рехнулись?!

– Скажите вслух, что вы не изменник.

– И вы мне поверите?

– Да. Я вам поверю. Вы способны свести человека с ума, но лгать вы не умеете. Господин примипил, слушайте внимательно. Может оказаться, это дело по вашему ведомству. Слушайте внимательно и будьте готовы арестовать военного трибуна Тумидуса. Если, конечно, вы тоже не изменник.

– Хорошее начало, – с каменным лицом сообщил Марк. – Мой дядя, случалось, уже ходил в изменниках Родины. Для меня это будет впервые. Уникальный опыт, не правда ли?

Выпили по третьей.

– У нас есть информация, – Флаций уставился на ягуара. Наместнику было без разницы, куда смотреть, лишь бы не на собеседников, – что брамайны интересуются пассажирскими коллантами. Мы не знаем причину этого интереса, но подозреваем, что это связано с известной нам всем историей. И вдруг выясняется, что вы, господин трибун, срочно реорганизуете ваш коллант. Что мы должны подумать?!

– «Мы» – это кто? – спросил Тумидус.

– Империя, – ответил за наместника Марк. – Великая Помпилия. Дядя, переходи служить в безопасность. Я составлю тебе протекцию. Ты будешь слышать это «мы» по сто раз на дню.

– Господин примипил, прошу вас заткнуться. – У Флация задергался глаз. – Я велел вам слушать, а не трепать языком. Если вы не уважаете мой чин, уважайте хотя бы возраст. Трибун, объяснитесь, я жду.

Наместник упорно опускал приставку «господин» перед «трибуном». Приставку «военный» он тоже опускал. Дурной знак, отметил Тумидус.

– Это частное дело, Тит. – Флаций безропотно проглотил обращение по имени, разве что побагровел. – Это не связано ни с какими брамайнами.

– Доказательства?

– Доказательств нет.

– Скажите мне. – Тяжелый взгляд Флация перебрался с ягуара на Тумидуса-младшего. Говорил наместник со старшим, а смотрел на младшего, словно только что вспомнил, что имеет дело с любимчиком госпожи Зеро. – Скажите мне, что это операция *импербеа*. Тайная операция под прикрытием. Прощу, скажите мне, что это правда.

– Это неправда. Более того, это чепуха.

– И доказательств нет?

– Нет. А впрочем...

Военный трибун достал коммуникатор, положил перед собой на стол. Включил режим запросов, громкую связь.

– Диспетчерский центр наблюдения за полетами!

– Кто спрашивает? – откликнулась информателла.

– Гай Октавиан Тумидус, гражданин Великой Помпилии.

– В запросе отказано.

– Гай Октавиан Тумидус, член Совета антисов.

Три секунды паузы.

– Запрос принят. На связи диспетчер Бузиба. Чем могу быть полезен, баас?

– У вас зафиксирован взлет моего колланта?

– Да, баас.

– Сбросьте мне волновой слепок. И комментарий, пожалуйста.

– Будет сделано, баас. Проблемы при возвращении? Запись показывает...

– Спасибо, диспетчер. Удачного дежурства!

Над коммуникатором всплыла гроздь эллипсоидов. В них вертелся калейдоскоп: вспышки, линии, пятна. Зрелище завораживало.

– Мы наблюдаем, – произнес диспетчер Бузиба, – взлет коллективного антиса. Даю состав колланта. Центр связи: Гай Октавиан Тумидус. Невропаст: Лючано Борготта. Периферия: Карна Амогха, уроженец Чайтры, Эсфирь Цвергбаум, уроженка Шабата, баронесса д'Альгар, уроженка Террафимы, Н'Доли Шанвури, уроженка Китты, Лусэро Шанвури, уроженец...

Диспетчер поперхнулся. Судя по реакции, он впервые сделал подробный анализ состава колланта.

– Ну же! – подбодрил его Тумидус.

– Лусэро Шанвури, уроженец Китты. *Hivuo timi niko!*^[4] Это волновой слепок Папы Лусэро! Почему он такой маленький? Энергонасыщенность – три процента от стандартной. Нет, вот он растет. Динамика роста... *Laana!*^[5] Вы же чуть не разбились! С вами все в порядке?

– Не знаю. – Тумидус пожал плечами. – Сейчас выясним. Господин имперский наместник, со мной все в порядке?

– Все, – буркнул Флаций. – Я бы сказал, вы по уши в порядке. Конец связи.

– Конец связи, – повторил военный трибун.

Гроздь втянулась в коммуникатор, голос Бузибы умолк. Хмурясь, наместник расстегнул карман кителя, достал свой собственный уникон. Сферу вызывать не стал, просто открыл какой-то файл и приложил к экрану указательный палец правой руки.

– Это приказ. Видит бог. – Атеист Флаций ударил ребром ладони о край столешницы и повторил с нажимом: – Видит бог, я не хотел его подписывать. Теперь я передумал. Так, значит, вы собирали не *пасс-коллант*? Вы собирали *спас-коллант*?! Вы психопат, Гай. Вы натуральный психопат. Я не знаю, чего я хочу больше: быть вашим другом – или не быть вашим другом.

– Приказ? – Тумидус криво ухмыльнулся. – Приказ о моей ступенчатой аннигиляции?

– Приказ о присвоении вам очередного воинского звания. Господин консуляр-трибун, примите мои поздравления.

– Однажды я сказал, что буду сенатором и первым консулом. – Похоже, наместник ждал, что Тумидус рассыплется в благодарностях, не дождался и обиделся. Вряд ли это обеспокоило новоиспеченного консуляр-трибуна, потому что говорил Тумидус медленно, задумчиво, беседуя сам с собой: – Изменник Родины, тогда я полагал, что шучу. Сейчас я думаю иначе. Вот я опять изменник Родины, и вот опять повышение. Похоже, я все-таки стану первым консулом. Главное – изменять Родине с достаточной регулярностью.

– Станете, – кивнул Флаций. – Уверен, что станете. Надеюсь, я не доживу.

– Доживете, Тит. Не сомневайтесь.

– Вы мерзавец, Гай. – Флаций потянулся за стаканом. – Вы мерзавец и палач. Вы не просто хотите, чтобы я жил долго. Вы хотите, чтобы я жил и мучился. Эй, господин примипил! Вы что, ждете отдельного распоряжения? А ну, проявите инициативу!

Как младший по званию, Марк отправился за добавкой.

Глава шестая

Как хорошо, или Не будите спящую обезьяну

I

– Везет тебе, – с завистью протянул рядовой Янсен. – Везет, да.

И уточнил, чтобы Петерс уж точно не ошибся:

– Тебе. А мне не везет.

Янсен возился с амуницией. Петерс был занят тем же: проверить заряд батареи «Скорпиона», поставить на предохранитель. Проверить заряд аккумулятора в поясном ГСП, выставить режим готовности. Зафиксировать генератор силового поля: слева на ремне. Заряд переговорника. Связь. Камера на шлеме: заряд, картинка. Перевести камеру в режим ожидания. Подогнать портупею. «Скорпион» – в кобуру. Проверить, легко ли вынимается оружие...

Мечта мальчишек. Рутинная солдатская.

Руки все делали сами. Взгляд фиксировал зеленые огоньки индикаторов, столбики диаграмм заряда, положения переключателей, отметки на микродисплеях. Руки, взгляд... А с мыслями что делать прикажете? Мысли, мерзавки такие, роились в мозгу, подобно встревоженным осам. Отвлечься от них – или хотя бы загнать поглубже – у Петерса не получалось, как он ни старался. Отвлечешься тут, как же! Вторую неделю живешь на вулкане!

Живешь и не знаешь, когда шарахнет.

– Везет, – нудил Янсен. – В сорочке ты родился. А я, наверное, из жопы вылез. Третий раз за неделю, а? Третий раз тебя наверх ставят! Небо, солнце, свежий воздух. Курить разрешают! А меня опять на минус шестой...

– Служить лучше надо! – огрызнулся Петерс.

Янсен был дурак, и Петерса он достал. Два дня раньше Янсен достал капрала Мейера, вследствие чего получил от капрала по шее. Без членовредительства и видимых следов, но весьма чувствительно. С тех пор Янсен больше не заикался об истинной причине своей зависти к тем, кого отправляли нести караул наверх. Молчал, пыхтел, кусал губы, справедливо опасаясь повторения экзекуции. Но все и так понимали: завидует.

– Минус шестой, понял? Ну не запахло?

- Кончай бухтеть, зануда.
- Я не бухчу...
- Можно подумать, внизу курилок нет!
- Сижу в каменных кишках! Крот в норе...
- Если в кишках, то дерьмо.
- Кто?
- Крот в манто!

Придурок Янсен вбил себе в голову, будто наверху больше шансов уцелеть, если мальчишке вздумается стартовать «по-горячему». Девять, значит, этажей. Нанобетон, титанопласт, термосил...

Ну не идиот ли?!

Петерс специально в вирт лазил, интересовался. «Горячие старты» антисов – они разные бывают. Даже если средненький, все равно квартал сносит, как корова языком. От минус девятого, где пацана держат, до поверхности – метров шестьдесят. Ага, безопасно! Безопасно – это в километре, а лучше в двух. Если от антисовой горячки реактор вразнос пойдет – и десятка маловато! Ладно, наш антис – щенок, сопля. Шарахнет, значит, не на пять килотонн, а на две с половиной.

То-то порадуемся!

Пуще, чем непроходимая тупость рядового Янсена, Петерса раздражало другое: вопреки очевидному, Янсен считал дураком не себя, а его, Петерса Винкупа. По мнению Янсена, он, Петерс, в силу природной ограниченности и скудоумия не понимал, не ценил собственного форта: дежурить наверху, где вокруг тебя козлом скачет удача.

– По нарядам разобраться!

Перед лифтом капрал Мейер еще раз проверил амуницию подчиненных. Кивнул: порядок! Набрал на управляющей матрице заковыристый код, менявшийся каждые сутки. На пост номер один наряд прибыл точно, минута в минуту.

– Докладываю: за время дежурства происшествий нет!

Происшествия, фыркнул Петерс. Какие тут могут быть происшествия? Если что и случится, так внизу. И докладывать уже будет некому. А здесь что? Волки из лесу набегут? Туристы-растяпы к бункеру выбредут? Волков на Ларгитасе пойдти найди, а у туристов навигаторы, даже у последнего раздолбая.

– Пост сдал!

– Пост принял!

Террористы? Не смешите мою портупею! Террористов на Ларгитасе триста лет днем с огнем не найдешь. Инорасцев в космопортах только что

на атомы не разбирают. Малейшее подозрение – от ворот поворот, без всяких объяснений. Десант из космоса? На входе в систему засекут. Пояс орбитального контроля, спутниковая сеть над всей планетой... Даже если каким-то чудом проскочат – пока сядут, батальон спецназа будет здесь раньше, чем они приземлятся.

Круглосуточное наблюдение: со спутников и с земли.

Раньше, говорят, на объекте служба была – курорт, не бей лежачего. Бункер, лаборатории, секретность. Ставили *научразы* свои опыты, что-то хранили, исследовали. Собак небось резали. Все под контролем: композитные двери в полметра толщиной, термосиловые перекрытия. За глаза хватало, никто и не парился. Не то что сейчас...

Порядок дежурства оставался неизменным. Двое у входа. Третий обходит надземную часть бункера по периметру. Через двадцать минут – смена. Обходчик занимает пост у двери, вокруг здания идет следующий. Время бежит, земля дрожит, вот и час пролетел. Валяй, друг Петерс, иди в обход. Обшарпанная стена с дурацким граффити. Окна-фальшивки. Дорожка из нанобетона, вкрапления цветной гальки. Жухлая трава. Стайка жалких кустов: пучки прутьев, бурые листья. Вот-вот их оборвет неласковый осенний ветер. Забор из профнастила с кирпичными столбиками, как в ретрофильмах. Откатные ворота. За забором – унылое редколесье.

Безлюдье. Тишина. Звук шагов.

Стук сердца в груди.

Четыре дня до смены караульного состава на объекте. Скорей бы уж! Сил никаких нет – день за днем сидеть на ядерной бомбе. Не убежать, не защититься, не спрятаться. Он, дурак, еще радовался: ура, попал в спецроту охраны. Все из его призыва завидовали: не служба, малина! Ага, малина. Вас бы сюда, завистников. Горлом бы малина пошла...

Второй круг. Третий.

В какой-то момент почудилось: ветви деревьев за забором расплылись, задрожали, словно в знойном мареве. Петерс моргнул. Резкость вернулась: никакого марева. Надо завязывать с амидипамом, подумал он. Хотя бы дозу уменьшить! И доктор, и начальство смотрели на это дело сквозь пальцы: без легких седативов на такой службе свихнуться можно! Были прецеденты. Переборщил, рядовой? В глазах рябит? Вечером – только одну таблетку.

Одну, и все!

Заныл, налился тяжестью мочевого пузыря. Вот ведь некстати! Это ж теперь у капрала отпрашиваться, бежать в сортир, по дороге еще дважды

пропуск проверят... Не дотерплю, понял Петерс. Он воровато огляделся, хотя знал, что никто за ним не наблюдает. Ну да, кроме скрытых камер слежения. Черт с ними, с камерами! На гауптвахту его упекут, что ли? А даже и упекут – какая разница, где трястись: шарахнет, не шарахнет?

Он торопливо просеменил к забору, пристроился у кирпичного столбика, с облегчением зажурчал. Уже застегивая штаны, скользнул по забору взглядом. Рядом со столбиком листы металлопрофиля разошлись, образовав щель. Секретный объект называется! Бардак, как у цивилизов.

Доложить?

В щели вспыхнул стремительный блеск. Узкий, остро заточенный клинок пронзил шею – вошел в кадык, вышел под затылком. Нет, не взрыв, со странным облегчением успел подумать Петерс. Кто-то украл его ноги, стоять было не на чем. Петерс упал на спину, засучил ногами, которых не было. Нет, не взрыв. Не взрыв, нет. Не «горячий старт». Просто смерть. Как хорошо, это просто смерть. Больше не нужно бояться. Ничего уже не нужно бояться...

Он лежал на спине, раскинув руки. Стекленеющие глаза уставились в небо, хмурое небо осени. В глазах рядового Винкупа отражалась безмятежная голубизна лета.

II

Грязные тучи, серые тучи.

Рваным тряпьем, намотанным на швабры ветра, ползут они по низким небесам, превратив потолок в пол. Старается, трудится бригада уборщиков-невидимок. От их усилий небо не становится чище: была унылая муть, муть и осталась. К ней с жалобой тянутся голые ветви деревьев: чужих, незнакомых. Под ногами – бурая ржавчина. Это палые листья. Волглые, они не шуршат, а мягко проминаются, скрадывая шаги.

Это хорошо.

– У нас три минуты, – шепчет субедар. – Три минуты до прибытия остальных.

Йогин кивает.

Их коллант уже ушел в обратную волну. Пять секунд, чтобы высадить пассажиров, и хватит с вас. Гуру с Марвари – вдвоем. Кусты, забор. Из-за забора торчит серое здание. Все знакомо, все такое же, как на Чайтре. Одна разница: вместо жаркого лета – зябкая осень. Кусты топорщатся редкими безлистыми метлами. За такими не спрячешься.

Время.

На Чайтре они сто раз отрабатывали посадку: скрытность, максимальная близость к объекту. Без спецэффектов, шутит субедар. Взлет и приземление проходят тихо, незаметно. Никаких огненных змей, светящихся фигур: если это и возникает, то лишь *под шелухой*, и занимает ничтожные доли секунды. Для стороннего наблюдателя люди бесшумно возникают из ниоткуда – и исчезают в никуда.

Рябь воздуха – не в счет.

Во время тренировок обнаружился любопытный – и, как выяснилось, очень полезный – побочный эффект. Уход колланта в волну приводил к сбоям аппаратуры слежения в радиусе ста метров. Двадцать, двадцать пять секунд: помехи, скачки изображения, «снег». Ничего экстраординарного, помехи случаются и без всяких коллантов.

Эффект дает гуру крохотную фору, которой грех не воспользоваться.

Горакша-натх опускается на влажную подстилку из гниющих листьев. Не принимает асану, а просто садится. Сосредотачивается, выравнивает и успокаивает дыхание; расширяет ауру до максимума.

Максимум не обязателен. Максимум утомителен. Но гуру не хочет рисковать.

Генерал Бхимасена, субедар-майор Марвари, бойцы спецгруппы – все, кто не принадлежит к ордену натхов, уверены: расширяя ауру, воздействуя на технику и энергопотоки, питающие ее, йогин действует, говоря образно, снаружи внутрь. Захватывает периферию, ближайшие устройства – и движется дальше, пока не доберется до источника энергии и управляющих компьютеров.

Они заблуждаются.

Все происходит в точности наоборот. Не обращая внимания на камеры и датчики, электронные замки, волноводы и провода, густой сетью опутавшие бункер, Горакша-натх проникает дальше и дальше. Нет, не проникает: окутывает собой, как облаком, сливается, пропитывает аурой искусственную плоть бункера. Руки, ноги, глаза, уши. Кровеносная и нервная системы. Печень, селезенка, легкие...

Йогин ищет сердце.

Глубже, еще глубже. Скоро предел: возможности гуру не безграничны. Мощный пульс чужой, технологической псевдожизни вливается в ауру. Работай здешние устройства на природной энергии брамайнов – было бы легче. Импульсы электричества, толчки горячей плазменной крови стучат в висках. Гуру – распределительный энергоузел. Жаль, до реактора не достать: слишком глубоко. Сердце наше, теперь черед мозга. Ага, есть.

Гуру – компьютерный центр управления бункером. Гуру – пост наблюдения и контроля. Единое целое, невиданное существо, феномен, наладчик высшей квалификации. Камеры, датчики, замки, сервоприводы – органы и рецепторы йогина. Реактор? Реактор по-прежнему недоступен. И что? Реактор – всего лишь источник пищи.

Поток этой пищи гуру контролирует полностью.

До восстановления работы камер остается четыре с половиной секунды. Горакша-натх погружается *под шелуху*. Времени полным-полно, хоть купайся в нем, во времени, хоть жги его в костре. Четыре с половиной секунды – это очень много, когда все процессы в твоей ауре протекают со скоростью прохождения электрических и радиоимпульсов в компьютерах, силовых кабелях и линиях связи. Монстр по имени Вьяса Горакша-натх залег под землей, раскинул щупальца, выставил на поверхность глаза-объективы, укрепленные, как у улиток, на рожках штативов. Эти глаза видят все, что происходит вокруг, но на контрольные сферы поступает совсем другая картинка. В сферах нет ни гуру, ни субедара Марвари. И солдат-ларгитасец шагает по обычному, истоптанному вдоль и поперек маршруту. Он не подходит к забору, желая помочиться, не останавливается возле дыры, проделанной субедаром.

Камеры работают в штатном режиме.

Камеры лгут.

Под шелухой ларгитасец выглядит призраком. Солдат – техноложец, не энергет, во вторичной реальности его как бы нет. Вернее, его нет для йогина. Есть лишь высокотехнологичная амуниция, в которой текут потоки энергии. Зыбкая, едва различимая фигура. Глаз циклопа горит зловещим огоньком – нашлемная камера. От глаза отходит пучок светящихся нервов. Провода ритмично пульсируют, передавая информацию с камеры. Золотистый очаг возбуждения – работающий аккумулятор. Гуру легко может опустошить его, но не делает этого. Гаджеты ларгитасца – тоже часть ауры йогина. Если на солдата Горакша-натх повлиять не может, то амуниция ему полностью послушна, как послушны человеку его пальцы или голосовые связки.

О да, камеры лгут.

Еще один нервный узел. Очаг возбуждения: переговорное устройство. Дремлет на поясе ваджра, в которой спят молнии, – лучевик. Мерцает печень – генератор защитного поля в состоянии готовности.

Ларгитасец умирает быстро и чисто.

Кинжал субедара Марвари – воина в золоченых латах – пронзает шею призрака. Солдат падает, на миг обретая плоть. Всплеск энергии, краткий и

острый, иглой прошивает ауру йогины – и уносится прочь быстрее светового луча. Эту вспышку Горакша-натх ощущает всем существом. Эмоции здесь ни при чем. Милосердие, жалость, сопереживание – чепуха. Гуру бесстрастен, как и подобает йогину. Вспышка чувствуется на уровне энергетического, для брамайны – физиологического восприятия. Еще никто и никогда не умирал внутри ауры Горакша-натха. Болезненное ощущение. Важный опыт. Смертная мука, чужая, как своя. Страдание – это польза. Страдание – энергия. В другой ситуации Горакша-натх мог бы точно сказать, насколько страдание, которое причинила ему смерть солдата, увеличило личный энергоресурс гуру. Сейчас ему не до пустяков: йогин сосредоточен на другом.

Краем сознания он отмечает: приземлился второй пассажирский коллант. Третий. Четвертый...

Управлять обычным, данным при рождении телом трудно. Тело снаружи, а йогин внутри, в галлюцинаторном комплексе. Сил едва хватает, чтобы указать рукой на ворота: вперед! Исчезновения коллантов, возвращающихся в волну, Горакша-натх уже не замечает. На лбу его выступает пот. Йогину приходится нелегко, куда сложнее, чем в тренировочном бункере на Чайтре. Генерал Бхимасена, ты был прав: мы не сумели воспроизвести все системы, какими оснащен бункер на Ларгитасе.

– *Aum dzhaya dzhaya shri shivaya svaha...*

Страх исчезает.

Ворота разъезжаются в стороны. Бункер-йогин гостеприимно распаивает уста, принимая в себя священную пищу, молоко и мед: семерку *марутов*, божественных воинов – бурю и гром, воинственных сыновей Благого Рудры, обликом подобных субедару Марвары. Сам субедар уже внутри – расширив дыру в заборе, он проник за периметр и добрался до угла здания. В тот момент, когда ворота открываются, ваджра в руке Марвары исторгает яркие молнии, поражая стражу у входа. Две смертельные вспышки, две жгучие иглы вонзаются в гуру и исчезают в небытии. Призраки обретают плоть, чтобы исчезнуть навсегда, истаять туманом под лучами солнца. Лишь искусственные органы-гаджеты продолжают работать, словно в них еще теплится жизнь, покинувшая людей.

Маруты вооружаются золотыми луками – трофейными лучевиками. Воины готовы нырнуть в пасть монстра и дальше – в глотку, в утробу, на круги девятого ада. Гуру открывает им путь. Призраки опаздывают: они не ждут нападения, уверенные, что снаружи царит покой. Росчерки молний убеждают их в обратном.

Один *марут* ранен. К счастью, легко.

Впереди – спуск в лабиринты подземной гробницы. Впереди секреты и сокровища, среди которых главное – юный пленник-*велет*. Чужая злая воля наделила гробницу опасной силой, начинила ловушками и преградами, выставила караулы. Да, думает Горакша-натх. Пожалуй, я могу погасить ваджры ближайших стражей, опустошить аккумуляторы их оружия. Я уже проделывал подобное на Чайтре. Дозволено ли мне ослабить контроль за периферийными устройствами?

Как же их много!

Незримый рот припадает к лучевикам ларгитасцев. Пьет, втягивает, опустошает стакан за стаканом. Распределяет огненное молоко по тысячам тонких каналов. И гуру понимает, что совершил ошибку.

III

– Заперто, – с детским удивлением сказал Тиран.

Минутой раньше он ломился в дверь. Двумя минутами раньше – тоже. Вот уже пять, нет, шесть полновесных минут адъютант-генерал Бреслау пытался выйти из кабинета. Дергал ручку, бил плечом. Толкал так и эдак. Пинал створки ногами. Устраивал бурные и продолжительные аплодисменты, хлопая ладонью по папиллярному идентификатору. Набирал на коммуникаторе сложные коды. Разбил коммуникатор об пол, выяснив, что аккумулятор внезапно сдох, а связи нет, даже экстренной. Сплясал на обломках зажигательный танец.

Все, методы исчерпались.

– Вы видите? Заперто.

Линда не ответила. Она сидела на кушетке с вязанием, плотно сдвинув колени: добрая бабушка, сдобная булочка. Спицы двигались с мерной неторопливостью. Было в их движении что-то гипнотическое. Лицо комиссара Рюйсдал осунулось, щеки налились восковой бледностью. Взгляд, если так можно выразиться, провалился сам в себя. Мало кто из детишек захотел бы сейчас к Линде на колени.

Тиран почувствовал себя в одной банке со скорпионом. Нет, иначе: в одной банке со Скорпионом. Бывают и такие Скорпионы: в кофте, со смешной гулькой на затылке.

– Ваша работа, комиссар? Меня отстранили, да?

Линда дернула щекой.

– Меня отстранили и заперли. Во избежание? Полковник Госсенс уже

принял дела? Меня заперли, а вас оставили рядом, чтобы я не натворил глупостей. Сейчас подъедет спецбригада, меня, как носителя государственных тайн, изолируют от сякконских телепатов. А заодно и от всего мира...

– Прекратите истерику.

Губы женщины шевельнулись, но лицо осталось прежним, высеченным из пористого камня. Мимика не соответствовала речи, мимика отсутствовала вообще как класс, и Тиран испугался. Страх был иррационален. Тиран словно увидел говорящую куклу, доставшую из-за спины опасную бритву.

– Я не прав?

– Замолчите. У нас гости.

– Скорпион?

– Не мелите чушь. Скорпиона я бы опознала.

– Спецбригада? За мной?

– Брамайны. За мальчиком.

– Шутите?

Тиран рассмеялся:

– Любой корабль был бы замечен еще на подлете к Ларгитасу. Замечен и задержан.

– У нас гости, – повторили губы Линды.

Под глазом Т-телохранителя забилась синяя жилка. Если это был пульс, то с таким пульсом везут в реанимацию. Казалось, тонкая кожица вот-вот лопнет и по лицу комиссара Рюйсдал потекут кровавые слезы.

– На верхних этажах идет бой. Я слышу эмоциональный всплеск.

– Что вы слышите?!

– Там убивают и умирают. Это болезненно, а вы меня отвлекаете. С вашими дурацкими кораблями разберетесь потом. У нас гости, их надо встретить.

Тиран кинулся к столу. В контрольных сферах тянулись пустые бесконечные коридоры. Минус девятый, минус восьмой, минус первый. Стоп-кадр из архивного хранилища, ничего общего с реальностью, какой бы та ни была.

Сферы мигнули и погасли.

– Энергия, – пробормотал Тиран. – Кабинет обесточен. Не полностью, выборочно. Говорите, брамайны? Проклятые энергеты, как вы это сделали...

На подмогу можно не рассчитывать, понял он. Вызов не пройдет.

– Антисы, – вдруг сказала Линда. – Их привезли антисы.

– Вы шутите? – повторил Тиран.

Открыв сейф, он достал лучевик армейской модели и наплечную кобуру. Давненько Яну Бреслау не приходилось держать в руках оружие. Каждый раз напоминал себе, что надо бы сходить в тир, и всегда находились более важные дела. Будет тебе тир, старый дурак...

– Антисы. Нет, коллективные антисы. Они прилетели в составе коллантов. Я улавливаю чувственные образы.

– Сколько их?

– Не знаю. Трудно определить.

– Спецназ коллантариев? Великий Космос, я обязан был предусмотреть...

Губы Линды сложились в усмешку. Тирана озноб пробрал от этой усмешки.

– Антисы. – В устах комиссара это звучало как ругательство. – Мы с вами ничего не знаем про антисов. Урожденных, коллективных, в крапинку, в полоску. Ну, почти ничего. Мы бредем наугад. Как вы могли учесть то, о чем понятия не имеете? У Ларгитаса нет своих антисов, для вас они – слепое пятно.

Тирану захотелось ударить женщину. Ударить сильно, наотмашь, потому что Линда была права. Сдержать порыв стоило ему большого труда.

– Брамайны, – прохрипел он. – Как насчет брамайнов? Они что, знают все?!

– Нет, не все. Брамайны ничего не знают про нас, менталов.

– Вот счастье-то!

– Своих менталов у них нет. – Комиссар пропустила его сарказм мимо ушей. – Для брамайнов мы – смешные мозгоправы. Лекаришки в уютных кабинетах, режиссеры арт-транса, разгребатели неврозов. Это хорошо, это просто замечательно.

– Что тут хорошего?

– Хватит болтать. Если я не отвечаю вам – ничего личного, работаю. Уверена, кавалер Сандерсон тоже не заставит себя долго ждать...

– Сандерсон? Вы его слышите?!

Линда не ответила.

– Сандерсон! Передайте ему, пусть защищает ребенка!

Она *под шелухой*, понял Тиран. Она уже там, *под шелухой*, ей не до меня. «Лекаришки, режиссеры, разгребатели...» Менталы Ларгитаса ловили Натху, рискуя собой. И вот опять: менталы Ларгитаса принимают бой. А я сижу с лучевиком в запертом кабинете, руки мои дрожат, и пользы от Яна Бреслау – плюнуть и растереть.

– Держите дверь под прицелом, – вдруг произнесла Линда. – Они могут ворваться в любой момент. Если они захотят, дверь откроется.

И снова замолчала.

Комок подступил к горлу. С убийственной остротой Тиран позавидовал женщине. Он бы отдал правую руку, лишь бы узнать, что видит Линда Рюйсдал в галлюцинаторном комплексе, на изнанке бытия. Стрелять, в конце концов, он может одной левой. Так, как он стреляет, можно это делать вообще без рук.

IV

Вой сирены.

Катится, катится по коридорам. Наполняет до отказа, хлещет через край. Мигают сполохи алармов. Мигают, гаснут. Смолкает вой. Поздно. Тревога поднята. Охрана в курсе. Все, не застать врасплох. Гуру-махараджа, где ты отвлекся? Что проморгал?!

Ладно.

Конец скрытности. Теперь ставка на скорость.

Гони, конек-горбунок!^[6]

В конце коридора – лифт. Нет, риск слишком велик. На выходе будут ждать. Нет, не будут. Заблокируют кабину между этажами. Лестница надежнее. Вот она, лестница.

Туда. Бегом.

– За мной!

Двое рвут вперед, обгоняют. Разворот, взмах рукой: чисто! Третью пути. Половина пути. Вспыхивает табло лифта. Звякает сигнал.

– Рассыпаться!

Группа рассыпается прежде, чем разъезжаются двери. Выступ стены, укрытие. Присесть, взять лифт на прицел. Готовность открыть огонь.

Пустая кабина. В лифте никого.

Ловушка? Отвлекающий маневр?

Оглянись, конек!

Обходят с тыла? Вроде нет. Там все зачищено. Секунда, другая. Шелест сервоприводов. Двери сходятся наполовину. Расходятся. Сходятся. Расходятся. Приглашение? Чье? Неужели...

Время. Время уходит.

Ловушка?

Индикатор на табло. Зеленый. Мигает. Три короткие вспышки:

«Внимание!» Две короткие: «Ты и я». Одна длинная: «За мной!» Сигналы, отработанные на Чайтре.

– За мной!

Спасибо, гуру-махараджа.

Конец скрытности. Теперь ставка на скорость.

Бойцы бегут. Вливаются в лифт. Острая ледышка колет в затылок. Опасность! Кач вправо, влево, разворот. Лучевик, прицел, выстрел. Поздно. Кто? Замыкающий, сержант Шеной. Лежит, сучит ногами. Луч прошел навывлет. В груди черное отверстие. Дымится.

Ларгитасец. Дырка в животе. Дымится.

Он проводит тебя, сержант.

Двери лифта закрываются. В щель видно: Шеной вспыхивает. Пламя белое, бездымное. Полторы секунды. Тело сгорает дотла. Уже не видно. Двери закрылись.

Минус один.

Кнопки? Сенсоры? Нет. Управляющая матрица? Нужно знать код. Дрожь пола. Кабина идет вниз. Гуру-махараджа, ты на высоте. Мы внизу, а ты на высоте.

Закреть глаза. Нет, нельзя. Закроешь, а Шеной горит.

Лучше так.

Запах мужского пота. Климат-контроль против адреналина в крови. Победа за адреналином. Чистая победа, не придерешься. Успокойся, конек. Остановка. Лифт стоит. Сигнал отсутствует. Двери закрыты. На табло цифра: «-8».

Гуру-махараджа? Ты знаешь, где держат Натху?!

Вряд ли. Просто лифт ниже не идет. Сами, дальше сами. Открываются двери. Заряд лучевика: осталось больше половины. Хватит. Стволы глядят в коридор. Ищут цели. Буква «Т»: перекресток. Планировка та же, что и на верхних уровнях. Двое направо. Двое налево. Двое со мной – прямо. Встреча – на дальнем конце уровня.

Вторая лестница. Она должна там быть.

– Проверка всех помещений! Бегом!

Двери распахиваются без принуждения. Одна за другой, по очереди. Гуру прокладывает путь. Трудно привыкнуть. Всякий раз кажется: навстречу повалят вооруженные ларги.

Кабинет. Никого.

Кабинет. Никого.

Кабинет. Никого.

Дальше, дальше...

Медцентр? Комнаты obsługi? Дежурка? Ничего. Никого. Успели, вывели. Нет, не вывели. Не успели бы. Значит, Натху не здесь. Идем ниже. Закончим проверку и пойдем.

Девять – число Чайтры. Девять – число храбрецов. Число экстремистов. Девятка – трагическая смерть. Свобода. Гибель от ран. Натху

на минус девятом, я уверен. Нумерология – бред, шарлатанство. И все равно я уверен.

Скачи, конек!

Лейтенант Банерджи. Перед лейтенантом распахивается очередная дверь. Тень на полу. Отблеск на гладком пластике стены. Впереди, за углом. Банерджи не видит: занят тем, что в комнате. Вскидывает лучевик. Дверной проем озарен выстрелами. Стреляет Банерджи, стреляют из комнаты.

Лейтенант падает на спину. Продолжает стрелять.

Прыжок с разгона. Через Банерджи. Удар плечом захлопывает дверь. Конек не скачет. Конек-горбунок катится по полу. За углом – ларги. Двое. Стрельба из положения лежа. Мерцание, вспышки разлетающихся искр. Силовое поле! Прочь, прочь, в сторону. Круговерть: стены, пол, потолок. Горит пластик. Кто был там, где сейчас пожар? Кто был, того уже нет. Палец находит переключатель.

Режим непрерывного огня.

Двигаться. Двигаться! Быстрее. Во весь опор! Вправо. Влево. Движение – жизнь. Движение – смерть. Выжать спуск до упора. Долго силовая защита не выдержит.

Искрящие коконы лопаются.

Ларги падают. Лежат. Дымятся. Смерд паленой плоти. Взгляд в дальний конец коридора. Чисто. Заряд лучевика. Осталось два выстрела. «Мадхава» ложится в кобуру. Оружие ларги. Подобрать. Проверить заряд. Две трети. Порядок.

Назад.

Банерджи на ногах. Прижался спиной к стене. Плечо обожжено. Палец приложен к губам. Жест: внутри остался один. Натху? Лейтенант мотает головой. Нет, не Натху.

Ладно.

В двери – отверстия. Девять обожженных, оплавленных дыр. Число свободы и смерти. Дыр становится десять. Одиннадцать. Дюжина. Луч вонзается в стенную панель. Ларги палит без перерыва. У него там что, склад аккумуляторов?

Время дорого. Движение – жизнь.

Где капрал Сингхал?

Капрал на позиции, дальше по коридору. Капрал держит тыл.

– Уходим!

Капрал встает. Капрал повинуется приказу. В конце коридора – люди. Трое солдат-ларги. Капрал ловит на мушку крайнего. Капрал стреляет. Нет, капрал медлит.

Почему он медлит?!

Капрал Сингхал безвольно роняет руки. Они висят вдоль туловища, как чужие. Капрал стоит, покачиваясь, в полный рост. Стоит посреди коридора.

Перекрывает линию огня.

V

– Не ходи за мной!

Мгновенным усилием, резким, как удар хлыста, Гюнтер разорвал контакт с сыном. Он боялся, что Натху воспримет это как обиду или того хуже – как наказание, причем незаслуженное. Но выбора Гюнтеру не оставили: в бункере шел бой. Агрессия вставала девятым валом, хлестала наотмашь, угроза приближалась с каждой секундой. Я сошел с ума, подумал Гюнтер. Я что, рвусь на передовую?! Если Натху сохранит со мной ментальную связь, когда я нырну *под шелуху*, мальчик опять решит, что отец приглашает его ко взлету. Последствия такой ошибки страшно даже представить! Хорошо, допустим, Натху не взлетит. Взлет для него – негатив, чистейший, незамутненный негатив. Есть надежда, что парень удержится от старта. Но он увидит, что его драгоценный папаша делает с людьми, напавшими на бункер, и не просто увидит – прочувствует в полном объеме. Это вам не сцена зачатия, тут ребенок с ума сойдет от страха! Поди объясни ему: тебя, дружок, спасаю, а значит, все дозволено, отвернись к стеночке, закрой глазки, заткни уши...

– Сиди здесь! Ничего не делай!

И с опозданием, потому что с этого следовало начать:

– Ничего не бойся! Понял?

Понял, откликнулся Натху. Не боюсь.

Под шелухой царил бардак. Обычно, погружаясь в пучины галлюцинаторного комплекса, Гюнтер фактически оставался там, где был, и четко осознавал это. Врачи-телепаты, прошедшие обучение на Сякко, умели выстраивать себе операционную или персональный кабинет терапии, оборудуя доступный им сегмент вторичного эффекта Вейса по собственному вкусу. Кавалер Сандерсон не обладал таким изощренным мастерством. Зато он прекрасно умел абстрагироваться от видений пациента, что бы пациенту ни мерещилось с изнанки его больной психики. Водопады, пещеры, прихожая с зонтиками, камера пыток, дно моря – детали обстановки Гюнтер отсекал, переводил в разряд несущественных,

работая напрямую с человеком, где бы тот себя ни представлял.

Сейчас все вышло иначе.

Дудочник в пестром кафтане, каким выглядел Гюнтер в царстве вторичного эффекта Вейса, обнаружил себя в жутковатого вида подземельях, смахивающих на гробницу из третьесортного фильма ужасов. Коридор, куда он выскочил сломя голову, как чертик из архаичной табакерки, – точнее, направил поисковое усилие мозга, пытаясь кратчайшим путем выбраться к очагу агрессии, – мог вызвать оторопь у не слишком искушенного зрителя. По стенам, сложенным из грубо отесанных глыб, текли струйки воды. Лавируя между холодными ручейками, слизи оставляли на камнях блестящие следы. Вода и слизь формировали сюрреалистический орнамент, от которого темнело в глазах, а в животе ворочался колючий еж. Освещения не было, лишь в углах мерцали зеленоватые гнилушки, а может, насекомые.

Точно, насекомые – Гюнтер различил трепет крылышек.

Наслоение, понял он. Гробница, слизи, глыбы – продукт влияния чьей-то мощной ауры, пронизавшей бункер сверху донизу, подобно метастазам злокачественной опухоли. Да, ауры, не разума, – окажись создатель иллюзорной гробницы телепатом, Гюнтер мигом бы отследил формирующие послы чужого рассудка. На четвертом курсе мединститута, за год до выпуска, кавалер Сандерсон посещал факультатив, где менталов учили работать с энергетиками. Учитывая презрение и брезгливость, чувства, которые испытывали ларгитасцы в отношении «грязных эников», студентам разрешалось посещать факультатив добровольно, вне общего расписания лекций. Зачетов по контактам с энергетиками они не сдавали. Входя в соприкосновение с сознанием гематра или вехдена (брамайны исключались отдельным распоряжением спецотдела ректората!), чей энергоресурс был особо мощным, а способность им управлять – особо развитой, Гюнтер не раз видел, как в моменты активного проявления способностей, дарованных эволюцией, энергет вдребезги перерабатывает интерьер вторичного эффекта.

Потолок треснул. На Гюнтера хлынул кипяток. Стоило труда не выскочить из-под обжигающего душа чужих эмоций. Нервное возбуждение, ярость (*чья?*), ненависть (*кто-то из наших?!*), страх смерти, страх опоздать, страх не найти (*будьте вы прокляты!*), упорство, граничащее с фанатизмом...

Дудочка взлетела к губам.

Пестрый кафтан стал пестрей вдесятеро. Душ пошел на пользу: сахар в чае, Гюнтер растворился в кипятке. Вопреки законам физики, он взмыл

вверх, к трещине в потолке, и дальше, выше, сквозь инертный камень, в направляющем потоке эмоций, словно в обратной съемке, чтобы вновь кристаллизироваться, восстановить исходный облик там, где кипели страсти.

Вот и ты, террорист. Пришел за моим сыном?

Воин в золоченом доспехе поднял странный предмет, похожий на две рачьих клешни, соединенные общей рукоятью. С клешней срывались колющие искры: должно быть, так в галлюцинаторном комплексе выглядел лучевик. Разумеется, брамайн не собирался стрелять в кавалера Сандерсона. Он и знать-то не знал о присутствии какого-то подозрительного кавалера Сандерсона! Брамайн поднял оружие, целясь в реального солдата, защитника бункера, – и уронил руки, как плети, когда Гюнтер с разгону шарахнул по нему дубиной жесточайшей депрессии. Депрессия была первым, что подвернулось Гюнтеру в оружейной комнате его памяти. Атипичная, она бурлила от противоречивых компонентов: эмоциональной реактивности, повышенной сонливости и побочного эффекта – тяжести в конечностях.

Часть депрессии, несмотря на все старания молодого человека, рассеялась, ушла мимо цели – в ауру, чьи нити, подобно ядовитой грибнице, прошили всю энергетику бункера. Прошивка оказалась настолько плотной, настолько влиятельной, что ментальная атака – тоже энергия, если задуматься, – не смогла полностью избежать ее сетей. Краем сознания Гюнтер отметил незапланированный расход – и порадовался тому, что сыпанул депры не жалея, так, что хватило бы на троих.

Не тратя времени на добивание, он повернулся ко второму террористу и увидел жабу. Нет, не жабу – Линду. В чем мать родила, комиссар Рюйсдал сидела на корточках, припав на локти и высоко вскинув голову. Эротического в позе женщины было меньше чем ничего. Кто другой, приняв такое положение, уже свернул бы себе шею или подхватил защемление поясничного нерва. Гюнтеру вспомнились кошмарные позы Натху, на первых порах вызывавшие у зрителей неподдельный ужас. Весь жир, а на Линде скопилась чертова уйма жира, *под шелухой* превратился в мышцы, чудовищные мускулы атлета, вздутые от переполнявшей их силы.

Жаба плюнула языком – вязаной шалью с грузиками на концах. Развернувшись в воздухе, шаль накрыла террориста, сбила с ног, спеленала тугим коконом. Двигательные центры гостя оказались в распоряжении комиссарши: сперва нейронные цепи спинного мозга, обеспечивающие спинальные рефлексy, а там и высшие, регулирующие мышечный тонус и координацию движений. Превратив врага в грудy бесполезной плоти, в

медузу, высыхающую на солнцепеке, Линда подмигнула Гюнтеру выпученным глазом, хихикнула – и в головокружительном прыжке развернулась к следующему противнику.

Пальцы женщины сновали быстрее вязальных спиц. В них уже формировалась новая шаль. Жаба ничем не напоминала паучиху, но Гюнтер видел сходство. Его учили видеть такие вещи. Его очень хорошо учили. Ментальное убийство, даже если ты лишил жизни одного-единственного человека, катастрофически истощает самого телепата. Когда ты связан с мозгом, который умерщвляешь, рикошет лупит без пощады. Убей Линда своего террориста, убей Гюнтер своего – оба слегли бы пластом, позволив остальным налетчикам стрелять без помех.

Нет, дудки. Дудочки!

Обездвиживать, давить, шокировать, превращать в покорные мишени, а убийство мы оставим тем, кто это делает без последствий для себя, – солдатам.

Гюнтер подумал, что несправедлив к солдатам, и уничтожил эту мысль в зародыше. Нашел время для этических копаний! Только что на его глазах шаровая молния – выстрел из лучевика? – сожгла террориста, пораженного депрессией. Вторая молния сожгла жертву комиссара Рюйсдал. Третья молния...

Третьей молнии не было. Просто на полу вздулся глянцевый волдырь, вздулся и лопнул.

VI

Ошибка, думает Горакша-натх.

Его накрывает осознание беды. Так путника, бредущего на холодном ветру, накрывает мокрый до нитки плащ. Мозг коченеет от депрессии, йогин едва не теряет контакт с энергосистемой бункера. Душа обрывается, словно лифт, чьи тросы лопнули, – в ад, обитель демонов, царство Антаки Губителя с веревочной петлей в руке.

Река течет в сердце гуру. Река, горькая, как желчь.

Нарушение самоконтроля? Система внутренней тревоги, которую он проглядел, будучи занят аккумуляторами лучевиков? Автономный источник питания? Ларгитасец, успевший включить тревогу? Нет, вздрагивает Горакша-натх. Это все следствия, не причины. Иллюзия тварного мира, затуманившая мой разум. Я совершил ошибку гораздо раньше. Дни, месяцы, годы назад. Я отринул истинную дхарму ордена натхов. Дхарма –

не путь, дхарма – выбор пути, и я выбрал дорогу мошенника и шарлатана. Ничтожество, ты пошел на поводу у низменных страстей! Раздавать серьги недостойным? Манипулировать глупцами? Гордецами? Плести интриги? Купаться в отхожей яме политики? Отправлять людей на смерть? Участвовать в сражениях – сколь бы благородна ни была цель битвы?

Река течет в сердце гуру. Река, ядовитая, как желчь.

Двенадцать секунд *под шелухой* – вечность. Горя в пламени, которое сам и разжег, Горакша-натх (*какой я теперь натх?!*) ест себя поедом. Выносит приговор: девяносто девять рождений трупным червем. Очистишь ли карму меньшим наказанием? Бросается из крайности в крайность: нынешнее самоуничтожение под стать недавней гордыне. Заново переживает смерть за смертью: солдаты-ларги, воины-маруты из отряда субедара. Недаром второе имя Антаки, адского князя, – Яма, то есть Близнец! Это смерти-близнецы: их не различить, кто бы ни умирал. Вспышка, игла, ожог, исчезновение. Энергет или техноложец, брамаин или ларгитасец – в смерти ни для кого нет различий.

Йогин дрожит. Йогин плачет.

Назад дороги нет. Возвращаться поздно. Сворачивать некуда. Край пропасти? Падай. Сбился с пути? Иди до конца. Бреди. Ползи. А что тебе остается, червь?

– Om·kār ādināthāya namah. ...

Сознание очищается. Мокрый плащ слетает с плеч, солнце согревает озябший разум. Гуру не знает, где прячут Натху: в малом теле аура мальчика ничем не выделяется. Остается надеяться, что юный *велет* где-то рядом. Надеяться, потому что в подземелье кипит битва и людям Марварии приходится туго. Ларгитасцы утратили облик призраков. Солдат с ног до головы покрывают бинты, мерцающие гниlostным светом, – силовое поле. Бинты превращают солдат в мумии, восставшие из саркофагов. Раскручивая пращи, мумии мечут камни в ореоле белого пламени – шаровые молнии. В числе защитников бункера – демон женского пола, могучая *ракшаси* в облике жабы, и факир в пестрой одежде, с дудкой в руках. Заклинатель змей, предполагает гуру. Один вид факира вызывает у йогина содрогание, память о мокром плаще. Дудка исторгает острые диссонансы. Ее звуки болезненной резью отдаются у гуру в мозгу. Хочется сесть и закачаться, подобно кобре, вынырнувшей из корзины.

Нет, не факир. Телепат Ларгитаса, будь он проклят.

Как и жаба.

– Om·kār ādināthāya namah. ...

Горакша-натх торопливо шарит вокруг, напрягая ауру до предела.

Факир – иллюзия. Жаба – иллюзия. Разумы телепатов, как их видно *под шелухой*. Разумы здесь, в пылу битвы. Где тела? Враги мои, где ваши физические тела?! Факир далеко, кажется, этажом ниже. Ракшаси? Жаба близко, она рядом, рукой подать. Ага, за дверью. Мгновенным усилием йогин снимает блокировку с двери, распахивает ее мощным толчком автоматики. Умница Марвари начеку – он оборачивается, смотрит на дверной проем, поднимает убийственную ваджру.

Лик Агни пылает на доспехе субедара.

Рядом с Марвари вспухает болотный пузырь. Лопается, исторгает из себя обезьяну. Ловкая, быстрая, с собачьей головой, обезьяна скалит острые клыки. Прыжок, и зверь повисает на плечах Марвари, словно голодный самец-бабуин на детеныше антилопы. Металл наплечников лопается под напором хищных челюстей. Хлещет кровь, кипящая от чувств, мыслей, переживаний, но наземь падают разве что редкие капли.

Обезьяна пьет, давится, глотает.

Asra-pa^[7], беззвучно кричит гурзу. *Asra-pa!* Аура йогина содрогается, тонкие каналы забиваются грязью ужаса и дурных помыслов. Глупец, хрипит кто-то в самое ухо. Наивный глупец! Ты полагал, что отринул страсти? Что останешься равнодушным даже при виде осквернения храма? Может, и так. Но справишься ли ты с этим: аватара Марути Озорника в облике демона-кровопийцы?!

Течет река, грязная, как кощунство. Кто тонет в этой реке?

Я, отвечает Горакша-натх.

VII

– Натху!

Гюнтер обомлел.

– Натху, стой! Назад!

Мальчик не слышал. Не слушал. Не слушался.

– Вернись в детскую!

Гюнтер кричал, из последних сил напрягая рассудок. Будь он в физическом теле, сорвал бы связки. Окаменела Линда, уставясь на обезьяну-кровопийцу. Комиссар Рюйсдал спокойно приняла бы появление Натху *под шелухой*, случись это в открытом космосе. Все антисы в большом теле, уходя в волну, частично погружаются в галлюцинаторный комплекс, в этом нет ничего экстраординарного. Но вторичный эффект Вейса застиг ребенка в малом теле, на Ларгитасе. О чем это говорило комиссарше,

менталу высшей квалификации, высокопоставленной сотруднице Т-безопасности?

О том, что Гюнтер знал и раньше, знал и скрывал.

– Натху! Вон отсюда!

Понял, вопил Натху во всю глотку, верней, во всю мощь своего разума. Понял! Не боюсь! Похоже, его зациклило на этих словах – последних, какие слышал от сына Гюнтер, прежде чем ввязаться в свалку.

Пройди малыш обучение, которым могли похвастаться кавалер Сандерсон и комиссар Рюйсдал, он нашел бы сотню иных способов совладать с брамайном. К несчастью, учился Натху не в специнтернате «Лебедь», у опытейших преподавателей, а в открытом космосе, у стаи хищных флуктуаций, и действовал он, как волновой хищник, застигший лакомую добычу врасплох. Рихард Шпрее, капитан несчастной «Вероники», подтвердил бы, что это правда, останься в капитане хоть капля здравого смысла, чтобы подтвердить что-нибудь. Угодив в когти маленького обжоры, брамайн истекал всем, что чувствовал, испытывал, переживал, от ярости до любви к Родине. Вряд ли сейчас он был способен к боевым действиям. Любой волевой посыл без промедления выхлестывал наружу, превращаясь в пищу, удваивавшую силы агрессора.

Гюнтер уже готов был кинуться вперед, ухватить сына за шкуру, оторвать от жертвы, но вовремя вспомнил, что бывает, когда старший, более опытный ментал силой разрывает контакт пси-донора и реципиента. Учитывая специфику Натху, последствия грозили двоим, слившимся в одно, обширным кровоизлиянием в мозг.

– Прекрати!

Кабинет Тирана, вспомнил Гюнтер. Ну да, конечно. Дверь открылась в кабинет Тирана, я уже бывал тут, ошибка исключена. Линда там; вернее, Линда здесь. В кабинете находится ее тело: обмякшее, не способное к сопротивлению. Комиссар Рюйсдал, вы должны моему сыну – опоздай он на жалкую долю секунды, и брамайн пристрелил бы вас без сожаления.

– Бреслау!

Гюнтер надеялся, что Тиран тоже в кабинете. Что он услышит вопль, транслируемый ему кавалером Сандерсоном, услышит и подчинится.

– Бреслау, не высовывайтесь! Спрячьте комиссара!

На миг Гюнтер почуял Тирана. Их разумы соприкоснулись: возбуждение, нервный тремор рук, кипение адреналина в крови.

– Нет!

Тело медленней рассудка. Гюнтер уже знал, что сейчас сделает Ян Бреслау, и кричал, кричал, кричал, вместо того чтобы перехватить

управление двигательными центрами Тирана. Запреты, культивируемые всю сознательную жизнь, намертво въелись в мозг – то, что кавалер Сандерсон без колебаний делал с врагами, он не сумел сделать с человеком, к которому не испытывал вражды, а потом стало поздно.

Тиран выстрелил.

Доспех брамайна лопнул, вспух крохотным ядерным грибом, и смерть хлынула в рот Натху.

Контрапункт

Что дальше, или Все дерьмо мира

Я легко могу представить себе семинар «Учись радоваться!». Но я знаю крайне мало людей, способных там преподавать. Зато учителей ненависти и вражды, язвительности и ядовитости – хоть отбавляй.

С другой стороны, болото всегда больше лотоса.

Тераучи Оэ. Шорох в листве

Едкая вонь царила на всех этажах, снизу доверху. От запаха паленой изоляции першило в горле, слезились глаза, свербело в носу. Вентиляция не работала. Ничего не работало: компьютеры, связь, системы наблюдения, электронные замки, лифты, освещение... Реактор, сволочь, заглох. Резервные системы питания умерли, не успев включиться. Иссякли в ноль батареи, аккумуляторы, любые другие источники энергии. Персональные коммуникаторы, аварийные фонари, лучевики – все превратилось в бесполезный хлам.

Долго куковать во тьме не пришлось – помощь подоспела быстро. О, счастье! Такое счастье, что удавиться впору. Если Тиран о чем и думал, взбираясь по ступеням, так о крюке, петле и мыле. Он бы застрелился, да ничего не стреляло.

Счастье в составе двух рот спецназа и особой бригады спасателей подняли по тревоге. Это случилось ровно через две минуты после того, как подземный исследовательский центр замолчал, не отвечая на запросы и не подавая признаков жизни. Одиннадцать минут, и все были на месте.

Тирану выдали фонарь. Яркое пятно света подпрыгивало в такт шагам, выхватывало из тьмы лестницу, панели стен. Пластик бликовал, добавляя картине inferнальности. Сверху раздавались голоса спасателей, шарканье подошв, скрежет металла.

– Сюда ставь, к стене. Да, вот так.

– Подсоединяю.

– Под ноги смотри!

Глухой стон.

– Тут живой!

– Медиков на минус третий! Быстро!

– У нас раненый!

Выше по лестнице дробно загрохотали шаги. Тиран вышел на площадку минус третьего, остановился перевести дух. Старею, подумал он. Выключил фонарь: здесь уже установили переносную систему освещения. Стерильно-белый свет резал глаза. От света пахло бедой и тревогой. Как свет может иметь запах, Бреслау не знал, но ощущениям своим доверял.

Из холла перед лифтом буквой «Т» расходились три коридора – как и на всех этажах бункера, кроме самых нижних, технических. Здесь царила деловитая суeta. Люди в синих комбинезонах техников ставили оборудование, тянули силовые кабели и волноводы. Люди в черной форме спецназа, вооруженные до зубов, с лицами, скрытыми под забралами шлемов, заканчивали осмотр помещений. Люди в светло-зеленых комбинезонах медиков укладывали раненого на носилки с антиграв-подвеской, готовили инъекцию. Кто-то орал в унисон, отдавал распоряжения насчет транспорта. Криминалисты в сером осматривали трупы, делали снимки, замеры. Один присел возле темного пятна в форме человеческой фигуры: брал образцы для анализа.

Все были заняты делом, кроме него, Яна Бреслау. Он свое дело провалил с треском. Последствия разгребут другие. В том, что его отстранят – уже отстранили! – Тиран не сомневался. Что дальше? Обвинение, трибунал, приговор? Что же, дружок, ты это заслужил. Все лучше повторного визита Скорпиона.

Вздыхнув глубоко, Бреслау закашлялся. Вонь изоляции никуда не делась. Одно хорошо: она забивала смрад горелой плоти, который должен, просто обязан был тут витать. Уж лучше изоляция...

За спиной раздалось пыхтение усталой бегемотихи. На площадку выбралась адъютант-комиссар Рюйсдал – и тоже погасила фонарь. Не говоря ни слова, Линда обвела взглядом безрадостную картину. Казалось, женщина фиксировала происходящее на камеру, для отчета.

– Кавалер Сандерсон не обращался к вам с просьбой? – отдышавшись, спросила Линда. – Я имею в виду, с личной просьбой?

– Какой именно?

– Например, о переводе.

– Что за глупости? Куда бы мы его отсюда перевели?

Прежде чем двинуться наверх, Тиран с комиссаром спустились на минус девятый. К тому времени этаж вдоль и поперек обыскали спасатели. Насмерть перепуганных нянь, техников и врачей эвакуировали. Запертую дверь детской взломали. Внутри обнаружился умеренный беспорядок: игрушки разбросаны по полу, кровать дыбом, на блюде – три огрызка и

надкусанное яблоко. Ни живых, ни трупов, ни следов борьбы, огня или взрыва. Угол простыни, свисавшей с кровати, чуточку обгорел, но это не в счет.

Сандерсоны, отец и сын, исчезли.

Тирану представилось невозможное: пока охрана воюет с налетчиками, предприимчивый кавалер Сандерсон под шумок забирает сына и уводит сквозь огонь сражения в безопасное укрытие. Куда? Да куда угодно! К бабушке, например. Лишь бы подальше отсюда.

К бабушке? К чертовой бабушке!

– Я говорю о мальчике, – упорствовала Линда. – Кавалер Сандерсон не просил о переводе сына?

– Куда? С минус девятого на минус шестой?

– Вообще из бункера. В какое-нибудь другое место.

– В оперный театр?

– Ну, не знаю. В специнтернат «Лебедь», например.

– Вы бредите? Что Натху забыл в «Лебеде»?!

– Значит, не просил, – пробормотала комиссар. – Ладно.

И замолчала.

У нее шок, понял Тиран. Женщине трудно пережить такое без последствий. А ведь она еще и сражалась – там, в этом их сраном галлюцинаторном комплексе...

Кашляя, они продолжили подъем.

На выходе из бункера усатый спецназовец без шлема проверял выходящих. Делал он это с дотошностью энтомолога, изучающего редкий вид саранчи. Бреслау и комиссар по очереди приложили ладони к папиллярному идентификатору. Проверяющему этого оказалось мало: усатый отсканировал у обоих сетчатку глаз и взял образцы потожировых следов для экспресс-анализа.

– Помощь нужна? – спросил он, уже дав разрешение на выход.

– Нет.

За забором садились и взлетали аэромобы: выгружали оборудование, высаживали специалистов, забирали пострадавших. Сновали люди в военной форме и гражданских костюмах. Вцепившись в поводки мертвой хваткой, промчалась пара кинологов в линялом камуфляже – поджарые овчарки тянули хозяев к воротам. Следом, пригнувшись к земле, бежал третий кинолог – профильный модификант. Собачий нос на его лице смотрелся клоунской блямбой из каучука. Во дворе разбили пять шатров разной вместимости. Заканчивалась установка еще двух – спасатели будто готовились к праздничной ярмарке. Медицинский шатер, технический,

криминалисты, оперативный штаб... Тиран безошибочно считывал цвета, эмблемы и условные обозначения. А это что? Камуфляжная иллюзия? Нет, не иллюзия. Шатер был – надо же! – брезентовый, цвета болотной ряски, без опознавательных знаков. Откинув полог, наружу выбрался техник с черным ящиком в руках и поспешил к штабу. За те полторы секунды, что полог был откинут, Тиран увидел все, что ему требовалось. Сдвоенный стол-трансформер, груда блоков, паутина проводов, кабелей и волноводов. В воздухе парит гроздь голосфер...

Центр обработки информации.

Отстранение, трибунал, приговор, подумал Тиран. Он встряхнулся, гоня прочь дурные предчувствия, и с решимостью самоубийцы направился к брезентовому шатру. Комиссар Рюйсдал следовала за ним, как привязанная. С приставкой «Т» или без, комиссар была настоящим телохранителем.

– Стой, кто идет! Вход запрещен!

Звонкий щелчок предохранителя «Бликсема» – для убедительности.

– Управление научной разведки!

– Представьтесь!

– Адъюнк-генерал Бреслау, ответственный за объект!

Тиран ткнул удостоверение в физиономию часовому. Над «корочкой» всплыл шарик служебной голограммы.

– Положите руку на идентификатор!

Тиран впечатал ладонь в сканер, установленный на высокой штанге.

От такого напора часовой едва не отдал Бреслау честь. Лишь титаническое усилие позволило ему сохранить самообладание.

– Вас нет в списке допущенных.

– Это *мой* объект!

– Вас нет в списке...

– Списки здесь составляю я! Что неясно, капрал?!

– Вас нет...

– Отстранение, – задумчиво произнес Тиран. Он не знал, что улыбается, и не знал, как улыбается. – Трибунал. Приговор.

Рыбой, выброшенной на берег, часовой открыл рот. Закрыв, открыл снова.

– Отстань от капрала, адъюнк твою мать! – гаркнули в шатре. – У него приказ. Эй, капрал, ты его проверил?

– Так точно! – К часовому вернулся дар речи.

– Кто такой?

– Ян Бреслау, управление научной разведки!

– Большая шишка! Хрен с ним, пропускай.
– Я не один, – предупредил Тиран. – Со мной телохранитель.
– Зажрались, *научразики*! – В голосе сквернословы прорезалось восхищение, крепко разбавленное издевкой. – Капрал, проверь, кто такой.
– Осмелюсь доложить: кто такая!
– Баба?
– Женщина.
– Ну да, понял: тело хранит... Проверяй давай!
Пухлая ладонь Линды опустилась на идентификатор:
– Адъюнк-комиссар Линда Рюйсдал, служба Т-безопасности!
Капрал, что называется, пустил петуха, едва не уйдя в ультразвук. Кажется, с Т-безопасностью у него были связаны травмирующие воспоминания детства.

– Эй! У вас там адъюнкты кончились? Третьего нету?

– Никак нет!

В шатре фыркнули: ни дать ни взять лошадь.

За столом, в центре паутины проводов, восседал здоровяк в полевой форме без знаков различия. В свете холодных флуоресцентных ламп, установленных на штативах, наголо депилированный череп здоровяка пускал стаи зайчиков.

– Паук?! – выдохнула Линда.

Тиран уже знал, кто их ждет: живая легенда спецслужб. Крепкое словцо лезет на соленое? Ищи Паука. Но откуда его знает комиссар Рюйсдал? Встречались по службе?

– Линда? – удивился Паук. – Рюйсдал? Почему Рюйсдал?

– По мужу, – объяснила комиссар. – Рада тебя видеть.

– Ну да, по мужу... Ты изменилась, детка.

– Я давно не девочка. А ты все тот же.

– Ну да, не девочка...

Что-то личное, догадался Тиран. Личное и давнее.

– К делу! – опомнился Паук.

Без малейшей приязни он взглянул на Бреслау:

– Твой шеф дал добро. Сказал: раз ты здесь, работай. Голову тебе он оторвет, но потом. Главный тут я. Станешь хвост задирать – вылетишь птичкой с фитилем в заднице. Будут вопросы, задавай.

– А ты ответишь? – не удержался Тиран.

– Как карта ляжет. Все ясно?

С Тираном давно так не разговаривали. Счастье, отметил Тиран. Выполнять приказы? Снять с себя всякую ответственность? Разумеется,

счастье. Голову оторвут не сейчас, потом? Счастье, без вариантов.

– Нам нужен выделенный канал, – вмешалась Линда. Комиссар и без эмпатии отлично прочувствовала ситуацию. – Канал и доступ к информации.

– Без проблем. Эй, Вилли!

– Ну? – буркнул кто-то басом.

– Сделай два стула, кофе и выходной дубль! Кофе мне, остальное им!

Паук прилетел с паучатами. Двое техников заканчивали монтаж портативной рамки гиперсвязи, третий распаковывал контейнеры с оборудованием. Дальше, за штабелем складных стульев, обустроился рай, оборудованный кофейным мини-автоматом.

– Нам нужна уже отсортированная информация, – предупредил Тиран.

– Рад стараться! Полный сортир информации!

У Яна Бреслау сегодня было плохо с чувством юмора. У Паука, видимо, тоже, потому что он уточнил, кривя рот:

– Только успевай выгрести...

Вилли подсоединил сдвоенный терминал, висевший, по словам техника, на едином канале. Над терминалом всплыла пара голосфер. Подвинуться Паук и не подумал, Тиран с Линдой пристроились за торцом стола, плечом к плечу. Им повезло, что Паук обожал визуализацию. Безумная мешанина видеофрагментов, статичных снимков, голосовых отчетов, текстов, таблиц, динамических диаграмм и столбцов цифр разделилась на потоки, превратилась в струи цветных жидкостей. Через воронку с фильтром каждая струя вливалась в пузатую бутылку. На бутылках красовались этикетки: «Нападавшие», «Потери», «Кто накосячил», «Повреждения», «Пропавшие», «Неведомая хрень». Подавив чисто профессиональное желание начать с последней, Тиран плеснул себе из всех емкостей, выискивая резюмирующие файлы. Это была та еще каторга: резюме дополнялись на ходу, временами меняя смысл на прямо противоположный.

Судя по количеству обгорелых пятен, оставшихся в бункере после самоподрывов, нападавших было восемь. Солдаты охраны – те, кто выжил, – свидетельствовали: атаковали брамайны. Цену их показания имели нулевую: записей не сохранилось. А это что? На видео две овчарки и киноид-модификант, уже знакомые Тирану, обнюхивали ничем не примечательный клочок земли на опушке леса. Первая овчарка вдруг разразилась злобным лаем, вторая затрусилась прочь, отбежала метров на десять и виновато заскулила, вертясь на месте.

– Здесь сидел человек, – доложил киноид. – Возможно, координатор

атаки. Он пришел вон оттуда. – Киноид показал рукой. – Отрезок следа – все, что у нас есть. Полагаю, координатора доставили и эвакуировали по воздуху. Надо поднять записи спутникового наблюдения. Местность мы прочешем, но на результат я бы не надеялся...

Файл схлопнулся.

Потери, оценил Тиран. Тринадцать убитых, пятеро раненых. Пропавших без вести двое, Натху и Гюнтер Сандерсоны. Повреждения: все системы бункера, кроме простейшей механики. Кристаллобазы испорчены. Часть данных подлежит восстановлению, часть утеряна безвозвратно. Проблемы с энергоснабжением: ссылка в виде водопроводной трубы вела в заветную бутылку с «Неведомой хренью».

Сделав глубокий вдох, Тиран нырнул в трубу.

– ...впервые вижу! – Резюме озвучивал вислоусый дылда, облаченный в такую же, как у Паука, полевую форму без знаков различия. Форма висела на дылде, как на вешалке: он надел ее хорошо если второй раз в жизни. – Реактор мало что заглушен: за секунды ушел месячный запас топлива! Потому реактор и встал: энергия отрубилась и новая порция из буфера не поступила. Знали бы вы, что творится в коммуникациях!

Дылда продемонстрировал кусок кабеля в обуглившейся изоляции; помутневший фрагмент волновода. И далее: оплавленный эмиттер, растрескавшуюся, местами почерневшую кристаллобазу, аккумуляторную батарею, на которой не горел даже индикатор разряда.

– Аномальные скачки напряжения и силы тока. Изменение волновых параметров. Все источники питания истощены в ноль, даже автономия. Перераспределение потоков, наведенные эффекты, как от электромагнитной бомбы...

Эксперт заговоришки придвинулся к самой камере. В кадре остались губы, усы и ноздри. Из ноздрей торчали жесткие волосы.

– Они тут антиса держали. Мальчишка и стартанул, будьте уверены. В бункере повреждений, считай, нет, – думаю, парень в энергосеть вошел, оттуда и стартанул. Бред? Как хотите. Только выглядит все именно так...

Гудя басом, вспыхнула рамка гиперсвязи:

– ...засекли три волновых объекта. Первый определен как Натху Сандерсон – волновой слепок полностью идентичен. Второй имеет характерный спектр брамайнского антиса. Спектральные характеристики третьего уточняются...

– Запись, – буркнул Паук. – Сейчас нарою посвежее.

Ждали, охнул Тиран. Ждали в космосе. Мы сами их пригласили! Знали об операции по захвату, были начеку. «Первый определен как Натху

Сандерсон, второй имеет характерный спектр брамайнского антиса...» Кешаб с компанией уведут Натху на Чайтру. Нет, уже увели...

– Ну да, конечно. Все дерьмо мира на нашу голову...

– Не все, – подсказали из-за спины.

Сперва Тиран увидел, как вылезают из орбит глаза Паука, как бледнеют щеки сквернослова, а нос заостряется, словно у покойника, – и лишь потом, рассчитывая на худшее, обернулся к подсказчику.

– Добрый день, – поздоровался Кешаб Чайтанья.

Секундой ранее лидер-антис расы Брамайн материализовался в шатре, перейдя из большого тела в малое без лишних спецэффектов. Казалось, гость прятался за кофейным автоматом, а не мотался волновым сгустком на орбите Ларгитаса. От присутствия великана под брезентовым куполом сразу сделалось тесно. В воздухе повис резкий запах пота: в это было трудно поверить, но Кешаб нервничал.

– Если позволите, я бы хотел переговорить с вами. – Кешаб обращался к Яну Бреслау, безошибочно определив высокое начальство. – Я бы очень хотел переговорить с вами.

Голос антиса звучал ровно и вежливо. Так ровно и вежливо, что это наводило на мысли о психопатах и смирительных рубашках.

– О чем? – выдохнул Тиран.

– О ком. Об антисах Ларгитаса.

Множественное число, отметил Тиран. Он сказал: антисы Ларгитаса. Это ведь ты был рядом с Натху, да? Почему ты бросил мальчишку на произвол судьбы? Почему спустился ко мне?! Что ты знаешь, Злюка Кешаб? Что ты знаешь, чего не знаем мы? О да, я тоже хочу переговорить с тобой, я очень этого хочу. Голову мне оторвут потом, значит мне пока что есть чем говорить.

– И еще. – Сложив ладони перед грудью, Злюка Кешаб поклонился часовому. Капрал только что шагнул в шатер и взял антиса на прицел. – Уберите, пожалуйста, оружие. Вы же не хотите, чтобы я взлетел?

Часть третья

Дорога вспять

Глава седьмая

Земляничные поля, или Нет, не верю

I

– Пошел вон!

Гюнтер взбрыкнул мохнатой ногой.

Криптид с досадой отдернул щупальце. Запрет, а тем более открытое сопротивление были криптиду не по нраву. Если ты уже, считай, дотянулся до чужой заветной пятки... Пятки? Нет, о пятках следовало забыть. Ноги кавалера Сандерсона заканчивались раздвоенными копытами с жесткими стенками и мысками, словно предназначенными для акробатики на горных склонах, и это было меньшее из всего, что волновало кавалера Сандерсона в данный момент.

– Вали, кому сказано!

Упругое желе, из которого состояло криптидово тело, взволновалось. Восемь щупальцев исполнили зажигательный танец, вздымая облачка пыли. Сапфировые глаза-блюдца уставились на козлоногого кавалера. Взор горел обидой: «Я же только потрогать хотел!» Ага, разогнался! Потрогать ему! Лиловый с прозеленью криптид был раза в два крупнее Гюнтера. Впрочем, Гюнтер не слишком опасался наглеца. Хотел бы сожрать – уже давно набросился бы и сожрал.

Молодой человек вряд ли справился бы и с одним спрутом. А уж со стаей из двух дюжин особей – и подавно. Ишь проглоты! Гюнтер нервно хихикнул, глядя, как вместо кавалера Сандерсона криптиды увлеченно едят землянику. Щелкали кривые клювы, похожие на клювы попугаев, ягода за ягодой вместе со стеблями и листьями отправлялись в места схождения щупальцев – там располагались рты и глотки.

В анатомии осьминогов Гюнтер был не силен. В анатомии хищных флуктуаций континуума – тем более. Хотя какие они сейчас хищные?!

Травоядные.

Земляничные поля простирались на многие мили вокруг. Ковер нежной зелени, россыпи алых капель. По мере удаления капли сливались в пунцовое море – всю округу залило яркой артериальной кровью. Дальше местность шла на подъем: там, среди охристых, сильно выветренных скал с терракотовыми уступами, разгуливали отдельные утесы. В отличие от

обычных, стоящих на месте скал, утесы могли похвастаться цветом темной киновари. Прогулка их напоминала работу зубцов колоссального часового механизма.

Ну да, утесы бродят, а спруты едят землянику. Чего еще ждать от галлюцинаторного комплекса? Либо ты, братец, *под шелухой*, либо так оригинально сошел с ума. Других вариантов атеист Гюнтер не видел.

Над земляничной пасторалью уходил в зенит острый пик. Казалось, его выточили из слоновой кости. Вершина сияла ослепительным золотом, подобно солнцу. Гюнтер осторожно сдвинул восприятие, выныривая *из-под шелухи*. С интернатских времен он прекрасно знал, что такое вторичный эффект Вейса, но сейчас то и дело забывал об этом. Память ментала – идеальный инструмент! – вдруг начала давать сбои. Нет, не память, отметил Гюнтер. Я...

И оказался в космосе.

Совсем рядом – по галактическим меркам – полыхало облако жидкого янтаря. Всем своим существом, всем новым волновым телом кавалер Сандерсон жадно впитывал животворную энергию звезды. Сладостные лучи, сытные колебания полей вливались в него, восстанавливая силы после изнурительного перелета. Вокруг пульсировали, насыщаясь, мерцающие сгустки энергии, такие же как он.

Нет, не такие. Совсем не такие!

Ну вас в задницу с вашими сравнениями!

Гюнтер по-прежнему ощущал себя человеком – хоть в виде сплетения волн и полей, хоть в обличье козлоногого сатира. Попадая в галлюцинаторный комплекс при работе с пациентами, молодой человек оставался собой. Менялась лишь одежда: дудочник в пестром наряде. Сейчас же его облик претерпел куда более существенные изменения. Впрочем, только облик – разум и личность Гюнтера Сандерсона остались прежними. Натху тоже был здесь: косматый питекантроп с львиным хвостом. Отложив в сторону булаву, которой можно было сшибать планеты, мальчик улегся на живот. С довольным ворчанием он отправлял в рот ягоды: горсть за горстью. Эту личину Гюнтер помнил – сын транслировал ее отцу, сидя в детской комнате. Правда, тогда физиономия гиганта не была перемазана земляничным соком: рот, нос, щеки, рыжие бакенбарды.

Ребенком, даже завязавшись в узел, Натху нравился Гюнтеру больше.

На пригорке, скрестив ноги так, что хоть врачей вызывай, сидел аскет-брамайн. Темная кожа, синяя шея, густая борода аккуратно подстрижена. Гриву цвета растопленной смолы аскет стянул на темени в натуральный куст. Шкура леопарда через плечо, чешуйчатый пояс в виде кобры...

Пояс обиделся.

Пояс вскинул голову.

Пояс раздул капюшон и зашипел на тупого кавалера Сандерсона, неспособного отличить живую змею от галантерейной подделки. Кавалер Сандерсон показал кобре средний палец. Я не в себе, мысленно уведомил он мнительную рептилию. У меня шок. Стресс. Упадок сил. Реактивный психоз. Мне нужно есть. Вот ягодка. Вот другая, третья. Глюкоза, фруктоза, органические кислоты. Витамины, каротин. Микроэлементы. Надо восстановить силы. В здоровом теле здоровый дух. На месте сорванной земляники возникала новая, далеко тянуться не приходилось. Ну да, звезда продолжает излучать, ее энергия не убывает, сколько ни поглоти. И зачем тогда, спрашивается, фаги нападают на корабли? Дармовой пищи – полная Ойкумена, так нет, лезут к нам, людям, нарываются...

Ты забиваешь мозги чепухой, сказал Гюнтер-медик Гюнтеру-невротiku. Вытесняешь в бессознательное смысл травмирующего события и связанные с ним эмоции. Блокируешь страх, скрывая факт негативного опыта. Возводишь стену из мишуры, отгораживаешься от реальности. Слишком сильное потрясение, да? Ты не готов взглянуть правде в глаза. Правде, воскликнул Гюнтер-невротик. Правде, значит?! Сам гляди ей в глаза, твоей долбаной правде...

Его деликатно тронули за ногу.

– Отвали! Пошел вон, скотина!

Гюнтер дернул ногой, но криптид упорствовал. В животе начала таять ледышка страха. Это он, гад, еще деликатничает! Щупальца, клюв... Хищник! Нельзя паниковать. Звери чувствуют страх. Флуктуации чувствуют страх. Нельзя паниковать...

Паника?!

Гюнтер поднес к губам витую раковину. Привычная, знакомая до последнего отверстия дудочка обернулась красавицей-раковиной, и кавалер Сандерсон принял это как данность, без размышлений. Он направил перламутровый раструб на зарвавшегося криптида и дунул в узкое горлышко. Раздался трубный звук панической атаки. Воздух между человеком и флуктуацией заколебался, пошел волнами. Гюнтер дунул еще раз, добавив низких частот: ряд когнитивных и поведенческих нарушений. Криптид отдернул щупальце, блюдца его глаз подернулись мутной поволокой. Вот, хихикнул Гюнтер-невротик. Вот, смотрю в глаза правде! Он дунул снова, уже сильнее. Но вместо того чтобы в ужасе задать стрекача, проклятый спрут растянулся на траве. Блаженствуя, он раскинул щупальца, став похожим на туриста, загорающего на знаменитых пляжах

Йала-Маку. В лоснящейся шишковатой башке криптоида открылась кожистая воронка, внутри которой вибрировала тонкая мембрана. Едва затих последний отзвук паники, флуктуация зашевелилась. «Еще давай!» – требовали движения и взгляд наглеца.

Гюнтер дернул ногой, но криптоид упорствовал.

Плохо понимая, что делает, Гюнтер повторил атаку.

Вокруг собралась вся стая. Земляника больше не интересовала спрутов. Жадно распахнув воронки, они ловили ужасную песнь раковины. Особенно пришлись им по вкусу боязнь шизофрении и деперсонализация. По телам благодарных слушателей пробежала мелкая дрожь – не иначе пароксизм наслаждения. Едва кавалер Сандерсон успокоился, выяснив, что лично его никто есть не собирается, раковину в руках Гюнтера сменила свирель – девять стволиков тростника, стянутых кожаными ремешками и скрепленных накладкой из кости. Покой, пела свирель. Радость. Умировотворение. Покой, щелкали клювы. Радость.

Еще давай!

Даю, согласился Гюнтер. Выходит, друзья мои, вы любите и перец, и сахар? Для вас эмоции – деликатес. А я для вас кто? Рог изобилия, откуда сыплются вкусняшки? Вы же не станете резать курицу, несущую золотые яйца? Покой, радость...

Радость накрыла его с головой. Радость удвоилась – теплая морская вода, чистое детское чувство.

– Ты дудел, папа! Ты очень страшно дудел!

– Натху?

– Я чуть не убежал. Дуди, как сейчас!

– Натху?! Ты разговариваешь?!

Гигант-питекантроп пожал широченными плечами:

– Мы и раньше разговаривали.

II

Вихрь мыслей пронесся в голове Гюнтера. Вихрь в космическом смысле – в большом теле все происходило на световых скоростях. Да, напомнил Гюнтер-медик. Да, вы с Натху общались. Шел обмен: эмоции, образы, ощущения. Сейчас он продолжает общение по тому же принципу. Вот откуда недоумение: для мальчика ничего не изменилось. Просто теперь твой разум, уйдя в волну, работает быстрее, сильнее, оперативнее. Переводит чувственные пакеты сына в слова, в связную речь...

Он перепутал инициации, закричал Гюнтер-невротик. На Ларгитасе мальчик был менталом, антис в нем спал, был законсервирован. В космосе, там, где мальчик – полноценный антис, все должно быть наоборот! Здесь будет законсервирован ментал...

Гюнтер-медик пожал плечами. С чего бы это, приятель? Даже в

космосе, утратив примитивный речевой аппарат малого тела, антисы сохраняют способность к общению. Они беседуют, координируют действия, вступают в спор. Каким, собственно, образом? Не акустическими же колебаниями, в самом деле?! Что это, если не телепатия?! Я уже не говорю о наших друзьях криптоидах... Если флуктуации жрут эмоции так, что за ушами трещит – разве они не натуральные менталы?!

«Антис в большом теле – это подвижный, энергетически насыщенный разум, способный к перемещению между материальными объектами и активному воздействию на окружающую среду. Ментал в рабочем состоянии – подвижный, энергетически насыщенный разум, способный к перемещению между психическими объектами...»

Антисы – телепаты? В большом теле все антисы – телепаты?! Просто им забыли об этом сказать? А кто бы им сказал?! Да еще в открытом космосе?! Антисы рождаются только у энергетов, менталы – у техноложцев или варваров. Если антисы – менталы и даже не подозревают об этом, то не может ли быть так, что мы, менталы – антисы, и тоже об этом не подозреваем?!

Сколько еще открытий пошло прахом, потому что мы не желаем делиться секретами?!

– Папа?

От Натху пахло тревогой. Те миллисекунды, что ушли у Гюнтера на вихор мыслей, галлюцинаторный комплекс превратил в добрую минуту, если не больше.

– Все в порядке, малыш. – Язык не поворачивался звать малышом косматого исполина. – Твои друзья обжоры. Они готовы кушать с утра до ночи. Я не могу все время играть для них.

– Ты им нравишься, папа. Ты живой ням-ням.

Схватив булаву, Натху погрозил криптоидам. Из глотки питекантропа исторгся громовой рык. С очевидной неохотой спруты вернулись к сбору земляники: казалось, детям после конфет выставили на стол кашу. Тем не менее послушаться вожака никто не посмел.

– Вы действительно его отец. Теперь я вижу.

Темнокожий аскет сменил позу. На коленях у него лежал трезубец: черный, под цвет волос. С таким изображают чертей в детских мультиках. Самое то, согласился Гюнтер. Для убийцы-брамайны, явившегося за Натху, лучше не придумаешь.

– Гюнтер Сандерсон, надо полагать?

– Да, я отец Натху. А вы кто такой?!

Слова блеснули как сталь. Слова затачивались под бритву. Гюнтер

ничего не мог с этим поделаться: один взгляд на аскета – и сердце вскипало от ненависти.

Брамайн остался бесстрастен, но Гюнтера было не обмануть. От аскета тянуло кислятиной сомнений. «Ответить? – колебался аскет. – Нет? Если ответить, то что именно?!» Ненависть сменилась яростью. Коридоры, сказал себе Гюнтер. Коридоры бункера, Линда Рюйсдал, бой с террористами. Запреты, напомнил Гюнтер-медик. Запреты, взорвался Гюнтер-невротик. Запреты, да? Ограничения?! Там я не церемонился и здесь не стану!

Вернулась раковина. Гюнтер не стал подносить ее к губам – примостил на коленях, копируя аскета с его трезубцем, легонько погладил пальцами, будто ласкал кошку. Раковина откликнулась довольным урчанием. Миг – и урчание перешло в рокот морского прибора.

– Так кто же вы?

– Марут, – ответил брамайн. – Зовите меня Марутом.

Прибой надвинулся, вырвался из раковины. Захлестнул брамайна, подхватил скрытое за каменной грядой слов, вынес на берег, к Гюнтеру.

– Ложь!

– Откуда вы знаете?

– Марутами были ваши дружки-террористы! А вы...

Он намеренно не закончил фразу, отслеживая реакцию брамайна. Нырять на глубину, не имея опыта работы в большом теле, Гюнтер опасался. Пусть то, что нужно, само всплывет на поверхность. Раковина продолжала рокотать. Губы аскета остались плотно сомкнутыми, но провокация удалась. Брамайн барахтался в приборе, нити ловчих водорослей зацепились за рефлекторный эмоотклик – не такой уж ты и бесстрастный, приятель! – эмоции потянули за собой ассоциативные цепочки воспоминаний. Над брамайном возник дрожащий мыльный пузырь, похожий на скверно отрегулированную голосферу.

...Бункер гостеприимно раскрывает ворота, принимая в себя семерку марутов, божественных воинов, обликом подобных субедару Марвари. Сам субедар уже внутри: расширив дыру в заборе, он проник за периметр и добрался до угла здания...

Образы, вызванные к жизни словами Гюнтера, роились, цеплялись шестеренками, превращались в замысловатый механизм.

– ...Со всем уважением и припаданием к вашим лотосным стопам,

гуру-махараджа...

– Пожалуйста, не называйте меня так. Вы не мой ученик, между нами нет отношений наставника и последователя.

– Да? – Субедар-майор Марвари изумлен. – А по-моему, есть! Кто тут собрался учить нас воевать, если не вы, гуру-махараджа?..

Глубже, дальше, назад по временной оси:

– ...Не называйте меня так, генерал.

– Как мне называть вас?

– Вьяса-джи. Этого будет достаточно...

Имя оказалось ключом. Вьяса-джи? Ключ открыл потайной ящик секретера, перед глазами возникли строки документа: личного дела?

– Вьяса Горакша-натх. – Гюнтер читал как по-написанному. – Гражданин Чайтры. Йогин ордена натхов, член Совета духовных лидеров. Входил в состав специального отряда под командованием субедар-майора Марвари. Я ничего не упустил?

Лицо аскета исказила гримаса гнева. Чувственный отклик, пойманный Гюнтером, не оставил сомнений: кавалер Сандерсон попал в яблочко.

Пальцы брамайна сжались на древке трезубца. Три острия вспыхнули опасным свечением. Шипя в унисон с коброй на поясе, змейки синих молний потянулись к молодому человеку. Гюнтер поднес к губам раковину, готовясь обрушить на врага шторм паники. Это для криптидов паника – пища. Справишься ли с ней ты, террорист?!

Змеи погасли. Брамайн ослабил хватку, лицо его разгладилось.

– Никогда так больше не делайте, – попросил аскет.

И добавил:

– Пожалуйста.

– Папа! Тебе помочь?

Натху мрачно поигрывал булавой.

От Гюнтера не укрылось изменение эмоционального фона аскета. Стоило мальчику предложить отцу помощь, как брамайн вздрогнул. Страх, подумал Гюнтер-невротик. Нет, не страх, опроверг Гюнтер-медик. Обида, ревность. Зависть высокой пробы. Эй, террорист, ты что, ревнуешь Натху ко мне? Сам метил в отцы?! В наставники?!

– Не надо, Натху. Если что, я позову.

– Хорошо. Я рядом, зови.

– Если хотите о чем-то спросить, – вмешался аскет, пытаясь сгладить

ситуацию, – просто спросите. Тот, кто избегает насилия, достигнет лотосовых озер, прозрачных и спокойных. Тот, кто несет мир, наслаждается жизнью на небесах.

– Тот, кто прибегает к террору, – съязвил Гюнтер, – тоже наслаждается жизнью на небесах. Тот, кто крадет чужих детей, достигнет дна лотосовых озер и больше не всплывет.

– Спрашивайте, – повторил аскет, не вступая в конфликт.

– И вы ответите? Учтите, ложь я чую за километр.

– Рад за вас, шри Сандерсон. Полезное качество.

– Начнем с главного. – Гюнтер отложил раковину в сторону. – Как вы попали сюда? Как вышли в большое тело?

Аскет пожал плечами:

– Не знаю. Не помню.

– Ложь!

– Не могу вспомнить, хотя и пытался.

– Ложь!

– Прислушайтесь ко мне, я разрешаю. Вы поймете, что это правда.

– Ложь!!!

Правда, сказал Гюнтер-медик Гюнтеру-невроту. Кончай орать, болван.

– Зайдем с другого бока, – предложил аскет. – Как сюда попали вы? Я имею в виду большое тело?

– Не знаю, – ответил кавалер Сандерсон раньше, чем принял решение не отвечать на вопросы этого мерзавца. – Не помню.

III

– Боюсь, шри Сандерсон, вы мне лжете.

Техноложец, думает Горакша-натх с презрением, недостойным йогина. Презрение грозит перерасти в ненависть. Как этот ларги сумел выйти в волну?! Натху прихватил его с собой? Мать защитил энергококоном, а отца забрал в большое тело?!

Способ, при помощи которого ларгитасец оказался в космосе, волнует гуру едва ли не больше, чем собственное чудесное спасение. В конце концов, Горакша-натх – брамайн, они с Натху принадлежат к одной расе. Впрочем, Гюнтер Сандерсон тоже наполовину сорасец мальчика. Может, дело в этом? Какие-то особые тонкие связи, о которых не знаем ни мы, ни они?

Гюнтер Сандерсон молчит. Он очень долго молчит.

– Не помню, – наконец произносит он.

– Вы? С вашей памятью ментала?!

– С моей памятью ментала. Первый сбой за всю жизнь.

– Ты что-то забыл, папа?

Натху нависает над отцом. В голосе мальчика, на его обезьяньем лице – искреннее участие. Гуру больно слышать эти интонации от божественной аватары. Больно видеть сочувствие на лице Марути Озорника. Живое чудо, явленное расе Брамайн, льнет к надменному ларги. Называет отцом, готово беречь и защищать. И от кого? От чистокровного брамайна!

Трудно вообразить себе более тягостное зрелище.

С трудом гуру удается взять себя в руки. Идти на поводу у страстей – позор для йогина. Ты достиг желаемого, говорит себе Горакша-натх. Мальчик покинул Ларгитас, ты – в едином большом теле с молодым антисом. Достиг? Остался последний шаг. Натху еще не вернулся на мать-Чайтру, а ты еще не полноценный антис.

Цель близка, но путь длится.

Криптиды оставляют землянику в покое. Оборачиваются к Натху, замирают, воздев щупальца к небу, – фаги чуют перемену настроения вожака.

– Да, забыл. Я забыл, как мы оказались здесь.

– А что ты помнишь, папа?

– На нас напали. Этот террорист, – обличительный перст указывает на йогина, – и его приспешники. Я сражался, и не я один. Позже мы оказались в космосе. Ты стартовал, Натху? Ушел в волну?

Руками ларгитасец изображает взрыв.

– Ага! – смеется Натху.

И сразу мрачнеет:

– Было страшно. Я не хотел!

Что он делает, изумляется гуру. Он оправдывается?!

– Все хорошо, папа? – Мальчик снова расцветает улыбкой. Долго сокрушаться не в правилах детства. – Мы тут, вместе. Ты, я, хватики!

– Хватики?

Натху кивает на криптидов:

– Эти! Они все хватают.

– Только хватают?

– Хватают и едят. Пап, ты что? Ты хочешь жить назад?

– Жить назад?

На лице ужасного ракшаса, обладателя рогов и копыт, каким стал под

шелухой Гюнтер Сандерсон, отражается недоумение. Горакша-натх испытывает схожее чувство. Что мальчик имеет в виду? Натху тоже озадачен. Растерян, хмурит брови, скребет затылок узловатой пятерней. Жест ребенок собезьянничал с кого-то из взрослых.

Криптиды подтягиваются ближе. Так собаки сбиваются вокруг хозяина, так волки готовы поддержать вожака.

– Жить назад! – Натху чуть не плачет от бессилия. – Жить назад, да!

В сердцах он топает ногой. Иллюзия или нет, земля ощутимо содрогается.

– Вспомнить? – осторожно уточняет ларгитасец. – Пережить заново?

Гуру удивлен. Почему бы телепату-ларги просто не залезть к мальчику в голову? К чему объясняться, если можешь взять без спросу?! Проходит миг, и Горакша-натх ужасается сам себе. Нет, не мысли о насилии смущают йогина. Глупец, ты готов был подсказать решение враждебно настроенному ларги! Неужели ты и правда хотел предложить техноложцу порыться в мозгах брамайнского антиса?! Ларги осторожен, он боится лезть в разум юного *велета*. Пусть все остается как есть.

– Пережить заново! Да!

От радости, что его поняли, Натху подпрыгивает до небес. Приземляется он словно пушинка – никаких землетрясений.

– Я пытался вспомнить. – Гюнтер Сандерсон рассуждает вслух. – Ты предлагаешь не вспоминать, а заново пережить?

– Да! Хватики умеют!

Взмах руки в сторону нервничающих спрутов.

– Хорошо умеют! Жить назад, жить вперед. *Переживать!* Ты правильно сказал, папа. Стать как раньше. Стать как потом. Переживать, да.

– Жить *вперед*?! Стать как *потом*?!

Гуру мысленно ахает. Мальчик способен заглянуть в будущее?! Он прорицатель?!

– Да!

– А ты умеешь?

Натху мнется, смущается:

– Чуть-чуть. Хватики лучше умеют.

– Можешь показать? Как умеешь ты?

– Не хочу назад, – капризничает мальчишка. – Страшно.

– А вперед?

– Вперед не страшно. Только я не умею далеко вперед.

– Не надо далеко. Давай на сколько умеешь.

– Хорошо.

Мальчик начинает стремительно расти. Темнеют космы шерсти на груди и предплечьях, становятся жестче на вид. Плечи, и без того могучие, раздаются вширь. Под грубеющей кожей проступают тугие жилы, оплетают чудовищные мускулы. На лбу прорезаются недетские складки. Натху смотрит на отца и гуру сверху вниз. Да, теперь он смотрит на них обоих, не только на ларгитасца. Во взгляде – понимание, сочувствие, словно мальчику, похожему на взрослого, известен секрет, неведомый этим двоим. Натху хочет что-то сказать: шевелятся губы, открывается рот...

Тело мальчика сотрясает жестокая судорога. Кажется, что сквозь него пропустили электрический разряд. Натху идет рябью, как сбоящая голограмма, съеживается, усыхает.

– Вот, – разводит руками прежний, знакомый Натху. Он весь красный от смущения. – Я хотел! Я хотел, а оно не пускает.

– Ты хотел меня предупредить? Рассказать то, что знаешь ты-будущий?

– Да! Да!

Натху счастлив. Он рад, что отец все понимает правильно. Гуру тайком морщится: такое счастье хуже яда.

– Ты хотел, но у тебя не получилось. Это пустяки, малыш. В другой раз получится!

Глаза ларги сияют, он похож на ребенка, заполучившего вожделенную игрушку. Гуру знаком этот взгляд – взгляд ученого, совершившего открытие.

– Вы понимаете, что мы видели?! – Шри Сандерсон забывает, кто перед ним. Ему не терпится разделить свое открытие с кем-нибудь, пусть даже с врагом. – Мы наблюдали, как действует временной парадокс!

– Парадокс?

– Защита от временного парадокса! Хронопредохранитель Вселенной! Натху пытался донести до нас информацию из будущего, из того времени, когда он станет старше. Но некий фундаментальный закон мироздания не дал ему этого сделать!

– Вы впечатлены?

– Разумеется!

– А изменениями Натху вы не впечатлены?

– Чем тут впечатляться? – Рогатый ракшас щелкает пальцами, подыскивая формулировку. – Это же естественно! Мальчик воссоздал свой облик из матрицы будущего! Жить вперед – так, Натху?

– Так, папа, – кивает мальчик.

И спешит добавить:

– Назад не хочу! Сейчас не хочу. Может, потом...
– Разве я тебя заставляю?! – Шри Сандерсон машет на сына руками. – Не хочешь – не надо. Это ты у хватиков научился?

– Ага!

– Вы вообще понимаете, о чем речь? – Ларги вспоминает про гуру. Шри Сандерсон остро нуждается в собеседнике. – У флуктуаций совсем другой способ существования! Я читал труды профессора Штильнера: флуктуации воспринимают всю свою жизнь, от рождения до смерти, как единое целое. Для них время не делится на прошлое, настоящее и будущее! Они постоянно присутствуют в каждом моменте жизни, уже прожитом или только намечающемся. Смерть просто ставит точку, превращая вектор в отрезок. С физической гибелью заканчивается будущее, но не жизнь! Прожитый отрезок для них вечен, они могут возвращаться в прошлое или путешествовать в будущее, если они там еще живы. Возвращаться не памятью, идти вперед не прогнозом, а всем существом! Их восприятие времени, а значит, жизни принципиально отличается от нашего.

От нашего, отмечает гуру. Оказывается, у брамайна с ларги есть что-то общее.

– Ваш сын, – произнести это для йогина пытка, – воссоздал себя-будущего? Принял облик взрослого?!

Ларги смеется. Горакша-натх слышит в его смехе презрение и превосходство.

– Натху ничего не создавал. Вернее, он создал чувственный образ. Модель взрослого Натху, каким он видит себя через несколько лет. Создал и продемонстрировал нам на ментальном уровне. Говоря вашим языком, это была иллюзия. На самом деле мальчик остался прежним, для меня это очевидно.

– Воспроизвел? На ментальном уровне?!

Гюнтер Сандерсон умолкает. Видно, что он корит себя за болтливость.

– Хватит об этом, – говорит он. – Тема закрыта.

– Иллюзия или нет, – упорствует гуру, – ваш сын показал нам, что значит жить вперед. Он предлагает нам поступить так же?

– Именно!

– Вернитесь в реальный мир, шри Сандерсон. Мы не флуктуации. Вы сами сказали: у них другой способ существования.

– Если у Натху получилось...

Энтузиазма в голосе ларгитасца становится меньше.

– Допускаю, – гуру вежливо улыбается, – что, прожив три года в стае криптидов, вы тоже научитесь этим фокусам. Но я бы особо не

рассчитывал на такой вариант. Натху попал в стаю в возрасте четырех лет, а вы – взрослый, сложившийся человек.

Ларги в задумчивости чешет голову меж рогов:

– Тем не менее я попытаюсь. У нас, менталов, есть свои приемы.

Да, молчит гуру. У нас, натхов, тоже.

IV

Пуббе-нивасануссати дхьяна.

Медитация, что позволяет вспомнить свои предыдущие рождения.

Да, отмечает гуру. К своему стыду, я не уделял ей слишком много внимания. С юности я шел к иной цели – к достижению антического бессмертия в нынешнем воплощении. Я справедливо полагал, что после обретения волновой вечности у меня будет в достатке времени для медитаций любого рода. Хорошо еще, что мне доступен начальный этап кармической медитации – *киртан крийя*, позволяющий скользить вдоль нити собственной жизни вспять, от нынешнего мгновения до зачатия. То, что случилось в бункере на Ларгитасе, – в какой-то мере зачатие.

Да, соглашается гуру. Да, я хочу вспомнить.

Успокоить дыхание. Выровнять биение сердца. В большом теле нет ни дыхания, ни сердца, но их нет и в малом теле, как нет и самих тел. Все это майя, различные аспекты иллюзии. Мир тварный и вторичная реальность галлюцинаторного комплекса – лишь двумерная проекция мира истинного, мира духа. Поднимись над плоскостью, выйди в новое измерение – и обрети свободу.

Да, кивает гуру. Да, я свободен.

Освободиться человеку мешают цепи привязанностей. Долой их! Сейчас это дается йогину с огромным трудом. Кажется, что он и впрямь стал собой-прошлым – юным *аугхаром*, плохо владеющим техниками отрешения. Чувства. Пристрастия. Эмоционально окрашенные воспоминания. Они держат, хватают, сковывают по рукам и ногам.

Нет, возражает гуру. Вас нет, вы – ложь.

Цепи истончаются. Исчезают. Растворяются солью в воде. Одна привязанность держится дольше всего: одержимость целью. Труднее всего забыть о путеводной звезде, что вела тебя долгие годы. Как погасить звезду? Сперва забудь, что это трудно. Потом забудь, что это нужно. Забудь, что значит «медитация». Забудь, что значит «забыть».

Да, подтверждает гуру. Забыть – выйти за бытие.

Вот ты, линия жизни. Исчезающе короткий отрезок на ладони мироздания. Путеводная нить. Дорога вспять, назад по оси времени...

Препятствие.

Нить жизни завязана в уродливый узел. Все, что лежит по другую сторону узла, доступно: бой в бункере, расширение ауры, высадка на Ларгитас, знакомство с Марвари, визит к генералу, годы ученичества, детство – вплоть до самого рождения. Картины сменяют друг друга: живые, объемные, со звуками, запахами, тактильными ощущениями. Куцый фрагмент, ведущий к мигу под названием «сейчас», также доступен: привал, земляничные поля, оскорбительное присутствие ларги...

Все, кроме узла.

Узел. Известковый нарост. Яйцо в скорлупе. Дефект, аномалия. Скорлупа не поддается. Раковина не желает отдавать взлелеянную жемчужину. А если это ороговевший гнойник? Что, если вместо птенца или жемчужины наружу извергнется зловонный яд? Осквернит, отравит всю жизнь от начала до конца?!

Om·kār, произносит гуру. Om·kār ādināthāya namaḥ....

И кричит от боли.

* * *

Его вышвыривает прочь, в кровь и зелень, в земляничные поля. Сияет золотое острие – пик из слоновой кости. Сидящий напротив ларгитасец моргает, приходя в себя. Утирает ладонью испарину, выступившую на лбу, хрипит:

– Вижу, вы тоже потерпели неудачу.

Странно, отмечает гуру. В голосе ларги нет злорадства. Только усталость и сожаление. Ответа Гюнтер Сандерсон не ждет. Он морщит лоб, собирается с духом и наконец решается:

– Не скрою, мне отвратительно иметь с вами дело. Я предпочел бы находиться как можно дальше от вас. Желательно – на другом краю Ойкумены...

– Не советую, шри Сандерсон. Хотите жить? Оставайтесь здесь.

– Вы мне угрожаете?

– И в мыслях не было. Вы раньше выходили в большое тело?

– Нет. А вы?

– Выходил, в составе колланта. Я знаю, что это такое. Сейчас вы, я и Натху – единое целое. Нетипичный, возможно уникальный, но, без

сомнения, коллант. Стоит одному из нас разорвать связи, удерживающие нас вместе, – и мы оба погибнем. Натху ничего не грозит, он антис. Он самодостаточен. Но мы с вами – нет.

– Уверены?

Гуру пожимает плечами: хотите – проверьте.

– Хорошо, – ларгитасец досадливо дергает щекой, – я вам верю. Раз уж нам друг от друга никуда не деться... Хотите узнать, что случилось в бункере?

Гуру кивает.

– Это важно для нас обоих. – Получив согласие, шри Сандерсон берет быка за рога. Он возбужден и напорист. – В одиночку нам не справиться. Наша память заблокирована, мозг возвел защитный барьер, спасаясь от шокового потрясения. Я знаю, о чем говорю: я *пситер*, пси-терапевт. Я уже сталкивался с подобными случаями. Вы правы, мы не флуктуации континуума. У нас нет времени учиться их способу *переживания*. Я предлагаю иной способ, мой собственный.

Гуру осторожен. Его, как и ларгитасца, не слишком вдохновляет идея сотрудничества, пусть разового и вынужденного.

– Ваш способ? – спрашивает Горакша-натх. – Какой именно?

V

– Не верю, – сказал генерал Бхимасена. – Нет, не верю.

Он стоял на смотровой площадке, лицом к Грозовому Облаку – Балахаке, крупнейшей из четырех столиц Чайтры. За спиной генерала возвышался Мемориал Скорби: в день поминовения павших, а также по выходным тут было не протолкнуться от желающих возложить венки и гирлянды цветов. Скорбь – страдание, а значит, увеличение энергоресурса. Коллективное страдание увеличивало ресурс с поправкой на коэффициент Дакши от полутора до двух процентов сверх нормы. Страдание публичное добавляло еще восемь десятых процента. Сегодня, в будний день, Мемориал пустовал. Лишь в парке, разбитом вокруг, звенели детские голоса – школьников привели на экологическую экскурсию. Для ребятни парк представлял куда больший интерес, чем все памятники Ойкумены. О, бамбуковые рощи! Великанши-араукарии! Вау, птицы-носороги! «Обратите внимание, – бубнила учительница, – на шум их крыльев. В докосмическую эру с таким звуком к станции приближался поезд...»

Учительницу никто не слушал.

Разгром под Вайшакхой, в память о котором был воздвигнут Мемориал, давно стал легендой, мифом, подобным тому, как могучий Рудра выпил яд, грозивший отравить Вселенную. Сказать по правде, Рудра, пьющий отраву, вдохновлял детей лучше позорной схватки за Вайшакху. Победители в цене, и горе побежденным! Да, подумал Бхимасена. В школе я тоже скучал на уроках истории. «Цивилизация брамайнов возникла на Чайтре, шестой планете звезды Атман в созвездии Слона (область Хобота), со временем распространившись на пригодные для жизни планеты Хобота и Головы – Вайшакху, Шравану, Карттику, Магху и Пхальгуну...» И позже, в военном училище: «...интерес рабовладельцев Великой Помпилии к Вайшакхе с ее многочисленным, быстро растущим населением привел к ряду масштабных боевых столкновений, в частности к гибели 1-го Чайтранского флота. Лишь военно-торговый союз, заключенный его величеством Аламбусой Мудрым, махараджей расы Брамайн, с Хозяевами Огня, смог предотвратить превращение Вайшакхи в так называемую „грядку“ – базу поставки рабов. Объединенным флотам брамайнов и вехденов удалось остановить противника, после чего отдельной резолюцией Совета Галактической Лиги...» Двадцать лет назад брамаины вернули долг сполна. В секторе вехденов начались волнения – мятеж на Фравардине, бунт сепаратистов на Михре. Проблемы усилил общий коллапс экономики, и помпилианцы с радостью урвали бы себе кусок от рушащегося колосса, если бы не знаменитое терпение брамайнов, закрывших глаза на то, что Хозяева Огня были не в состоянии выполнять торговые соглашения. Брамаины поддержали бы союзников и в военном отношении, но, к счастью, это не понадобилось. Вехденов спас их лидер-антис: вступив в битву под Михром, Нейрам Саманган разнес вдребезги Квинтилианский галерный флот, уже вошедший в систему.

Антисы не воюют, если они не защищают Родину. Антисы чистят космические трассы. Антисы спасают корабли всех рас Ойкумены, не делая между ними различий.

Антисы не предают.

– Не верю. – У генерала дрожали руки. – Антис-предатель?

– Мы были против, – напомнил Вьюха. – Открытая высадка на Ларгитасе, контакт с научной разведкой, с теми, кто держал Натху в заточении... Мы сказали ему, что это граничит с изменой.

– И что?

– Он не послушался.

– Вы могли его остановить?

– Силой?

– Да.

Вьюха побледнел. Кожа его сделалась пепельной, словно Вьюха на манер *капаликов*, *йогинов-радикалов*, умастил ее прахом, оставшимся от сожжения трупов. Стоявший рядом с ним Капардин хрустнул пальцами. И еще раз, и еще, как если бы хотел сломать себе суставы. Кажется, идея силового противостояния взрослых антисов расы Брамайн грозила обоим помешательством.

– Ладно. – Генерал поспешил уйти от опасной темы. Меньше всего Бхимасене хотелось увеличить число свихнувшихся антисов. – Это не имеет значения. Кешаб на Ларгитасе, и он способен наговорить лишнего. Проклятье! Я не удивлюсь, если он решит дать показания против нас. Мир сошел с рельс, я уже ничему не удивлюсь.

– Удивитесь, – возразил Вьюха. – Гарантирую.

Бхимасена пропустил эту реплику мимо ушей. Перед внутренним взором стояла ужасная картина: экстренное заседание Совета Лиги, ларгитасский обвинитель распинается почем зря, живописуя коварство подлых аскетов, и вот приходит очередь Злюки Кешаба: «Уважаемые члены Совета! Операция по захвату Натху Сандерсона была спланирована и осуществлена моими соотечественниками. Целью операции было убийство ребенка, вернее, насильственный вывод ребенка в большое тело посредством нанесения ему травм, несовместимых с жизнью малого тела. Я настаиваю на создании межрасового трибунала...» В воображении генерала Кешаб звал малолетнего антиса Натху Сандерсоном, по фамилии отца, и злорадно ухмылялся. Встречаясь со Злюкой Кешабом ранее, генерал никогда не видел его ухмыляющимся, но сейчас это не имело значения.

«Вы удивитесь, – повторил Вьюха, теперь уже в памяти генерала. – Гарантирую».

– Высадка Кешаба сорвала операцию?

Генерал уже знал ответ. Да, сорвала. Как же иначе? Но он хотел услышать это от Вьюхи. Удивляться тут нечему, Вьюха ошибся. Вы взбеситесь, вот что должен был сказать антис. Вы взбеситесь, гарантирую.

– Нет.

– Что – нет?!

– Операция прошла планово.

– Повторите, пожалуйста. Сегодня я плохо соображаю. Давление, наверное. Значит, операция не сорвалась? Она завершилась успехом?

– Да.

– Натху взлетел? Так?

– Так.

У Бхимасены отлегло от сердца. Бойцы Марвари погибли не зря.

– Кешаб высадился на планету, но это не помешало Марвари спровоцировать взлет мальчишки?

Вьюха пожал плечами:

– Кешаб высадился на планету уже после взлета мальчика.

Жаркий ветер ударил в лицо Бхимасены. Достав платок, генерал вытер лоб и щеки, мокрые от пота. Он не знал, что ветер существует только в его воображении. Пот был настоящим, и хватит об этом.

– Он высадился с мальчиком? Он вернул его ларгитасцам?!

– Кешаб высадился один.

– Как один? А где Натху? Он с вами?!

– Нет.

– Где же он?

– Удрал.

Это было первое слово, которое сегодня произнес Капардин.

– И вы его не остановили? Где находился Кешаб в момент взлета?!

Капардин кусал губы.

– Рядом с нами. – Право голоса опять вернулось к Вьюхе. – Мы ждали ребенка втроем, как и обещали.

– И вы не остановили мальчишку? Не схватили его?

– Да.

– Почему?!

Страшная догадка озарила генерала. Почему? Да потому, что Кешаб Чайтанья, безумец или предатель, не позволил товарищам выполнить поставленную задачу! Лев и буйвол против восьмирукого великана? Картина вырисовывалась убийственная.

– Ребенок был не один.

– Кешаб, – выдохнул Бхимасена. – Будь ты проклят, Кешаб!

– Да, – согласился Вьюха. – Если Кешаб предатель, пусть будет проклят. Но я бы не торопился с выводами. Мы же не знаем, зачем он высадился на Ларгитасе.

– Он помешал вам захватить Натху!

– С чего вы взяли?

– Вы же сами! Вы же сами только что...

– Что я сам?

– Вы сказали, что ребенок был не один!

– Сказал. С мальчиком была стая флуктуаций, та, которой он верховодил. Помните?

У Бхимасены отлегло от сердца. Инфаркт, подумал он. Когда так

отлегают от сердца, инфаркт на пороге. «Вы удивитесь, – отдалось эхом. – Гарантирую». Вьюха не ошибся. Генерал удивился, но не слишком.

– Стая? Исключительная преданность для флуктуаций.

Сарказм обернулся презрением.

– И вы испугались какой-то стаи? Трое антисов?!

– Вы идиот, – хрипло произнес Капардин. Антис перестал хрустеть пальцами. Вместо этого он сжал их в кулаки, белые от напряжения. – Вам пора в отставку.

Вьюха повернулся к товарищу:

– Нет, он не идиот. Забери свои слова обратно. Просто он не знает того, что знаешь ты. А мы боимся раскрыть ему правду. Мы боимся, вот и тянем кота за хвост.

– Я не боюсь, – буркнул Капардин.

– Тогда говори ты.

– Нет, лучше ты. Я не боюсь, но лучше ты.

Я не идиот, мрачно отметил генерал. Жизнь определенно налаживается.

– Нас было трое. – Вьюха подошел к генералу вплотную. Дыхание антиса пахло мятным эликсиром для зубов. – Я, Кешаб, Капардин. Их тоже было трое. Я не имею в виду стаю. Стая – чепуха, пустое место. Их было трое: мальчик и двое взрослых антисов. Один – брамайн, во всяком случае по спектру и внешнему виду. Другой... Мы не знаем, кем был другой. Я впервые видел антиса с таким спектром. А если я впервые видел его, если его персональный волновой слепок отсутствует в реестре Шмеера – Полански...

– Ларгитасец, – выдохнул генерал.

– Да. Взрослый ларгитасский антис. Слепка антиса-брамайна тоже нет в реестре, будьте уверены.

– Вы проверяли?

– Будьте уверены, – с нажимом повторил Вьюха. – Если я говорю, что нет, значит нет.

– Но тогда выходит...

Ларгитас, вздрогнул Бхимасена. Короли науки, герцоги технологий. Нельзя недооценивать врага, эта ошибка может выйти боком. Пока мы тянули резину, готовясь к операции захвата, Ларгитас разобрал драгоценного мальчишку по клеточкам, по цепочкам ДНК. Гуру-махараджа, ты мечтал стать антисом, не родившись антисом? Яйцеголовые мужи Ларгитаса добились этой цели раньше тебя! Мальчик – результат спаривания техноложца и брамайни. Вот вам триумф сразу по двум

линиям, отцовской и материнской: антис-ларгитасец и антис-брамайн!

– Полагаю, – казалось, Вьюха прочел мысли генерала, – что взрослые антисы готовили мальчика ко второму взлету. Точно так же мы в свое время готовили Кешаба...

– Мы, – эхом откликнулся Капардин. – Точно так же.

– Извините, генерал, мы не смогли.

– Не смогли, нет.

– Вернуть мальчика на родину – это одно дело. А ввязываться в бой с ребенком, обезумевшим после нападения на бункер...

– ...с ребенком...

– ...со стаяй флуктуаций, считающих его вожаком...

Дернулся костистый кадык. Вьюха подавился тем, что хотел сказать, сглотнул и все-таки закончил:

– ...и с двумя антисами сопровождения?

– Вы что, даже не попытались?!

– Мы даже не попытались, генерал. Повторись это еще раз, и мы опять не сдвинулись бы с места. Будь здесь Кешаб, он сказал бы то же самое.

– Почему?

– Антисы не воюют друг с другом.

– Вы действительно так думаете?

– В этом нет сомнений.

Бхимасена отошел к парапету, огораживавшему смотровую площадку. Оперся на перила спиной, лицом к антисам. За Вьюхой и Капардином, в центре мемориальной композиции, высился памятник героям 1-го Чайтранского флота, павшим в битве с захватчиками. Скульптор воздвиг монумент в виде боевого корабля, идущего на взлет, но поверх накинул покрывало из камня, искусно имитируя складки ткани. Корабль пытался освободиться из плена, рвался ввысь. Покрывало гасило мятежный порыв, удерживало на месте, хоронило и корабль, и экипаж в своей душной безжизненной глубине.

– Антисы не воюют друг с другом. – Генерал смотрел на Вьюху с Капардином так, словно ждал, что лев с буйволом вот-вот сцепятся в смертельной схватке. – Да, конечно. Кешаб сказал бы то же самое. А что скажет Кешаб, когда ларгитасцы поставят изготовление антисов на конвейер? Что скажете вы, когда эскадры Ларгитаса стартуют в сопровождении антического конвоя?! Когда *велеты* Ларгитаса начнут жечь наши корабли?! Вам мало союза Ларгитаса и Помпилии? Добавьте к этому ларгитасских антисов, еще вчера – обычных людей, граждан и патриотов, не связанных вашими предрассудками! Если то, что я услышал, – правда, у

половины из них будет брамаинский спектр. Воплощения богов Чайтры и Вайшакхи начнут жечь звездолеты Вайшакхи и Чайтры! Что вы скажете тогда, а?! Предложите пойти на мировую? Или дадите совет ударить первыми? Прямо сейчас, пока с Ларгитаса не взлетели новые антисы?!

Он отвернулся, глядя на город.

– Не верю, – прошептал генерал Бхимасена. – Нет, не верю.

Но придется, мысленно добавил он.

Корабль позади генерала рвался из каменного плена. Корабль знал, что его протест безнадежен, и все равно боролся до конца. Антисы не воюют, вспомнил Бхимасена. Антисы не воюют, если они не защищают Родину. Во время разгрома под Вайшакхой брамаинские антисы отказались вступить в бой с армадами рабовладельцев. Сейчас об этом старались не вспоминать.

Контрапункт

Похоронная команда, или Конец связи

Мой сын Гай научился драться в детском саду. На этом пути он был не одинок, остальные мальчишки дрались точно так же, но реже и с меньшим успехом. Воспитательница сделала Гаю выволочку. На следующий день я заехал за сыном, желая забрать его пораньше, и увидел такую картину. Мрачный Гай Октавиан Тумидус, мужчина в почтенном возрасте пяти лет, расхаживал по игровой комнате в одиночестве, заложив руки за спину. Он старался не подходить близко к соратникам, бросал на них гневные взгляды и бурчал под нос:

– Нет, ну я себя уже хорошо веду! Я исправляюсь...

Сейчас я с полной уверенностью могу сказать: «Мальчик мой! Горбатого могила исправит».

*Из воспоминаний Луция Тита Тумидуса,
артиста цирка*

– Ну не знаю, – сказал консуляр-трибун Тумидус.

Он щелкнул пальцами, выражая свое отношение к ситуации.

– Чего вы так нервничаете?

Две сестры-злодейки терзали консуляр-трибуна: жара и déjà vu. Ситуация, с которой начался мучительный путь Тумидуса к спасению Папы Лусэро, повторялась в мелочах. В номере было жарко. Кондиционер пыхтел, как импотент над шлюхой, без малейшей пользы. Светилась голубым рамка гиперсвязи. Казенные средства расходовались на пустую болтовню. Да, еще трусы. Вместо того чтобы хвастаться перед Ойкуменой новенькими погонами с парой семиконечных звезд на каждом, консуляр-трибун сидел на диване самым пошлым образом – в сатиновых трусах, красных в белый горошек. Он так устал, что ему лень было даже настраивать рамку. Если раньше гипер в любом ракурсе транслировал собеседникам благородное лицо Тумидуса, то сегодня зрителям предлагался весь сопутствующий комплект: грудь, живот, ноги.

Пусть любуются, подумал Тумидус. В следующий раз возьму за это

деньги.

– Ты не понимаешь, – сказала Рахиль Коэн, лидер-антис расы Гематр. Усиливая ощущение *deja vu*, гематрийка процитировала ту фразу, с которой начала прошлый разговор. – Ты не родился антисом. Ты не понимаешь, а я не смогу тебе объяснить.

– Попробуй, – предложил Тумидус.

– Хорошо. Чего ты добиваешься, издеваясь над Папой?

– Я? Издеваюсь?!

Слова Рахили ударили кулаком под ложечку. У Тумидуса перехватило дыхание.

– Конечно. А что ты делаешь, по-твоему?

– Идиотка! Я его спасаю!

«Идиотка» была лишней. Тумидус сразу пожалел о сказанном. Реакции на стресс у него с детства шли в таком порядке: бить, оскорбить, найти решение. Хорошо, что Рахиль в далеком далеке, а не здесь, в номере. Бить женщину – позор, бить антиса – самоубийство. Хотя Папа в тюрьмах дрался и бит бывал, и ничего...

Папа. Она сказала: издеваюсь.

– Идиотка, – повторил Тумидус, сдвинув брови. – Клиническая.

И добавил, не в силах сдержаться:

– Тебе лечиться надо.

– Надо, – согласилась Рахиль. – У меня песок в почках. Я хочу сесть на диету, а ты мешаешь.

– Я?! Каким это образом?!

– Ты заставляешь меня нервничать. Когда я нервничаю, я не могу без сдобы. Вероятность того, что после нашей беседы я съем булочку с изюмом, – восемьдесят шесть и три десятых процента.

– Не морочь мне голову. Гематры не умеют шутить.

– Откуда ты знаешь?

– У меня отец клоун. Я на юморе собаку съел.

– А нервничать гематры умеют?

Тумидус открыл было рот – и закрыл, не издав ни звука. Он не знал, что ответить.

– И все-таки, – спросил Нейрам Саманган, лидер-антис расы Вехден. – Чего ты добиваешься?

Никогда раньше Нейрам не объявлялся в рамке при связи по гиперу. Собеседникам приходилось довольствоваться звуком его голоса. Тумидус полагал, что это один из миллиарда запретов, которыми славилась раса Хозяев Огня. Нельзя справлять нужду на открытую землю, ха! На этот раз

Нейрам включил изображение, демонстрируя, что Тумидус заблуждался насчет запретов. Вот же скотина, отметил Тумидус. Смуглый атлет с волосами цвета слоновой кости, вехденский антис тоже был раздет до трусов. Его вид заставил консуляр-трибуна устыдиться своей груди, живота, ног и так далее.

– А ты? – Тумидус пошел в атаку. – Чего добиваешься ты? И ты, Рахиль? Кстати, где Кешаб?! А, не важно. Все вы – одна порода. Все сидите на круглой заднице и ждете у моря погоды. Вот пробьет Папин час, тут вы и объявитесь – держать беднягу! Похоронная команда! Могильщики!

– Замолчи, – попросил Нейрам. – Ты сильно рискуешь.

– Чем? Ты прилетишь на Китту и набьешь мне морду? Прилетай, я съем тебя без соли со всеми твоими мышцами.

– Я не стану с тобой драться.

– Не станешь? Ты сожжешь меня «горячим стартом»? Сколько угодно!

– Идиот! – взорвался Нейрам, вернув Тумидусу его оскорбление, адресованное Рахили. – Тупой солдафон! Ты мучаешь его! Мучаешь несбыточной надеждой! Раз за разом крах за крахом! Какой ты друг? Ты палач! Дай Папе спокойно умереть!

– Спокойно?

Консуляр-трибун вскочил. Пальцы сжались в кулаки, затылок втянулся в плечи. Впору было поверить, что помпилианец сейчас прыгнет в рамку – и вынырнет на Тире, чтобы вцепиться Нейраму в глотку.

– Значит, спокойно? Ни фиги себе вы спокойно помираете! Обзавидуешься! Кретин, тебе огонь последние мозги выжиг? Спокойнички! Я хоть пытаюсь что-то придумать, а вы? Хватаете меня за руки? Ах, злобный рабовладелец, он так мучает нашего бедного Папу...

– Замолчи, – повторил Нейрам.

Голос вехдена превратился в шипение гадюки.

– Рефлекс! – Призыв замолчать пропал зря. – Ваш проклятый рефлекс!

Тумидус уже не кричал. Он орал благим матом, срывая связки:

– Антис взлетает при угрозе физической смерти? Надо подавить этот рефлекс! Не можем поднять Папу в космос? Значит, надо позволить ему спокойно умереть на планете. По-настоящему спокойно, а не так, как вы себе это придумали! Должны быть способы торможения рефлекса! Если есть возбуждение, обязано быть торможение...

– Это для условных рефлексов, – вмешалась Рахиль. – Рефлекс взлета при угрозе смерти – безусловный.

– Условный рефлекс подавляет безусловный. Мы же не срем, когда приспичит? Мы терпим, идем в туалет. Не трахаемся, когда встает? Мы

выясняем, согласен ли партнер. Уединяемся, закрываем двери...

– Не взлетаем, когда попадаем под грузовик, – перебил Нейрам. Атлет кипел от гнева. Держать себя в руках было для него пыткой. – Мы лежим, смотрим в небо и строим дурацкие гипотезы. Ты специалист? Врач? Рефлектолог?! Нет, ты генерал из армейских анекдотов. Срем, трахаемся... Вот и все твои рефлекссы!

– Я тебя не устраиваю? Хорошо, я и себя-то не очень устраиваю. Обратитесь к специалисту! К профессору Штильнеру, академику Полански! К Юлии Руф, наконец!

– К Юлии Борготте, – поправила дотошная Рахиль. – По мужу она Борготта.

– По мужу она стихийное бедствие!

– При чем здесь Юлия? – процедил Нейрам. Он побледнел, лоб антиса усеяли капли пота. – Чем Юлия поможет Папе? Она никто, и звать никак.

Тумидус знал, что бьет ниже пояса. Знал и ударил:

– Ну тебя же она сумела превратить в робота?^[8] Накачала рабством по самые уши! Мало ли, вдруг и с Папой что-нибудь придумает.

Рамка погасла. Когда голубой свет вспыхнул снова, на связи была одна Рахиль.

– Тебе мало врагов? – спросила гематрийка. – Нейрам не отвечает на вызов.

– Летит ко мне? – взорвался Тумидус. – Пусть летит!

– Никуда он не летит. Он переваривает тот яд, который ты ему предложил. Что ты имел в виду, говоря о рабстве? Ладно, молчи. Я об этом ничего не знаю и не хочу знать. У каждого из нас есть моменты, о которых лучше не напоминать. Думаешь, ты исключение?

Консуляр-трибун босиком прошлепал к бару, налил себе тутовой водки. Выпил залпом, потянулся за бутылкой – налить еще! – и едва не выблевал спиртное на ковер. Если верить этикетке, водка, гори она синим пламенем, была произведена на Борго. Планета в захолустье, где родилась беда, двадцать лет назад сломавшая жизнь штурмовому легату Тумидусу, – самый лучший алкоголь с Борго сейчас встал бы поперек горла.

Успокойся, велел он себе. Слышишь?

Вторая порция пошла лучше.

– Обратитесь к специалистам, – устало повторил Тумидус. – Запросите антические центры. Рахиль, ты не бессмертна. Ты, Нейрам, Кешаб. Однажды вы почувствуете, что умираете. Вы не сможете взлететь, даже если на вас наедет грузовик. Вернее, сможете. Но это будет та же смерть, просто дольше и мучительней. Папа мне все рассказал, не сомневайся. Я

хотел выстрелить ему в голову, а он сказал, что это не выход...

Тумидус представил, как это звучит, и пропустил еще стаканчик.

– Ты последняя? – спросил он. Опьянение не шло, консуляр-трибун мучился от беспросветной трезвости. В придачу начала болеть голова. – Рахиль, ты последняя, кто еще хочет со мной говорить?

– Удивительное дело, – произнесла Рахиль тоном, каким никто и никогда не говорит об удивлении. – Я нахожусь на Элуле, ты на Китте. Между нами огромное расстояние, которое я не считаю чем-то важным. Я – существо, которому, как полагаешь ты, чужды эмоции. Это не так, но я не хочу с тобой спорить. Говорить с тобой я тоже не хочу. Не хочу, но буду.

– Это не так, – возразил, а может, согласился Тумидус. – Ты не существо. Ты женщина. В остальном ты права. Почему вы не хотите обратиться к специалистам? Вот ты, лично ты, – почему?

Лицо Рахили надвинулось, заполнило всю рамку.

– Ты понимаешь, к чему это приведет?

– К спасению Папы?

– Вероятность того, что эксперты найдут решение проблемы, – шесть целых и девять сотых процента. Вероятность того, что правда о смерти антисов станет добычей новостных каналов, – девяносто два процента ровно. Сейчас об этом знают антисы, и то не все.

– Включая меня, – напомнил Тумидус.

– Включая тебя как члена Совета.

– Только антисы?

– Я не сказала «только». Да, не только. Еще спецслужбы разных рас. Высокие чины с соответствующим уровнем допуска. Думаешь, нам неизвестно о твоём племяннике? О его начальнице? Ты назвал меня идиоткой, Гай. Это неправда, и мы оба знаем, что это неправда.

– Хорошо, пусть идиотом буду я. Ты не боишься, что кто-то проболтается?

– Вероятность этого ничтожно мала. Я даже не буду забивать тебе голову цифрами. Эти люди лучше нас с тобой понимают, чем грозит Ойкумене обнародование такой опасной информации. Антисы не бессмертны? Не идеальны? Антисы умирают в мучениях? Это сродни крушению веры. Ойкумена утратит равновесие, и даже я не в силах рассчитать последствия.

– Катастрофа?

– Удачное слово. Да, катастрофа.

– А смерть Папы – не катастрофа?

– Нет. Смерть – это просто смерть, даже если умирает Лусэро

Шанвури. Однажды, как ты справедливо заметил, умру я. И это тоже не станет катастрофой. Мы смертны, это в порядке вещей. И даже то, что Совет антисов разваливается у нас на глазах, тоже в порядке вещей.

– Разваливается? Из-за меня?!

– Не преувеличивай свое значение, Гай. Всего лишь пришло время обновления. Кешаб Чайтанья, представитель от расы Брамайн, ведет себя неадекватно. Брамайнские антисы хотят сменить Кешаба на посту лидера. У них есть и свои причины, кроме безумия: предполагается измена.

– Кого они хотят на место Злюки?

– Вьюху. Это хороший выбор, но Вьюха колеблется. Нейрам Саманган, представитель расы Вехден, дико зол на Гая Октавиана Тумидуса, представителя от коллантариев. Вероятность того, что он потребует тебя заменить...

– Сто процентов. Даже сто десять.

– Очень смешно, Гай. В тебе просыпается чувство юмора гематров. Лусэро Шанвури, представитель расы Вудун, считай, утратил значение. Его преемник...

– Вы уже выбрали Папе преемника? Греее место в Совете?!

Тумидус вскочил.

– При живом-то Папе?! Рахиль, вы не идиоты. Вы мерзавцы...

– Папа сам выбрал себе замену.

– Кого же?

– Вы знакомы. Это Думиса М'беки.

– Думиса?

Малиновый костюм-тройка. Сиреневый галстук. Желтая оправа очков. Воронье гнездо дредов. По бокалу с пальмовым вином в каждой руке. Тумидус вспомнил Папу – бесконечный вояж по тюрьмам Китты за злостное хулиганство и нанесение телесных повреждений – и решил, что Думиса подойдет. А что? Приличный молодой человек, ни одной ходки...

– Его выбрал Папа, – повторила Рахиль. – Мы настаивали на последней проверке. Думиса ее прошел с успехом.

– Проверка?

– Информация о подлинной смерти антисов. Думиса воспринял ее без эксцессов.

– Это камень в мой огород?!

– Это факт.

Макушка головы, вся в туго крученных дредах, взлетает над забором. «Папа! – кричит незванный гость. – Ну Папа же!» Слепой карлик хлопает консуляр-трибуна – нет, тогда еще военного трибуна – по колену: «Это

М'беки. Спасать меня прибежал. Тоже, видать, осенило». Тумидус отмахнулся от воспоминания. Не надо, подумал он. Не будем разочаровывать Рахиль правдой о Думисе. Если что, мне пригодится член Совета антисов, который прибежал спасать Папу Лусэро. Папу, значит, меняют на Думису, Кешаба – на Вьюху...

Меняют, хотя оба еще живы.

Тонкий намек: учти, Гай, тебя тоже заменят, если не угомонишься! Станешь упорствовать – уйдешь из Совета, а после – из жизни. А что? Рискни я обнародовать тайну смерти антисов, обратиться к экспертам за советом – и рядом со мной приземлится Рахиль Коэн. Само хладнокровие и рассудительность, она сообщит мне о стопроцентной вероятности моей трагической гибели, после чего уйдет в волну «по-горячему», а безвременно скончавшийся Гай Октавиан Тумидус превратится в горстку пепла. Рахиль, ты будешь горевать? Как там у гематров с чувством сострадания?! Даже если я успею проболтаться, меня выставят психом, сгоревшим на службе, или изменником подстать Кешабу. Ойкумена проглотит, срыгнет и забудет. Великий Космос, в какую же задницу мы влезли с этим рождением мелкого антиса и смертью престарелого! Хоть иди присоединяйся к Кешабу с его безумием – встанем вдвоем против всех, спина к спине...

– Это факт. – Он взял уником. – Это камень, и это факт. В древности мы, помпилианцы, побивали камнями своих командиров – если те переходили все границы. Вы, гематры, наверное, побивали своих командиров фактами. Ужасная смерть, хуже не придумаешь. Конец связи, Рахиль.

Напьюсь, решил он. Напьюсь как свинья.

Нет, как молодой центурион в ночь после выпуска.

Глава восьмая

Врач, исцелись сам, или Медведь из вторых рук

I

– Врач не должен лечить самого себя. Особенно это верно в отношении психических патологий, таких как у нас с вами. Впрочем, у хирургов положение не лучше. Провести себе банальную аппендэктомию – та еще проблема...

– Полагаете, шри Сандерсон, мы имеем дело с патологией?

– Блокировка травматических воспоминаний? Разумеется.

Гюнтера трясло при одной мысли о недавней попытке «самолечения». Он не зря помянул аппендэктомию: пытаясь вскрыть заблокированный участок памяти, пси-терапевт Сандерсон примерил, что называется, халат пси-хирурга. В этой области у него опыта было с гулькин нос, но иначе не получалось: оболочка закапсулированного фрагмента памяти демонстрировала поразительную устойчивость к седативным и резорбирующим воздействиям. Будь у Гюнтера в запасе пара месяцев, а лучше полгода, он назначил бы себе курс аутотерапии и в итоге добился бы результата. Случай не уникальный, методики лечения известны. Нет, не назначил бы – обратился бы к коллеге, и дело в шляпе.

Время? Коллега? Пустые мечты.

Интуиция врача подсказывала: заблокированный периметр, скрывающий воспоминания о взлете, необходимо вскрыть как можно скорее. Почему такая спешка? Этого Сандерсон не знал, но предчувствия редко подводили менталов. Хороший пси-хирург легко справился бы с задачей. Гюнтер не был психиром – ни хорошим, ни даже посредственным, – к тому же он резал по живому самого себя. Из разреза, который стоил молодому человеку уймы седых волос, ударил поток ужаса – черного, ледяного, безусловно-рефлекторного, о котором писал Фердинанд Гюйс:

«Надо быть большим мастером, чтобы взломать защиту мощного эмпата. Но вдвое больше мастерства понадобится вам для того, чтобы справиться с ответным ужасом, который шарахнет по вам из всех орудий. Из ваших же собственных орудий, заметьте».

Может ли Бог создать камень, который сам не сумеет поднять? О,

Гюнтер Сандерсон не был Богом. Со своим ужасом он не справился. Он позорно бежал, преследуемый по пятам кошмарными видениями смертей, своей и сыновней, лютым холодом, испепеляющим жаром, тошнотворным смрадом, конвульсивными спазмами в желудке и ослепляющей болью.

Честно говоря, Гюнтер был удивлен, что память не заблокировала и это воспоминание.

– Предлагаете мне стать вашим пациентом? – Брамайн оказался понятливым. – Хотите залезть ко мне в голову? Добраться до недоступных воспоминаний?

– Да. Но для этого нужно ваше согласие. Согласие и содействие.

– Вы можете это сделать силой? Без моего согласия?

– Даже без вашего ведома. Ну, до определенных границ. Могу, но не стану.

– Врачебная этика? Диктат морали?

– Не ваше дело. В случае вашего добровольного сотрудничества я поделюсь с вами всем найденным. Более того, я стану делиться прямо в процессе. Мы с вами все переживем одновременно.

– Гарантии?

– Никаких. Если я захочу обмануть вас, я обману. Вы должны ясно представлять себе ситуацию, прежде чем согласиться или отказаться.

Брамайн закрыл глаза. Казалось, он заснул – нет, умер, потому что Гюнтер, как ни старался, не мог обнаружить признаков дыхания. Лишь черный трезубец на коленях террориста слабо подрагивал, словно хотел уползти в кусты. Колебания брамайны были понятны: Гюнтер бы тоже сто раз подумал, предложи ему сотрудничество заклятый враг. Вокруг двоих мужчин кругами бродил Натху, топча землянику. Бродил, косился на отца с йогиним: в гиганте-питекантропе скрывался мальчишка, которого до смерти интересовало, чем заняты взрослые. Спросить мальчик не решался, чувствовал: сейчас не время. Эмпат, вздохнул Гюнтер. Будь ты, парень, постарше да пройди ты хоть первичное обучение, при таком ассистенте я бы точно справился.

– У меня есть условие.

Гюнтер подскочил как ужаленный. Слова брамайны застали его врасплох.

– Какое?

– У меня сложилось впечатление, что вы честный человек. Вы дадите мне слово, что не станете вторгаться в другие области моей памяти. Вы вскрыете заблокированный участок и сделаете для меня доступным все, что там хранится. Абсолютно все, без исключений.

– Даю слово.
– Вы не тронете ничего сверх того.
– Не трону.
– А если вы сочтете это необходимым?
– Я попрошу у вас разрешения на любые дополнительные действия.
– Сколько времени займет операция?
– Три минуты до закапсулированных воспоминаний. Три минуты после. Я имею в виду реальное время. По субъективному времени у нас пройдут часы.

– Вы дали слово, шри Сандерсон. Что требуется от меня?
Что я делаю, запоздало ужаснулся Гюнтер-невротик. Что?! Собираюсь лезть в мозг враждебно настроенного энергетика? Находясь вместе с ним в волновом теле?! Нет, я правда собираюсь это сделать?!

Правда, буркнул Гюнтер-медик. Соберись, тряпка.

Работаем.

– Успокойтесь, гуру-махараджа. Расслабьтесь...

Проклятье! Брамайнское обращение, украденное у террориста в начале их знакомства, выскочило само, раньше, чем Гюнтер осознал его недопустимость. Сейчас брамайн пошлет идиота-врача в глубочайшую задницу Ойкумены...

– Пожалуйста, – террорист улыбнулся, – не называйте меня так. Вы не мой ученик, между нами нет отношений наставника и последователя.

– Как мне вас звать?

– Шри Горакша. Нет, для вас это трудно, слишком много шипящих. Зовите меня Вьясой.

– Вьясой-джи?

– Вы и это стянули? Поздравляю, вы отличный телепат. Приставка «джи» – на ваше усмотрение. Я не настаиваю.

– Что она значит?

– Уважение.

– обойдемся без приставок. Расслабьтесь, Вьяса. Я буду очень осторожен...

Гюнтер-невротик сообразил, что почти дословно повторяет увещевания доктора Йохансона, когда тот сканировал память кавалера Сандерсона. Что из этого вышло, лучше и не вспоминать. Гюнтер-медик решительно отсек непрощенный мнемовсплеск.

– Главное, не сопротивляйтесь. Оставайтесь безучастным. Вы умеете быть безучастным?

– Я постараюсь, – кивнул брамайн.

Насмешка, отметил Гюнтер. Беззлобная.

– Представьте, что все это происходит с кем-то другим. Вы лишь наблюдаете со стороны. Готовы?

Брамайн сел, скрестив ноги так, что у Гюнтера заболела поясница, и смежил веки. Натху уселся напротив, повторив позу террориста, и с неподдельным интересом уставился на брамайна.

– Натху?

– Папа?

– Я хочу помочь этому человеку. Он должен вспомнить, что с нами случилось. Пожалуйста, будь рядом. Но не вмешивайся, пока я не закончу. Хорошо?

– А можно, я посмотрю?

– Конечно смотри!

Вопрос мальчика можно было истолковать двояко, но Гюнтер понял это с опозданием. Менталы смотрят по-разному! Увы, разрешение прозвучало. Пускаться в объяснения Гюнтер не стал, надеясь, что пассивное наблюдение не повредит предстоящей работе.

– Я готов, – напомнил брамайн.

– Приступаю.

Приступаю. Иду на приступ. Нет, приступы нам не нужны. Сперва – разведка местности...

Он поднес к губам свирель. Тихая колыбельная пролилась на траву, пестреющую ягодами. Поток струился, постепенно набирая силу. Гюнтер растворился в мелодии, ручей подхватил его и понес к Вьясе. Брамайн надвинулся, вырос до небес. Открылась пещера исполинского уха, в ней темнело отверстие слухового прохода.

Увлекаемый журчанием свирели, кавалер Сандерсон скользнул внутрь.

II

Его оглушили шипение и треск.

В глубине тоннеля мерцали, приплясывали, извивались синие змеи молний. От змей исходил острый запах озона. Энергетические каналы густой сетью пронизывали тело и сознание Вьясы, составлявшие единый волновой комплекс. С большой осторожностью Гюнтер пробирался сквозь змеиное кубло. На спецкурсе по работе с энергетиками ему в свое время довелось прогуляться по разуму молодой вехденки. Ха! То был благоустроенный парк – в отличие от нынешнего лабиринта, полного

смертельно опасных ловушек. Энергетические каналы? Да, они были и там: жалкие искры в сравнении со здешними разрядами, готовыми испепелить наглеца, посмевшего вторгнуться в святая святых!

Наконец мелодия влилась в симфонию – широкую реку. Глубокие темные воды меж берегов, оплетенных фосфоресцирующими корнями, текли спокойно, величаво. Иногда в реке возникали завихрения, водовороты, краткий всплеск поднимал облако брызг – и все успокаивалось. Горсть брызг попала на лицо Гюнтера, и его накрыла мешанина чувственных образов. Оглушающая жара. Аромат благовоний. Замерли на молитве ряды голых монахов. Вонь прогорклого масла. Вкус топленого молока на губах. Вибрация басовых струн. Гомон толпы. Храм возносится к выжженному солнцем небу. Бородач в сером вскидывает лучевик...

Нельзя!

Это случайность!

Я дал брамайну слово!

Торопясь, кавалер Сандерсон отер брызги с лица. Видения поблекли, выцвели, исчезли. Впереди, по фарватеру движения, возник остров. Течение влекло Гюнтера прямо к нему. В каменной глыбе крылось что-то знакомое, вызывавшее страх, неприязнь, желание повернуть назад. Остров перегораживал реку, оставляя лишь узенькие протоки по краям. Опасно ускоряясь, вода клокотала, пенилась, в бессилии билась о ноздреватый камень, безжизненный и равнодушный, как...

Оболочка Саркофага на Шадруване!

Гюнтер-невротик содрогнулся. Саркофаг давно стал негласным символом фиаско ларгитасской науки. Бессилие менталов, бесплодность любых попыток... Вот именно, сказал Гюнтер-медик. Он положил ладонь на шероховатую поверхность камня и начал подъем на вершину острова. Символ, просто символ, никакой не Саркофаг. Игры подсознания – твоего, дружок. Брамайн о Саркофаге ни сном ни духом. Боишься, что задача окажется не по силам? Бояться неудачи – естественно. Как говаривали предки, глаза боятся, а руки делают.

Работаем.

На миг Гюнтер задумался: как происходит погружение *под шелуху* при ментальной работе в большом теле? Когда ты уже и так в галлюцинаторном комплексе? Иллюзия внутри иллюзии?

С раздражением он отсекал лишние мысли и сосредоточился. Раковина? Ага, вот ты где, красавица. Свирель ни к чему, тут нужен скальпель, да поострее! Режем послойно, на глубину не лезем – так вскрывают крупные

нарывы, чтобы гной порциями вытекал наружу. Поспешишь, напортачишь – в итоге получишь заражение крови.

Нам ведь этого не надо?

Он поднес раковину к губам. Верный тон был пойман со второй попытки. Низкий рокот ушел за пределы слышимости, в инфразвук, – Гюнтер всем телом ощущал исходящие из раковины разрушительные вибрации. В животе возник опасный жар, словно там включился термоядерный реактор, быстро выходя на критический режим. Иллюзия, напомнил себе Гюнтер. Галлюцинаторный комплекс. Легче не стало, напротив, жар распространился на грудь. По лицу катились крупные капли пота – система охлаждения не справлялась с переизбытком тепла.

Склон острова задрожал. По камню побежали трещины.

Гюнтер нашел в себе силы криво усмехнуться, продолжая дуть в раковину. Тут вам не Шадрован, тут мы на своей территории! Трещины покрыли камень густой сеткой. По склону потекли ручейки мелкой пыли. Там, где они касались поверхности реки, вода вскипала с яростным шипением. Большой участок склона просел, со зловещим шелестом сполз в реку. Взметнулся гейзер кипящего пара, в нем зароились тени. Река памяти на десятки метров вокруг окрасилась темной кровью. В ноздри шибануло гнилостным смрадом...

Гной хлестнул наружу.

Кошмары брамайнского подсознания были чужды Гюнтеру. И все равно он с трудом удерживался на вершине острова, ставшей вдруг скользкой, рискуя каждую минуту сверзиться в кровавые воды. Память бурлила, утратив прозрачность. Волны вздымались живыми утесами, берега заволокло ядовитым туманом. В тумане что-то двигалось, рушилось с натужным стоном.

Гюнтер закашлялся.

Сейчас брамайн захлебнется гноем собственного страха, сойдет с ума. Я переоценил свои силы, крикнул Гюнтер-невротик. Дренаж, закричал в ответ Гюнтер-медик. Срочно нужен кси-дренаж! Кавалер Сандерсон отчетливо представил, как дренажный катетер входит в место рассечения, как начинает работать вакуум-насос, откачивая гной из области блокады. Такие операции выполняет бригада врачей – или же те из менталов, кто прошел обучение на Сякко. Каждый сякконский выпускник – сам себе бригада из шести человек.

Прорвав пелену тумана, с неба рухнула колонна: ржавая сталь. Нет, не колонна – труба добрых трех метров в диаметре! Мелькнул косой срез черного жерла, труба с хрустом вошла в нарыв, откуда лился гной.

Послышался чмокающий, сосущий звук, в трубе громко забулькало.

– Папа? – эхом отдалось в голове.

– Натху?! Прекрати! Тебе будет плохо!

– Не-а!

В небесах чужого разума мелькнул образ сына. Натху ухмылялся, облизывался, гладил себя по округлившемуся животу – не питекантроп с дубиной, а проказливый мальчишка.

– Это яд! Нельзя!

Он погибнет, взвыл Гюнтер-невротик. Смена матрицы реакций, отметил Гюнтер-медик. Благословенные последствия «путанки» – мальчик переключился, сейчас Натху не человек, а хищная флуктуация континуума. Для таких человеческие эмоции – пища. Любые эмоции, без разбору. Ужас, боль, отчаяние – все будет усвоено и переварено.

Гюнтер представил зависть криптоидов, не допущенных к деликатесу, и нервно захихикал. Только истерики ему не хватало, да.

Труба жадно пульсировала. Временами по ней пробегали волны сладостной дрожи. Снаружи труба обросла редкими жесткими волосками – каждый длиной с Гюнтерово предплечье и в пару пальцев толщиной. Волоски топорщились, вибрировали: комариный хоботок при трехсоткратном увеличении. На миг Гюнтер представил себе не питекантропа, но комара-гиганта с мордой Натху – и едва сумел избавиться от мерзкого образа.

Переведя дух, он взялся за раковину. Река вокруг острова постепенно очищалась, волнение улеглось, ядовитый туман рассеивался. Мощный глас раковины превратил в крошку следующий слой скорлупы. Дренажный катетер ухнул вглубь. Он плямкал, всасывал, давился. И вдруг обиженно засипел, зафыркал – так пластиковая соломинка скребет по дну опустевшего бокала, когда пьяница силится всосать остатки коктейля, но втягивает лишь воздух. Хобот ворочался в поисках поживы. Гюнтер-невротик вступил в борьбу с рвотным рефлексом, а Гюнтер-медик задавил в зародыше гадкую мысль о том, чем, кроме звездной земляники, питался Натху все время, пока скитался по космосу со стаей криптоидов.

Издав неприличный звук, хобот вознесся в мглистое поднебесье и исчез.

С осторожностью сапера, склонившегося над таймером взрывателя, Гюнтер заглянул в пролом. Гной был удален насухо, на краях пролома собирались капли воды: прозрачные, чистые. Воспоминания брамайны? Те, до которых он стремился добраться? Почему их так мало? Возможно, если вскрыть еще один слой, удастся добраться до водоносного горизонта?

Гюнтер-невротик представил, как вместо воды навстречу хлещет новый поток отравы. Придет ли Натху на помощь еще раз? Справится ли?!

Давай, велел Гюнтер-медик. Не попробуешь – не узнаешь.

Он попробовал и узнал.

В глубине нарыва что-то звонко лопнуло. В лицо ударил горячий гейзер. Молодой человек захлебнулся, ослеп, оглох. Каким-то чудом он успел схватиться за край пролома. Гейзер извергался с неослабевающей упругой мощностью, хлестал, смешивался с водами реки. Под его напором Гюнтер не мог вдохнуть. Он терпел сколько мог, а потом не выдержал: открыл рот, и чужая горячая память, не успев остыть до приемлемой температуры, хлынула в него. Гюнтер закричал, забулькал, давясь обжигающим супом чужих воспоминаний. Поданные под ужасающим давлением, те гвоздями вбивались в желудок, нет, в рассудок кавалера Сандерсона.

Космос, взвыл Гюнтер-невротик.

Космос, отметил Гюнтер-медик. Да, это космос.

III

Брызги летят во все стороны.

– Срочно! Вызывает станция орбитального слежения «Око-три»!

– Центр-один на связи. Что у вас стряслось?

– Три волновых объекта вышли на орбиту Ларгитаса!

– Три волновых... Антисы?!

– Анализируем волновые слепки...

– Это антисы?!!

– Да, это антисы!

– Кешаб, Вьюха и Капардин?!

– Проводим сверку с атласом Шмеера – Полански...

– Поторопитесь!

– Нет! Это не они!

– Кто это?

– Данные в атласе отсутствуют!

– Повторите!

– Проводим повторную... Есть совпадение! Это Натху Сандерсон!

Повторяю: Натху Сандерсон! Двое других не идентифицируются...

Цвет: бело-голубой с прозеленью.

Звук: гул электромагнитного поля.

Движение: шар планеты удаляется.

Темп: *allegretto*^[9].

Слабеет, затихает позади плеск гравитационных волн. Лишь лучи сканеров, блеклые и немощные, тянутся вслед беглецам, обшаривают космическое пространство во всех мыслимых диапазонах.

Уточнение: во всех мыслимых с ущербной человеческой точки зрения.

Движение: сбоку надвигается шар поменьше.

Темп: *vivo*^[10].

На голой каменистой поверхности отблескивают купола гостиничных комплексов и развлекательных центров. Сона, естественный спутник Ларгитаса, вполне благоустроена. Из-за спутника выворачивает россыпь опалесцирующих клякс.

Чувственный характер: радость узнавания.

Уточнение: стая, свои! Нашли, дождались...

Чувственный характер: опасность!

Дополнения: тревога электрического разряда, кислый привкус ржавого железа.

Опасность!

– Говорит станция орбитального слежения «Око-два»! Флуктуативная активность на орбите Соны! Повторяю: флуктуативная активность...

– Фаг! Красный код! Повторяю: красный код!

– Это стая!

– Всем кораблям в секторе...

– Докладывает патрульный корвет «Фогель». Трое брамайнских антисов изменили курс следования и направляются к Ларгитасу. Передаю координаты на момент фиксации и вектор скорости...

– Всем станциям планетарного пояса обороны!..

Этих трое.

Восьмирукий великан купается в вихре отточенной стали. Огнегривый лев скалит клыки. Разъяренный буйвол, гора мускулов, в нетерпении роет копытом звездную твердь.

И этих трое.

Питекантроп взмахивает чудовищной булавой. Летят молнии с трезубца в руках аскета, облаченного в шкуру леопарда. Вскипает паникой раковина козлоногого сатира, хлещет наружу ядовитая пена. Стая спрутов

собирается вокруг вожака.

Питекантроп не принимает бой. Враги замешкались?

Движение: прочь!

Темп: presto^[11].

Чувственный характер: со всех ног.

На то и вожак, чтобы подчиняться ему без размышлений. Кто бы ты ни был – аскет, сатир, криптид, – комок волн и полей.

Динамика: вперед!

Нюансы: не отставать! Не теряться в черной бездне!

Чувственный характер: облегчение.

Резюме: поспевают. Не отстают.

– Всем кораблям ВКС Ларгитаса! Говорит адмирал Ван Фрассен.
Боевая тревога по системе! Повторяю: боевая тревога. Это не учения!

– Флотская группировка «Щит-три»!

– «Щит-три» на связи!

– «Щит-три», к вам движутся трое антисов и стая фагов!

– Штаб, вас не понял.

– «Щит-три», к вам движутся...

– Антисы преследуют фагов? Оказать содействие?

– «Щит-три», фаги следуют вместе с антисами.

– Штаб, вас не понял.

– Повторяю: ВМЕСТЕ!

Потрясенная пауза взрывает эфир.

– Штаб, наши действия?!

Ощущение: зуд, щекотка.

Цвет: охристо-желтый с фиолетовыми прожилками.

Движение: центральное светило удаляется.

Темп: allegro^[12].

Радиоволновой фон звезды: сквозь ровный золотистый загар кожи проступает рисунок вен. Космос весь пронизан волнами. Ничего общего с морем: волны на всю глубину. Разные: соленые, синие, шершавые. Бойкие содержат послания. Послания щекочут, кусаются, скребутся настырными жучками. Требуют: прочитай!

Чувственный характер: смешно!

Действие: читаю. Чешусь. Больше не зудят.

Темп: moderato^[13].

Вопрос: кто читает?

Личностные акценты: я читаю. Он читает. Мы? Они?!

Ощущение: насквозь!

Чувственный характер: странный.

Уточнение: интерес.

Действие: что-то прошивает навылет волновое тело.

Вопрос: луч? Волна? Импульс?

Чувственный характер: не больно. Не страшно. Удивительно.

Нюансы: след. Остался след.

Воспоминание: это называется гиперсвязь. Ее очень трудно перехватить. Невозможно?

Эхо: можно. Можно. Можно...

Личностные акценты: он читает. Они читают?

– «Щит-три»! Огонь не открывать! Как поняли?

– Штаб, вас понял. Огонь не открывать.

– Только наблюдение. Навести все средства!

– Вас понял. Есть наведение.

– Захват целей!

– Есть захват целей. Данные пошли.

– Передайте волновые слепки.

– Передаем.

– Они его уводят! Они уводят нашего антиса!

– Штаб, наши действия?

Тактильные ощущения: шершавость.

Уточнение: колется.

Впереди – россыпь изломанных глыб. Пояс астероидов. Среди глыб притаился хищный металл кораблей. Войска. Прячутся в горах. Энергия. Много энергии! Пища!

Засада!

Ощущение: опасность.

Эмофон: страх. Растерянность. Готовность.

Поправка: пассивная опасность.

Ощущение: касаются, трогают.

Десятки сканирующих лучей назойливо тянутся к беглецам, ощупывают, изучают.

Чувственный характер: раздражает. Не нравится.

Решение: обойти.

Нюанс: решение вожака.

Движение: разворот.

Темп: vivace^[14].

Пояс астероидов вместе с засадой, прячущейся в нем, уходит вниз и вправо, остается позади. Верх? Низ? Здесь нет таких понятий. Позади – есть. Впереди – есть. Впереди чисто. Щупальца сканеров слабеют, истончаются, отпускают добычу.

– Штаб ВКС Ларгитаса – командующему союзным контингентом ВКС Великой Помпилии. К вам приближаются три антиса в сопровождении стаи флуктуаций континуума...

– Повторите?!

– На связи «Шерхан». Докладывает капитан-рисалдар Джатасура. Приближаются три антиса и стая флуктуаций континуума.

– Установить личности антисов!

– Это Натху Джутхани и два неизвестных антиса. Их волновые слепки в атласе Шмеера – Полански отсутствуют.

– Запустить повторную проверку! Уточнить расовые характеристики!

– Выполняю...

Звук: гудение.

Сравнительный ряд: осиное гнездо, силовой трансформатор.

Усиление: два осиных гнезда, три силовых трансформатора.

Эмофон: напряжение. Готовность.

Ощущение: опасность! Опасность!! Опасность!!!

Две исполинские когтистые лапы проступают сквозь хаос радиоволн, через лихорадочное мерцание силовых полей. Лапы состоят из десятков боевых кораблей. Острые когти искрят в нетерпении. Они готовы извергнуть плазменную смерть, вцепиться друг в друга – враг во врага. В любого, кто окажется в пределах досягаемости.

Почему мы летим туда?! Это безумие!

Движение: лапы приближаются.

Курс: прежний.

Темп: tempo di marcia^[15].

– На связи трирема «Акрис». Докладывает классикус-примипил Клелий. Из двух антисов, сопровождающих Натху Сандерсона, один имеет

четко выраженный брамайнский спектр! Спектр второго, а также личности обоих идентифицировать не удалось.

– Всем кораблям! Приготовиться к отражению атаки брамайнов с участием антисов! Защиту на максимальную мощность! Разобрать цели. Огонь только по команде!

– ...антис с неизвестным типом спектра. Предположительно, это может быть ларгитасский антис!

– На связи флагман-линкор «Агни». Всем кораблям! Приготовиться к отражению атаки ВКС Помпилии и Ларгитаса с участием антисов! Защиту на максимальную мощность! Разобрать цели. Огонь только по команде!

Две армии выстраиваются на горном плато. По краям – обрывы, впереди – растрескавшиеся от ветра и времени зубцы скал. Боевые колесницы против боевых колесниц. Закованные в броню элфранты против элфрантов, закованных в броню. Конница против конницы. Пехотная «черепаха» – против пехоты, выстроившейся «Стрелой Рудры». Катапульти против баллист...

Флоты ВКС Брамайнского Содружества и Великой Помпилии. Триремы и корветы, квадриремы и фрегаты, гексеры и крейсера – батарейные плазматоры, волновые орудия, сифонофоры, когерентные излучатели. Нужна лишь искра, чтобы армады извергли огонь и смерть и пожар вспыхнул.

Искра несется к дровам, сложенным для костра.

- Сбой наведения!
- Флуктуативные помехи!
- Критические искажения континуума!
- Отказ гиперсвязи!
- Рассинхронизация систем!
- Перейти на ручное управление!..

Цвет: сталь и киноварь.

Звук: свист ветра в ушах.

Уточнение: уши закладывает.

Движение: скалы надвигаются.

Темп: prestissimo^[16].

Предчувствие: разобьемся!

Нюанс: в лепешку.

Они мчатся так, что земля дрожит под ногами. Пространство идет рябью. Моргают звезды. Меж двух флотов. Меж двух огней. Между смертью и смертью. Горное плато, боевые корабли. Фактура космического пространства. Реальность волн и лучей. Реальность галлюцинаторного комплекса. Все смазывается в нечеткие серые линии. Пунктирные проблески цвета и света. Питекантроп, сатир, аскет, стая криптидов. Они несутся в тоннеле призрачной трубы, упирающейся в скалы.

Нужна лишь искра, чтобы армады извергли огонь и смерть и пожар вспыхнул.

Клыки утесов хищно скалятся, предвкушая поживу. В скалах разверзается жадная пасть. Пасть? Проход! Путь вперед!

Выход!

Спасение.

Червоточина пространства.

Уточнение: мигающая червоточина.

Вопрос: неужели искажения континуума, вызванные их стремительным движением, открыли путь? Знал ли об этом вожак? Догадывался? Чуял?

Ответ: не важно.

Факт: беглецы ныряют в тоннель.

Цвет: все цвета. Ни одного цвета.

Звук: тишина. Визг. Есть. Нет. Есть-нет.

Движение: куда-то.

Темп: понятие утратило смысл. От *largo*^[17] до *prestissimo*. Зависит от системы координат. Или не зависит.

Чувственный характер: дух захватывает.

Время: миллисекунда вечности.

Звук: чпок!

Обоснование: из червоточины вылетаешь, как пробка из бутылки.

Местоположение: где-то.

Цвет: радуга.

Ощущение: удрали! Оторвались!

Нюанс: кажется...

Движение: по инерции.

Уточнение: хватит надолго.

Темп: *animato*^[18].

Дождь над далекими горами. Метеорный? Радиационный?

Нюанс: не важно.

Радуга в полнеба. Цветущая долина. Ущелье. Гонятся? Нет? Ручей на дне ущелья. Звон воды, прохлада, свежесть. Река. Переправа?

Движение: вдоль реки.

Движение: гибкие тени в воде. Опасность?

Новый тоннель в скалах.

Тьма.

Свет.

Одинокий пик цвета слоновой кости. Вершина сияет золотом. Земляничные поля. Гудят пчелы.

Привал!

– Фаг! Извините, парни...

Гюнтер покосился на обступивших его криптидов. Похоже, фагам извинения не требовались. Питекантроп развалился на траве, сунув под голову булаву. Живот Натху заметно округлился. Наверное, следовало бы проявить строгость к сыну. Сказано же было: не вмешивайся! Полез, куда не просили...

Нет, просили. Отчаянно нуждаясь в дренаже, Гюнтер помимо воли представил себе весь процесс в деталях – и сын воспринял это как крик отца о помощи.

– Спасибо. Я бы без тебя не справился.

Ничуть не покривив душой, Гюнтер подкрепил слова чувством искренней благодарности. Кажется, это был оригинал, не модель.

– Ты зови. – Лицо мальчика осветила смущенная улыбка. – Если надо, зови. Хорошо?

– Хорошо, договорились.

Пора, решил Гюнтер. Он как мог оттягивал этот момент, но ничто нельзя оттягивать вечно. Тряслись руки. Подламывались колени, выгнутые по-козлиному. Хотелось лечь и закрыть глаза. Сеанс вскрытия выжал Гюнтера до капли, выкрутил, как прачка – тряпку. Хотелось лечь, но лечь было нельзя.

– Я виноват перед вами. – Кавалер Сандерсон повернулся к брамайну, встретился с внимательным взглядом темных глаз. – Я не сдержал слово. Примите мои глубочайшие извинения.

– В чем именно, шри Сандерсон?

Брамайн закашлялся. Вскрытие ментального блока ему далось, что называется, потом и кровью.

– Я обещал не трогать другие области вашей памяти. Увы, когда блок прорвало, я потерял контроль. Ваша память? Я себя не помнил! Меня накрыло, все смешалось... Ваши воспоминания, мои, Натху...

Мальчик кивком подтвердил: да, так и было.

– Во время бегства мы перехватывали радиопередачи, сообщения по гиперу, чужие эмоции... Наверняка я зацепил то, что обещал не трогать! Еще раз прошу меня извинить. Случай уникальный, но меня это не оправдывает.

– Я удивлен. – Брамайн тщательно подбирал слова. – Нет, я изумлен.

– Чем? Нарушением обещания?!

– Тем, что вы сохранили рассудок в этом хаосе, шри Сандерсон. Если вы видели, если вы переживали то же, что и я... Ваши извинения приняты. Вы сделали все, что смогли, и даже больше. Я вам благодарен.

Гюнтер чувствовал: это не просто вежливость. Благодарность и уважение отчетливо сквозили в эмоциональном спектре аскета.

– К тому же, шри Сандерсон, вы сумели вскрыть и собственную память. Там были и ваши воспоминания, так?

– Ментальный резонанс, – пробормотал Гюнтер. Мысли путались, клонило в сон. – Общность переживаний. Я на это не рассчитывал... Да, я тоже помню наш полет.

Он действительно помнил. А ну-ка еще разок, велел Гюнтер-медик Гюнтеру-невроту. Соберись, тряпка! Пробежавшись заново по вскрывшемуся участку воспоминаний, кавалер Сандерсон вздохнул с облегчением. Кажется, мы никого не пришибли во время суматохи. Война! Не спровоцировало ли их бегство сражение между помпилианцами и брамайнами?! И, как следствие, полномасштабную войну?! Два боевых флота, готовые открыть огонь...

Чем дело кончилось?!

– Ваш успех, шри Сандерсон, впечатляет. Даже принимая во внимание, что он частичный...

– Частичный?! – вскинулся Гюнтер.

– Мы теперь помним, как оказались здесь. Но мы не помним, что произошло в бункере. Момент выхода в большое тело – он от нас скрыт по-прежнему.

Правота террориста била под дых.

– Вынужден с вами согласиться. Боюсь, для этого потребуется повторная операция. Блок внутри блока? Что-то настолько шокирующее, что мозг возвел двойной периметр защиты?

Гюнтеру вспомнился Саркофаг на Шадруване.

– Повторная операция? – Брамайн пожал плечами. – Вы за нее возьметесь?

– Только не сейчас!

– Разумеется.

Улыбка тронула губы аскета, и все недавнее чувство вины, все робкие намеки на возможность взаимопонимания сгорели в пламени ярости. Тварь, ты еще и улыбаешься! Убийца, похититель детей! Нашел себе личного врача?! Угомонись, вмешался Гюнтер-медик. Ты не в себе, у тебя стресс. Гюнтер-невротик не внял голосу разума. Врач? Будет тебе врач! Целая бригада врачей! Психилов высшей квалификации! Уж Тиран ради такого

случая расстареется! А кавалер Сандерсон с удовольствием подскажет, к кому лучше обратиться. Вскроют как миленького, без всяких условий. Хочешь узнать, что случилось в бункере? Вскрытие покажет!

Мы – коллант, вспомнил Гюнтер-медик. Брамайн сказал, что мы – коллант. Гюнтер-невротик злобно ухмыльнулся. Брамайн вдобавок сказал: друг от друга нам никуда не деться...

– Не пора ли домой, Натху?

– Домой?

Похоже, подобная мысль до сих пор не приходила мальчику в голову. Гюнтер с удовольствием отметил, как напрягся сукин сын брамайн. Тревога, растерянность, возбуждение зверя, почуявшего засаду, – букет эмоций, исходящих от аскета, шибал в голову лучше вина. Ты все понял, Вьяса? – мысленно спросил Гюнтер, следя, как террорист подвигает ближе искрящий трезубец. Ты же все понял, да? Давай, приятель, разорви связь. Останься здесь или попробуй сбежать. Выбор за тобой: погибни, но не сдайся! Мы погибнем оба? Или только тот, кто не последует за Натху? Выпасть в малое тело, найти смерть в космическом вакууме...

Не боюсь, понял Гюнтер. Отбоялся на сто лет вперед.

От брамайна тоже не веяло страхом.

– Домой, Натху. Куда же еще? Там хорошо, безопасно, уютно...

Он хотел добавить «сытно», поглядел на раздувшийся живот сына и передумал. Вместо этого Гюнтер отправил Натху мысленный образ дома, щедро раскрашенный эмоциональным позитивом и пахнувший соленым лещом, – так начался наш с тобой контакт, помнишь, Натху?

– Безопасно? – переспросил питекантроп. – Дом – значит безопасность?!

Мальчик словно пробовал слово на вкус.

– Да! – Гигант вскочил на ноги. – Домой!

Подхватив булаву, он припустил к горизонту, туда, где двигались зубцы часового механизма – бродячие утесы.

– Натху? Стой!

Откуда и силы взялись? Проклиная все на свете, выкрикивая слова, слабо предназначенные для детских ушей, Гюнтер рванул за сыном.

V

– У меня был такой же, – сказал Кешаб Чайтанья. – Точно такой же, только серый.

В руках антис держал плюшевого медведя.

– Почему серый? – заинтересовался Тиран.

Интерес был поддельный. Плевать Тиран хотел на всех медведей Ойкумены. Враг, отметил он. Враг сильный, враг непобедимый. Враг ценный, раз сам пришел ко мне. Такие враги, случается, полезней друзей.

Кешаб пожал плечами:

– Не знаю. Меня не спрашивали.

– В смысле? Родители купили?

– Я рос в антическом центре. После первого старта меня изолировали. Это общее правило, я – не исключение. Медведь достался мне в наследство. Игрушки в центре переходят от одного маленького антиса к другому, пока не истребятся или не сломаются. Брамайны – раса бедная, экономная. Желать новую игрушку, свою собственную, а не чью-то, желать страстно, плакать по ночам, не имея возможности удовлетворить желание... Что это, по-вашему?

– Страдание, – честно ответил Тиран.

– Правильно, страдание. Закон существования нашей расы. Страдание повышает энергоресурс. В случае с антисами это не играет особой роли, но такова традиция. Я удовлетворил ваше любопытство, шри Бреслау?

– Вы знаете, кто я?

– Знаю.

Великан огляделся с таким видом, словно изучал не детскую комнату, а камеру для пыток.

– Значит, вы держали мальчика здесь?

– Здесь.

Тиран обиделся. Чувство обиды было острым и внезапным, словно нож под лопаткой. Да, погром. Игрушки на полу, кровать не застелена. На блюде – огрызки яблок. И что? После всего, что случилось, – идеальный порядок. Могло быть хуже, гораздо хуже.

Он представил, насколько все могло быть хуже, и содрогнулся.

– Вы жили в лучших условиях? Я имею в виду, после того, как вас... Ну, вы поняли.

Кешаб кивнул:

– Я понял. После того, как меня изолировали?

– Да.

– Нет, я жил гораздо скромнее.

– Вас боялись?

– Кто?

– Окружающие. Сотрудники антического центра.

– Почему меня должны были бояться?

– Взлет. Второй взлет, «горячий старт», и всем вокруг каюк.

Шило на мыло, оценил Тиран. Шило на мыло – вот цена моих перемен. Я сидел на одной термоядерной бомбе. Сидел, тряся. Теперь сижу трясусь на другой бомбе. Если уж эта рванет...

Кешаб опустился на пол рядом с кроватью, скрестил ноги. Кое-как расправил пестрое одеяло, взял в руки край простыни – тот, что обгорел.

– Второй взлет? «Горячий старт»?

Тиран указал на почерневшую ткань:

– Мальчик взлетел аккуратно. Иначе я бы с вами не разговаривал.

– Чепуха. – Великан мял простыню в пальцах. – Мальчик взлетел неаккуратно. Здесь что-то произошло, я пока не понимаю что. Вы зря его боялись, шри Бреслау. Мальчик вообще бы не взлетел, если бы...

Кешаб замолчал.

– Я вам ничего не скажу, – предупредил он после долгих размышлений. – Ничего. Если вы рассчитываете получить от меня информацию, касающуюся воспитания антисов...

– Я вам тоже ничего не скажу, – согласился Тиран. – Я имею в виду – ничего лишнего. Считайте, что мы квиты. Выходит, мальчик не взлетел бы, если бы не налет? Выходит, я зря тряся? Забавная тавтология: не взлетел бы, если бы не налет... Вы уже сказали достаточно, господин Чайтанья.

Рывок – и простыня треснула.

– Извините. – Не вставая, Кешаб поклонился. – Нервы.

– У всех нервы. Извинения приняты, продолжаем беседу. Ларгитас – планета богатая, на новую простыню мы как-нибудь наскребем. Зачем вы спустились к нам? Что вам от меня надо?

– Я хочу знать, что здесь произошло.

– Что произошло? Ваши ублюдки вломились в мой бункер. Ваши ублюдки расстреляли моих людей...

– Не называйте их ублюдками, – попросил Кешаб.

Щека великана задергалась, оттягивая нижнее веко. Казалось, антис подмигивает Тирану, намекая на общую тайну.

– Не называйте, пожалуйста. Мне больно это слышать.

– А как прикажете их звать? Героями? Нет проблем! Ваши герои спровоцировали старт мальчика. Как? Героически! За идиота меня держите, да? Чем можно спровоцировать антиса на выход в волну?! Чем, если, по вашим словам, мальчик доброй волей не взлетел бы?

Тиран выставил указательный палец, прицелился в гостя.

– Ба-бах! И Натху уже не в детской, с медведем в обнимку. Натху на

орбите Ларгитаса, в открытом космосе. А ваши приятели – нет, не герои, герои к этому времени уже горят синим пламенем! – ваши распрекрасные дружки-антисы...

Тиран поперхнулся. Дружки-антисы?

Память взорвалась свежайшим, с пылу с жару, воспоминанием: овчарки обнюхивают клочок земли за забором, на опушке леса. Собаки лают, скулят, киноид-модификант докладывает: «Здесь сидел человек. Возможно, координатор атаки. Полагаю, его доставили и эвакуировали по воздуху. Надо поднять записи спутникового наблюдения...»

И дальше: «Первый определен как Натху Сандерсон, второй имеет характерный спектр брамайнского антиса...»

Тиран задохнулся. Никого не пришлось доставлять по воздуху, никого не понадобилось эвакуировать. Если Кешаб запросто спустился ко мне, что помешало бы другому брамайнскому антису сделать то же самое? Еще до атаки на бункер, а? Он спускается, ждет и, едва Натху взлетает, рвет с места по горячему следу. Так даже проще, чем ждать на орбите, проще и надежнее. Взрослый, сильный, опытный антис! Он хватает ребенка под мышку, как сделал бы я, доведись мне ловить молокососа на игровой площадке, и уволкивает на Чайтру. А Кешаб камнем на голову валится на Ларгитас. Операция прикрытия: «Я вам ничего не скажу, я хочу знать, что здесь произошло...» Дальше – тишина, гробовое молчание. Пройдет год, три, пять, и брамаины объявят, что изловили Натху в окрестностях Слоновьего Хобота, посулили бочку варенья, корзину печенья и новые коньки – и уговорили вернуться на благословенную родину. Мы ничего не докажем, хоть лоб себе разбей. Кто, говорите, напал на бункер? Брамаины? Записей нет, а свидетели – сплошь ларгитасцы. Адвокат заявит: «Они поют с голоса своих властей! И потом, откуда уверенность, что напали именно брамаины? Почему не люди, загримированные под моих сорасцев? Например, вехдены – не всякий отличит брамайну от вехдена, тем паче во время сражения. Тела налетчиков сгорели? Точно, вехдены – трупы Хозяев Огня после смерти сгорают дотла!» И будут судейские крючки упражняться в казуистике...

– Хорошо. – Он присел на кровать, напротив Кешаба. Даже так их головы находились, считай, на одном уровне. – Подведем итоги. Мы потеряли мальчика. Один-ноль в вашу пользу. Ваши товарищи увели Натху на Чайтру. Два-ноль. Вы – здесь, притворяетесь, будто ни сном ни духом. Три-ноль, если я вам поверю. Я вам не верю, значит по-прежнему два-ноль. Ларгитас проиграл этот матч. У Чайтры есть гимн? Можете исполнить. Я даже встану ради приличий.

Усталость давила на плечи. Вставать не хотелось. Хотелось откинуться назад, лечь и закрыть глаза. Сегодня Ян Бреслау убил человека. Все когда-то случается впервые. Он не знал, что это будет так тяжело.

– Два-ноль, – повторил Кешаб.

Отпустив злосчастную простыню, антис снова взял медведя. Медведя бил нервный тик, плюшевый зверь страдал дегенерацией экстрапирамидной моторной системы. Ну конечно же, вина за тремор лежала на медведе! Кто в здравом уме предположил бы, что у Злюки Кешаба, владыки космоса, могут трястись руки?

– Два-ноль, шри Бреслау. Как по мне, так один-ноль, но вы мне все равно не верите. Хотите отыгаться? Матч не закончен, у вас в запасе есть пара штрафных бросков. Их доверяют игроку, который пострадал от нарушения правил. Вы же убеждены, что брамайны нарушили правила? В отношении вас?

– Издеваетесь?

– Ничуть. Ваш первый бросок – антис. И второй бросок – антис. Двое взрослых антисов, сопровождавших мальчика при взлете. Двое *ларгитасских* антисов, несмотря на спектр. Они увели ребенка прочь, спасли от нашей засады. Следовательно, они – антисы Ларгитаса, без вариантов. Я не надеюсь узнать от вас, кто они. Вряд ли вы раскроете мне секрет их появления. Я просто хочу, чтобы вы знали: мне все известно. Моя родина узнает об этом сегодня, чуть позже. Вьюха и Капардин легки на ногу, они вскоре будут дома. Но вернемся от брамайнских антисов к ларгитасским. Итак, двое ваших антисов сопровождали Натху при повторном взлете. Из этого я делаю вывод, что они готовили мальчика после инициации, готовили, понимая, что делают и для чего. Если угодно, прикидывайтесь дурачком, отказывайтесь, опровергайте. Вам меня не обмануть. Ваши броски кладут в корзину два увесистых мяча, и это меняет картину мира.

– Вы сошли с ума? – спросил Тиран.

Великан кивнул:

– Да. В смысле – мне об этом уже говорили. Если вам интересно, меня в придачу сочтут изменником.

– Сочтут? Вы хотели сказать: считают?

– Сочтут, и очень скоро.

– Что за бред!

– Я же предупредил вас: Вьюха с Капардином легки на ногу.

Тиран глубоко вздохнул и закашлялся.

– Ваше безумие заразительно, – произнес Ян Бреслау, когда кашель

прошел. – К счастью, у меня иммунитет. Профдеформация, слышали о такой? Вы уверены, что я лгу. Я уверен, что лжете вы. Тут у нас ничья. Одно мы оба знаем точно: шайка самоотверженных героев явилась сюда незадолго до вас. Их целью был маленький мальчик. У каждого героя была наготове конфетка, которую он планировал всадить мальчику в лоб. Или в сердце? Куда надо стрелять, чтобы наверняка?!

Медведь перестал трястись.

– Антиса нельзя убить. Угрозы смерти не было.

– Скажите это мальчику! Не сомневаюсь, он придет в восторг.

– Вы держали его в плену. Мы хотели его освободить!

Тиран саданул кулаком по одеялу. Красные и синие ромбы, орнамент на ткани, будь они сделаны из стекла, разлетелись бы острыми брызгами.

– Чем ваш плен лучше нашего?

– Плен? Мы возвращали его домой!

– Да, мы тоже так думали. Два дома, как две лошади, рвут чудоребенка на части. Я циник, я считаю, что это в порядке вещей. Ойкумена такая, какая есть. Я циник, потому что родился обычным человеком. Но вы – то антис!

– Что это меняет?

– Все! Я бы понял, если бы вместо героев явились вы. Юного антисеныша надо воспитывать? Готовить? Учить?! Почему вы не предложили свои услуги?!

– И вы бы их приняли?!

– Не знаю. Да, мы бы не поверили в ваши добрые намерения. Но у нас нет возможности вас прогнать. Нет возможности отказать вам в доступе к ребенку. Для вас не существует стен и запоров. Почему вы не пришли раньше убийц? Почему хотя бы не попытались?!

– Я брамайн! А вы ларгитасцы...

– Вы антис. И мальчик – антис. Со временем мы бы утратили шанс держать его взаперти. Он стал бы свободен, как и вы. Проклятье, вам это не приходило в голову? Взрослый Натху сам выбрал бы себе дом. А может, жил бы на два дома. Но вы не пришли. Вместо этого ваш дом прислал героев с конфетами. Вы что, действительно верили, что после залпа из конфетниц и силового захвата на орбите мальчик полюбит вас всем сердцем? Вы украли его, но где гарантия, что однажды он не вернется обратно? Туда, где он был счастлив рядом с отцом?

– Рядом с отцом?!

– Гюнтер Сандерсон – эмпат высшей квалификации. Поверьте, он умеет делать детей счастливыми. А у вас даже плюшевые медведи из

вторых рук! Страдание повышает энергоресурс. Но я ничего не слышал о том, чтобы страдалец испытывал симпатию к причиняющим страдание. Нет, вру, слышал. В случае с психопатами и извращенцами все обстоит именно так.

– Замолчите!

– Вот тебе! – Тиран ткнул в собеседника кукишем. – Не нравится? Слетел на наш насест как ни в чем не бывало? Философствуешь? А у меня трупы во дворе! И у тебя трупы, только они сгорели, а тебе плевать! Явился, значит слушай! Или взлетай, взлетай «по-горячему», и покончим с этим...

Он пропустил момент, когда Кешаб исчез. Человеческие органы чувств лишены возможности уследить за взлетом антиса. Лишь плюшевый медведь со звуком, похожим на стон, упал на пол. Бедняга барахтался между гребнями волн, тонул в белых завитках искусственной овечьей шкуры. Шансы выплыть для медведя стремились к нулю.

На тумбочке стоял армейский всестихийник: модель в масштабе один к ста сорока четырем. Лететь к медведю на помощь он не спешил. Ойкумена такая, какая есть, тут Ян Бреслау был прав.

Контрапункт

Надо добавить, или Мы спасем Папу!

*Глядя вокруг: чувство юмора умирает первым.
Потом этот зомби встает из могилы, бродит меж
людей и выедает им мозги.*

*Из воспоминаний Луция Тита Тумидуса,
артиста цирка*

Первым Тумидуса встретил ягуар.

Пятнистая кошка лежала на пороге, войти в бар можно было, только переступив через Катилину. Таких героев нашлось немного – бар пустовал, не считая Марка: Тумидус-младший пил пиво за дальним столиком, у парапета. Да, еще бармен – судя по лицу бедолаги, тот пребывал в смятении чувств. Кто знает, от чего бармен мучился больше – от вынужденного отсутствия клиентов или от желания удрать куда подальше.

Присев на корточки, Тумидус потрепал Катилину по спине. Ягуар заурчал, став похожим на биотрактор, затем издал хриплое шипение. Ласка была по нраву хищнику, ему не нравился запах чужого дыхания.

– Правильно, – сказал ягуару Тумидус. – Надо добавить. Я тоже так считаю.

И шагнул к стойке.

– Если ты, – предупредил он бармена, – скажешь, что мне уже хватит, я возьму тебя в рабство. Уяснил?

Взять кого-то в рабство консуляр-трибун не мог. После первого взлета в составе колланта он утратил эту возможность, природную для всех уроженцев Великой Помпилии. Но Тумидус справедливо полагал, что бармену это неизвестно, а угроза – всегда угроза.

– Ваш коллега. – Бармен указал на Марка. – Вы знаете этого офицера?

Тумидус кивнул.

– Он грозил мне той же перспективой. Вы как-нибудь определитесь, а? Я не могу быть рабом сразу двоих. Или могу? Я не силен в помпилианской физиологии.

– Можете, – объяснил Тумидус тоном, не терпящим возражений. – Смешайте мне что-нибудь покрепче. А ему – пива. В смысле – еще пива. И на сегодня покончим с рабством.

Бармен вздохнул:

– На завтра. Без трех минут полночь, пока я подам ваш заказ, наступит завтра.

Тумидус подумал.

– Завтра не существует, – сказал он. – Сегодня всегда сегодня.

– Так точно, генерал. – Бармен расцвел белозубой улыбкой. – Надеюсь, вы генерал философических войск?

Когда дядя подсел к племяннику, то сразу понял, что фраза «в смысле – еще пива» имеет самое широкое значение. Пиво Марк не пил, пивом Марк полировал все, что выпил перед этим. «Что-нибудь покрепче» туда входило в ассортименте. Комплекс неполноценности, отметил Тумидус-старший. Чувство собственной ущербности, иррациональная вера в превосходство окружающих над собой. Я знаю, что пьян, но молодежь кроет нас, как бык овцу.

– Присвоили внеочередное звание? – спросил он. – Уволили в запас?

Марк допил стакан. Марк налил по новой.

Дяде Марк пива не предложил.

– С горя? – настаивал Тумидус. – На радостях?

– На радостях, – откликнулся племянник.

Радости в его голосе было меньше, чем в похоронном венке.

– Чему радуемся?

– Я обезраблен. – Марк поднял голову. Под глазами молодого офицера залегли густые тени. – У меня больше нет рабов.

– Заклейми новых, – посоветовал Тумидус, прежде чем понял, о чем идет речь. – Стой! Ты обезраблен? Ну да, конечно...

Ты кретин, уведомил он самого себя. Прими и распишись. Нет, хуже – ты подонок. Папу спасал? Спасал. Марка на спасение подписал? Подписал. Ты припахал мальчика в коллант, а что случается с нами, помпилианцами, в коллантах? Ты так увлекся его баснями про *астланство*, так обрадовался внезапному подарку судьбы, что забыл о главном признаке своей собственной расы. Вся Ойкумена дрожит перед волками Помпилии. Мы выжигаем клейма в мозгах, душах и сердцах. Кем бы ни был заклеянный раб, свободы ему больше не видать. Безвольный придаток, энергоресурс хозяина, раб теперь не человек – приложение к трансформатору, ходячая батарейка, периферия симбиоза. Но стоит волку Помпилии шагнуть в космос, войти в состав коллективного антиса, и о рабах можно забыть навсегда. Ты, считай, кастрировал парня. Выпей с ним на радостях, сукин сын...

– У меня больше нет рабов, – повторил Марк, делая глоток. Пиво

потекло ему на грудь. Это случилось не в первый раз, китель был мокрым насквозь. – Великий Космос, я уже и не надеялся. Дядя, я твой должник. Прикажи мне залезть на парапет и прыгнуть вниз – прыгну, клянусь мамой, прыгну...

Бред, отметил Тумидус. У мальчика пьяный бред. Или это у меня пьяный бред?! Он представил всех рабов Марка, собранных в одном месте. Вот мальчик взлетает в космос, поводки, связывающие его с рабами, натягиваются, рвутся... В разыгравшемся воображении консуляр-трибуна рабы, получившие свободу, благодарно махали Марку платочками. Чепуха, какие платочки? Рабов сразу же перехватили надсмотрщики, распределили по другим хозяевам. Это накатанная схема в случае смерти хозяина... Смерть? Неужели каждый взлет антиса, индивидуального или коллективного, – своего рода смерть? Тогда получается, что каждое возвращение из волны в материю – своего рода рождение?

Метафизика. Будь ты проклята, метафизика!

– Никуда не лезь. – Он кивком поблагодарил бармена, принесшего коктейль, и вторым кивком отправил бармена прочь, за стойку. – Никуда не прыгай. Марк, давай по порядку. Ты обезраблен?

– Да.

– Это точно?

– Точней не бывает.

– Ты пьешь из-за этого?

– Да.

– На радостях?

– Да.

– Это сарказм?

– Нет.

– Выпьем?

– Да.

Коктейль оказался неожиданно горьким – то, что требовалось Тумидусу в данный момент.

– Еще раз, – попросил он. Конфликт с Советом антисов внезапно показался ему пустяком, не заслуживающим внимания. – Ты обезраблен?

– Не начинай, – отмахнулся Марк. – Вот как ты думаешь: я астланин или помпилианец?

– Астланин. Ты же сам сказал, что астланин?

– Ну сказал.

– И по космосу пешком бегал, и татуировки...

– Татуировки! – Племянник скорчил убийственную рожу. – Плевать я

хотел на татуировки! У меня были рабы, а теперь их нет! Вот в чем дело, вот где праздник...

– Какой праздник?! – взорвался Тумидус. – Какой, к чертям собачьим, праздник?!

– Ты еще по морде мне дай, – предложил Марк. – Дядя, кто теряет рабов, взлетев в колланте?

– Помпилианцы.

– Я взлетел и потерял. Кто я?

– Помпилианец.

– Вот! А ты: пешком, татуировки... Я помпилианец! Натуральный обезрабленный помпилианец! Волк Великой Помпилии. Я волк!

Марк завыл, напугав бармена до икоты. В восторге от хозяина, вскочил Катилина – зашипел, зафыркал. Зверь бы зарычал, да ягуары лишены этого таланта.

– Ты что? – изумился Тумидус. – Ты считал, что ты больше не помпилианец? А как же служба?

Кретин, напомнил он себе. При чем здесь служба?!

– Считал, дядя. Ты даже представить не можешь, как я это считал! Ты сдохнешь, если представишь. Я еле сдерживался, чтобы не брать в рабство первых встречных. Это доказывало мой расовый статус. Я нахватал рабов столько, что еле удерживал эту орду на поводках. Так едят, не в силах остановиться. Набирают вес, сидят сиднем, жирные бегемоты, пыхтят, но жуют, жуют...

Марк говорил медленно, с преувеличенно четкой артикуляцией, следя за построением фраз. Так говорят люди, контролирующие каждый свой шаг. Так они говорят, когда напиваются до зеленых чертей.

– Как только я видел кого-то, не принадлежащего к нашей расе, мне хотелось взять его в рабы. Это психоз, господин консуляр-трибун, острый психоз. Я мучился, боялся срывов, заработал бессонницу. Я старался не встречаться ни с кем, кроме наших. Представляешь, я подумывал о самоубийстве! Если бы не дочь...

Если бы не дочь, отметил Тумидус. Другой бы вспомнил про жену.

– И вот, – Марк помахал стаканом, расплескивая пиво, – я помпилианец! Это точно, как в аптеке. Я помпилианец, мой статус подтвержден раз и навсегда. Я помпилианец, – это слово молодой офицер произносил по складам, наслаждаясь каждым звуком, – и я больше никого не могу заклеить. Не надо сдерживаться. Не надо мучиться. Можно расслабиться. Можно спокойно видеть вудуна, брамайну, варвара, гражданина Тилона, Хиззаца, Борго...

– Только не Борго! – вырвалось у Тумидуса.

– Почему?

– Их нельзя видеть спокойно. Веришь?

– Хорошо, – согласился Марк. – Сожжем Борго кварковыми торпедами. В остальном, дядя, я прав. И ты еще спрашиваешь, почему я счастлив? Я бы расцеловал тебя, да боюсь, ты неправильно поймешь. Лучше я оплачу твою выпивку.

Рабство, подумал Тумидус. Мальчик счастлив. Рабство. Мальчик. Папа Лусэро. Рахиль Коэн. Не надо мучиться. Нейрам Саманган. Можно расслабиться. Скандал. Мальчик. Рабство. Папа. Что-то я упускаю. Что? Оно лежит на поверхности, просто я пьян, я не вижу...

– Рабство! – завопил он на весь бар. – Ну да, рабство!

Бармен помахал ему полотенцем.

– Решили? – спросил бармен. – Так чей я буду раб?

– Ничей, – объяснил ему Марк. – Ты будешь свободный человек на свободной планете. Я просто изобью тебя в хлам. Ты что, не видишь, что у клиента пиво закончилось?

Чудо из чудес, Тумидус-младший был само дружелюбие.

– Рабство, – упорствовал Тумидус-старший. – Рабство и освобождение. Марк, ты гений!

– Я гений, – согласился племянник.

– Мы спасем Папу!

– Мы спасем Папу, – согласился племянник. – А как мы спасем Папу? Мы, гении, все тугодумы.

– Двадцать лет назад, – сказал Тумидус. – Это случилось двадцать лет назад. Ты тогда прогуливал школу, доводя учителей до белого каления, а имперская безопасность рыдала вот такими, – он показал какими, – слезами, ожидая, пока у тебя сойдут прыщи и вырастут мозги. Моя галера стояла на Террафиме, в Эскалоне. Дыра дырой: пророки, фанатики, титулованные козлы с тупыми шпажонками...

Марк наклонился вперед. Взгляд племянника сделался трезвым, твердым и неприятным. Тумидус узнал этот взгляд. Так смотрел он сам два десятка лет назад, так смотрел он и сейчас, когда чуял свежий след добычи. Консуляр-трибун не видел себя со стороны в такие минуты, но ошибка исключалась. Семейное сходство, господа!

– Я знаю, чем славится Эскалона, – бросил молодой офицер. – Дальше!

Глава девятая

Травма рождения, или Не бойтесь, я быстро расту

I

Впереди рысили криптиды.

Спруты резво перебирали щупальцами, сильными и упругими, – ни дать ни взять восьминогие кони из фольклора докосмической эры. Ага, подумал Гюнтер. Зря, что ли, большинство флуктуаций континуума носит имена мифических чудовищ! Сказка – ложь, да в ней намек... Предки не умели летать к звездам, но менталы среди них рождались. Мало ли что они могли увидеть *под шелухой*, чтобы после рассказывать соплеменникам у костра страшные байки. Запечатлеть в виде примитивных плоских рисунков. Вышел же я сам в детстве на контакт с Региной ван Фрассен, обретавшейся за тридевять парсеков от Ларгитаса.

Невозможно, ты миф, пшик, обманка.

Поначалу Гюнтеру нестерпимо хотелось оглянуться. Узнать: последовал брамайн за Натху или предпочел смерть? Он терпел, сколько мог, а возле бродячих утесов террорист догнал отряд. Пристроился сбоку, выровнял темп и дыхание. Теперь брамайн бежал вместе со всеми, демонстративно не глядя на кавалера Сандерсона. Гюнтер отвечал ему взаимностью.

«До-мой! До-мой!» – стучали копыта сатира. По камням. По кочкам. По сухой растрескавшейся глине.

Домой!

Пейзажи разворачивались незнакомые. На бегу Гюнтер еще раз прокрутил в голове восстановленный отрезок памяти и окончательно уверился: к земляничным полям они добирались другой дорогой. Натху, мальчик мой, тебе известен иной путь? Ты спешишь к очередной червоточине, которая выведет нас напрямик к системе Ларгитаса?

До-мой! До-мой...

Бег длился, копилась усталость. Местность становилась все более унылой. Каменистая равнина, выжженная отсутствующим солнцем, простиралась до горизонта – сколько хватало глаз. Из-под копыт Гюнтера взлетали облачка ржавой пыли. Каждое отзывалось в ушах диссонансными аккордами. Кое-где из земли торчали чахлые кустики неведомых колючек.

В их скудной тени прятались рогатые ящерицы. Одна метнулась прочь – лиловый росчерк на малахите. Гюнтер удивился: почему лиловый? Почему малахит?! Зелени вокруг не наблюдалось. Небо, пятнистое и блеклое, как линялая шкура леопарда, повисало все ниже. В шкуру заливали воду, и она выпячивалась пузырем. От одного взгляда на это небо начинался зуд под лопатками, словно там прорезались крылья.

Мог ли Натху заблудиться?

Он нашел в себе силы поднажать. Когда Гюнтер поравнялся с Натху, сын покосился на отца, но ничего не сказал. Некоторое время Гюнтер молча бежал рядом. Дыхание сбилось, во рту царил вкус копченого мяса. Что за ерунда? Причуды галлюцинаторного комплекса?

– Натху! Куда мы направляемся?!

Питекантроп на бегу пожал плечами:

– Домой.

– На Ларгитас?

– Домой, – повторил Натху с раздражением.

Казалось, взрослый мужчина в десятый раз объяснял ребенку элементарные вещи.

– Домой – это куда? Какое место для тебя дом?

С явной неохотой гигант остановился. Развернулся к отцу, навис мрачным изваянием. Их окружили крипиды, за спрутами маячил брамайн. Деланое безразличие аскета могло обмануть кого угодно, только не кавалера Сандерсона. Да и черт с ним, с брамайном! Сейчас Гюнтера куда больше волновало поведение Натху.

– Дом, – мальчик насупился, – это безопасность. Ты сам сказал, да.

Похоже, он считал вопрос исчерпанным.

– Да! – заторопился Гюнтер. – Дома безопасно. Там друзья, там нас ждут. Отведи нас на Ларгитас!

Идиот, сказал Гюнтер-медик Гюнтеру-невротiku. Слово «Ларгитас» для мальчика – пустой звук, абстракция. Вот, держи. Гюнтер извлек из памяти образ детской комнаты и отправил его сыну. Образ усиливался деталями: они с сыном играют, Натху впервые делает попытку улыбнуться. Желтая кислота лимона. Вкус соленого леща. Тепло уюта.

«Дом. Нам туда...»

– Нет!

Булава взлетела и рухнула, впечаталась в растрескавшуюся почву. Земля под ногами содрогнулась, к небу взлетел столб пыли. Гюнтер отшатнулся, с трудом подавив желание... Броситься наутек? Завизжать от восторга, как девчонка?!

«Да что со мной такое?!»

– Не дом! Нет!

– Почему?

– Беда! Опасность!

– Да почему же?!

– Нападают! Убивают! Боль! Страх! Не дом!

От волнения речь Натху заметно ухудшилась.

– Успокойся, малыш, – примиряющим жестом Гюнтер выставил перед собой ладони. На всякий случай он накрыл сына облаком умиротворения. От ментальных усилий у него началась изжога. – Там все закончилось. Больше никто не нападет. Не сделает больно. Я буду с тобой...

– Ты со мной! – Натху успокоился. – Дома ты со мной, да. Мы идем домой.

– Куда? Куда ты хочешь идти?

– Туда!

– Ты знаешь это место?

– Знаю!

Питекантроп энергично кивнул.

– Можешь показать? Как я тебе?

– Зачем? Ты тоже знаешь!

– Ты все-таки покажи. Пожалуйста.

В следующий миг Гюнтера с головой накрыла ментальная волна.

– Пошли, ларги. купишь мне вашей чудо-травки. Будет интересно, обещаю!

Движение.

Движение – пространство. Движение – время.

Пахнет фиалками и сбежавшим молоком. Кто пахнет? Что пахнет?

Свет из окна. Он пахнет.

Капля пота стекает на щеку. Грохочет. Грохочет.

Она внизу. Двигается. Движение – черный хлеб.

Он на ней. Двигается. Минута – ля-бемоль.

Фиолетовый бемоль. Полтона. На ощупь – яичница.

Смех.

Взрыв мокрый, взрыв разлетается брызгами.

Крик.

Крик – туман над клумбой с лилиями...

– Нет, Натху! Нет!!! Только не туда!

Крик аукнулся в носу ароматом корицы.
– Туда, – набычился питекантроп. – Домой.
– Ты не знаешь, где это!

Знает, с ужасом осознал Гюнтер. Он знает!

Пыль из-под копыт – диссонансы. Бегство ящерицы – лиловый росчерк на малахите. Взгляд в небо – зуд под лопатками. Сбитое дыхание – вкус копченого мяса. Удар булавы – восторженный визг. Ментальное усилие – изжога. Крик – корица...

Кретин, заорал Гюнтер-медик, срывая глотку. Ослеп? Оглох? Утратил способность логически мыслить?! Те же симптомы, что и от «путанки»! Только слабее, вразброс. Где растет «путанка»? На Шадруване, возле Саркофага. Так куда мы направляемся? Неужели Шадруван уже близко?!

– Натху! Как ты нашел дорогу сюда?! Ты же не знаешь...

– Знаю! Знаю!

Кретин, повторил Гюнтер-медик. Ты бывал на Шадруване? Вот мальчик и считал у тебя путь вместе с воспоминаниями о своем зачатии. Иди на хрен, взвыл Гюнтер-невротик. Какое считал?! Я и сам этот путь не знаю! Корабль просто доставил меня к месту назначения...

Ага, ухмыльнулся Гюнтер-медик. Спроси у парня, как находят дорогу в космосе антисы? Флуктуации?! Он тебе порасскажет...

– Не надо, – жалобно попросил кавалер Сандерсон. – Не ходи туда.

Натху растерялся, дрогнул. И вновь насупился:

– Надо. Домой.

– Я тебя не пущу!

– Безопасность. Надо.

– Не пущу! Я тебе отец или кто?!

С отчаянием самоубийцы Гюнтер шагнул к сыну. В руках кавалера Сандерсона возникла раковина – так папаша, гневаясь на дерзкое чадо, хватается за ремень. Криптиды грозно зашевелились, в лицо Гюнтеру пахнуло мускусом и лавандой. Новичок задирает хвост на жоака? Стая готовилась преподать наглецу основы коллективной дисциплины. Вроде бы, предположил Гюнтер-невротик, у волков вызов принимает сам жоак? Бьется с претендентом один на один? Или это у горилл? Волки, гориллы, буркнул Гюнтер-медик. Синие киты! У криптидов, дружок, дело обстоит иначе: «Один за всех, и все за одного!»

«Папаша, – ласково подсказали из прошлой, считай, райской жизни, где были пациенты и не было антисов. – Вы плохой мальчик, папаша. Я вами недоволен. Эх, папаша...»

К горлу подкатила волна тошноты. Раковина? Паника?! Что ты

можешь противопоставить существам, для которых чернейший в мире негатив – лакомая пища? Накормишь их до отвала? До смертной икоты?! Кубло извивающихся щупальцев сомкнулось вокруг него. В недрах kloкочущей массы блестели сапфировые блюдца глаз. Щелкали роговые клювы. Каждый запросто мог отхватить Гюнтеру руку или ногу.

Кошмар, оценил Гюнтер-невротик. Кошмар, согласился Гюнтер-медик.

Громовой рык обрушился с небес. В глаза плеснуло ослепительной синью. По телу прошла волна озноба, волосы на ляжках и предплечьях встали дыбом, будто наэлектризованные. Запах эвкалипта ворвался в ноздри, во рту возник железистый привкус. Криптиды замерли. Казалось, они угодили под разряд парализатора. Натху рявкнул еще раз, взмахнул для остротки булавой, и спруты попятись.

Живой круг распался.

– За мной, – бросил Натху Сандерсон через плечо.

Гюнтер Сандерсон молча припустил следом, стараясь не отстать. «Эх, папаша, – выстукивали копыта. – Вы плохой мальчик, папаша...»

II

Космос здесь выглядел больным, порченным. Бархатная чернота поблекла, подернулась мгlistой дымкой, словно неподалеку горели торфяники. Сравнение пришло из фильма, который Гюнтер смотрел в детстве. На миг он даже ощутил запах гари. Нет, это были шутки разыгравшегося воображения. Сквозь мглу едва пробивался тусклый свет звезд, сочась грязноватой сукровицей.

Красное смещение? Что-то иное, противоестественное? Может, и правда красное смещение: светила в ужасе торопятся прочь, подальше от гиблых краев. Кавалер Сандерсон и так был не силен в астрономии, а сегодня он ни за что не смог бы поручиться. *Из-под шелухи* он вообще боялся выглядывать наружу. Риск вывихнуть себе мозги космическими пейзажами, чрезмерными для обыденного мышления, пугал до смерти.

Боялся, но все же выглядывал.

Галлюцинаторный комплекс не радовал. Выжженная глина сменилась грязно-желтым песком. Здесь, в пустыне, отказывались расти самые неприхотливые колючки. Ящерицы тоже исчезли. Слежавшийся песок – до самого горизонта. Да и горизонта как такового не было: небо и пустыня сливались в жиденькую кашу. По редким барханам тянулись бесконечные волнистые разводы, сползали вниз, устраивали брачные игры. От них перед

глазами начинали летать мушки: быстрее, еще быстрее.

Мерешилось: разводы живые, хищные.

Ноги налились свинцом, каждая весила тонну, не меньше. Из легких вырывался надсадный хрип. Вдох – и жаркий сухой воздух наждаком дерет горло. Выдох – и грудь сдувается воздушным шариком, который проткнули спицей. Мошкара, туманящая взгляд, зверела, угрожала слепотой. Эффект приближения к Шадрувану? Путаница раздражителей и реакций? Изнеможение, упадок сил?

Острый вкус имбиря во рту – вот это точно Шадруван, фаг его заешь!

Мысли в голове ворочались тяжело, со скрипом, подобно заржавевшим шестерням древнего механизма. Упрямец, осел, как ни назови, кавалер Сандерсон продолжал вращать приводную рукоятку мыслительного процесса. Путаница. Травя «путанка». Она растет возле Саркофага. Сейчас, в пути, реакция на раздражители сбивается без всякой травы, хотя до Саркофага они явно не добрались. Чем ближе, тем забористей. В космосе, в физической реальности Ойкумены, такого эффекта нет. Гюнтер специально проверял, переключая восприятие. Три раза? Четыре? Не важно. Что же получается? «Путанка» адсорбирует аномальные свойства галлюцинаторного комплекса в окрестностях Саркофага? Передает их при курении?

Иного объяснения Гюнтер не видел.

Рост путаницы ощущений по мере приближения к Шадрувану может служить для Натху путеводной нитью. Вроде запаха, что усиливается по мере приближения к его источнику. Малыш, ты идешь, как ищейка по следу?

Проклятье, завопил Гюнтер-невротик. За каким чертом мой сын претя на Шадруван?! Почему он вбил себе в голову, что его дом – там? У тебя и правда мозги заржавели, с грустью вздохнул Гюнтер-медик. У ребенка выраженный архаический психоз! Регрессивное единство, симбиотическая фаза, прямо по учебнику. Синдром возвращения в материнскую утробу. Туда, где ему было комфортно, безопасно, уютно. Все потребности удовлетворялись автоматически: питание, выделение отходов жизнедеятельности... Никаких внешних угроз, никакого насилия. А потом – травма рождения. Холод, голод, неуют. Тело тяжелое, глаза слепит. Все надо делать самому: есть, пить, облегчаться...

Все самому, раздраженно прервал его Гюнтер-невротик. Дальше! Нетяни резину!

Дальше, развивал идею Гюнтер-медик, инициация, первый взлет – тоже, если задуматься, новое рождение, связанное с насилием. Что потом?

Бункер, сражение, шок. Контакт с психикой террориста, которого застрелил Тиран. Чужая смерть как своя, классическая реакция антиса – уход в волну. Повторный выход в большое тело – против воли, вопреки желанию. В подсознании мальчика этот шок наложился на травму рождения, первый источник страха и тревоги слился со вторым и третьим. Ты же слышал, что он кричал? «Нападают! убивают! караул!» Место, где ему было хорошо, его предало. Целая клумба неврозоз расцвела на почве конфликта между стремлением вернуться в состояние дородовой гармонии и воспоминанием об ужасе выхода в негостеприимный мир. Теперь Натху хочет обратно, во чрево матери, – укрыться от невзгод этой безумной Ойкумены.

Но-но! Гюнтер-невротик запротестовал, вспомнив, что и у него как-никак имеется медицинское образование. В таких случаях пациент закукливается. Обрывает связи с внешним миром, принимает позу зародыша, не реагирует на раздражители...

Это при аутическом развитии синдрома, уточнил Гюнтер-медик. А у Натху симбиотическая фаза. Для нее характерна куда большая активность. Если еще принять во внимание биографию мальчика, тот факт, что он антис и сейчас находится в большом теле...

И что? Гюнтер-невротик все еще сомневался. Материнская утроба для него – Шадруван?!

Почему бы и нет, горько рассмеялся Гюнтер-медик. Натху взял из твоей памяти эпизод своего зачатия. Уловил путаницу раздражителей и реакций – ту, которая спутала ему инициации, к которой он привык в космосе, среди флуктуаций. Теперь мальчик считает, что вернуться в комфортное состояние, спастись от угроз он сможет только на Шадруване. Там, где все началось, где все привычно и правильно...

Короче, в утробе любимой мамочки.

И ты хорош, попрекнул свое альтер эго Гюнтер-невротик. Кто ему подсказку дал? Кто «леща включил»? Выстроил парню ассоциативную цепочку! Ну хорошо, допустим. У Натху архаический психоз. Он стремится на Шадруван. А эти-то куда ломаются, словно им там стол накрыли? Тоже во чрево разогнались?

И впрямь, криптиды заметно оживились. Теперь они неслись вперед, не обгоняя вожака лишь из чувства стайной субординации.

Бывают ли синдромы у флуктуаций континуума? Гюнтер-невротик хотел поделиться этим чисто академическим интересом с Гюнтером-медиком, но не успел, потому что с размаху ткнулся физиономией в песок, горячий и колючий.

Падение, а может, вопрос, оставленный без ответа, заставил кавалера

Сандерсона расхохотаться. Песок перед глазами, аквамариновая щекотка по всему телу – что может быть смешнее?! Натху со спрутами быстро удалялись, но это нисколько не волновало Гюнтера. Он лежал ничком, давясь от безудержного хохота. Песчинки взлетали миниатюрным смерчком, при вдохе они набивались в рот, пищали на зубах, словно выводок испуганных мышей, и это лишь добавляло Гюнтеру веселья.

– Папа, что с тобой?

Он не заметил, когда Натху вернулся.

– Упал. – Смех ушел, оставив во рту медное послевкусие. Гюнтер развел руками, загребая горячий песок, как пловец воду. – Видишь? Я упал.

– Вставай, папа. Тебе помочь?

Спасибо, я сам, хотел сказать Гюнтер. Но при попытке встать ноги подкосились, и Натху едва успел ухватить отца за плечи, не давая вновь растянуться на песке.

– Я устал. Я очень устал, – бормотал Гюнтер, кулем обвиснув в могучей хватке сына. – Мне надо отдохнуть. Надо что-нибудь съесть. Иначе не дойду.

Это была чистая правда. Она дарила надежду, что сын одумается, повернет обратно – туда, где найдется пища и место для привала. Волновому или галлюцинаторному, телу кавалера Сандерсона требовалась подзарядка, и Натху не мог этого не видеть.

Гигант нахмурился. Вне сомнений, он собирался идти – да что там идти! – бежать дальше. Непредвиденная задержка его раздражала. Бросит, подумал Гюнтер. Не бросит. Бросит. Он гадал, мысленно отрывая от воображаемого цветка лепестки. Выпало: не бросит. Уже хорошо, по крайней мере, смерть от распада колланта нам не грозит. Что это, привязанность? Любовь? Сыновний долг? Долг вожака?

И как тут насчет смерти от истощения?!

Натху кивнул в такт своим раздумьям. Придерживая отца волосатой лапицей, он принялся осматривать горизонт из-под козырька свободной ладони. Булава, вспомнил Гюнтер-невротик. Куда подевалась твоя булава, сынок? Туда же, куда девается твоя раковина, хмыкнул Гюнтер-медик. Раковина – часть тебя, твоя ментальная сила, воплощенная способность действовать. Ее не обязательно все время выставлять напоказ, как и булаву нашего мальчика.

Равнодушный к отцовской шизофрении, Натху угрюмо сдвинул брови: осмотр горизонта результатов не дал. Питекантроп с шумом потянул носом воздух, раздул ноздри, принюхиваясь. Без предупреждения он с легкостью вскинул отца на плечо – и рванул с места в карьер.

Мальчик неся гигантскими прыжками, вздымая из-под ног тучи песка. При каждом шаге Гюнтера основательно встряхивало. Сумасшедший бег отдавался в ушах разухабистой мелодией «Заводной девчонки» – этот синт-поп-шлягер прошлым летом достал кавалера Сандерсона до печенок. Вися вниз головой, Гюнтер испытывал жесточайшие муки. Желудок подкатил к горлу, грозя вывалиться через рот. Кругом прыгали сволочи-барханы. Глаза налились кровью, мир стал красным, затем пунцовым.

Нет, не мир.

Бугорок, воспаленный прыщ на серо-желтой шкуре. Он рос, превращая сперва в сочный, налитой фурункул, затем в холм. Гюнтер видел его не все время – только тогда, когда Натху на бегу оборачивался, чтобы посмотреть, следует ли за ним стая. Кавалера Сандерсона мотало, словно тряпку, и взгляду его открывалась дальнейшая перспектива. Раз, другой, и холм, приблизившись, распался на составляющие: кактусы, пустынные лилии, пальмы, заросли тростника, высокая трава...

Все растения были ядовито-красными.

Оазис.

III

Космос, Великий Космос.

Им клянутся те, кто не верит в богов или не верит богам. Есть люди, которые все свое доверие, сколько ни есть, вручили его святейшему прогрессу и их преподобиям технологиям. Вот они и восклицают, столкнувшись нос к носу с непостижимым: «Великий Космос!»

Космос помалкивает. Он даже не слышит.

Громче кричите, неверные!

Впрочем, те, над кем реют многочисленные боги в ассортименте, от истериков-громовержцев до циничных владычиц любви, тоже найдут, как им почтить тебя, великий равнодушный космос. Брамайны найдут тебе и создателя, и хранителя, и разрушителя. Брамайны для всего находят сотню причин и тысячу обстоятельств, поэтому, наверное, кролики завидуют их темпам размножения. Вехдены скромнее, они обойдутся двумя персонами, один из которых творит тебя, о космос, а другой творит такое, что первому приходится латать дыры и подтирать тряпкой воду на полу. Гематры сегодня скажут «двадцать три», завтра «сорок два», а по субботам помянут число «пи», иррациональное и трансцендентное, и тоже будут по-своему правы. В конце концов, если о Творце гематры говорят «тринадцать», то

чем хуже «сорок два»?

Главное, высказываться с уважением.

Ты не знаешь границ, Великий Космос. Границы – фетиш обитателей Ойкумены. Мы режем тебя на дольки и ломтики, метим территорию мочой и кровью, чернилами и столбами. Например, границу ларгитасского сектора сейчас обозначает фрегат «Сканда», входящий в состав Второго Чайтранского флота.

Простите, *входивший*.

Причастие прошедшего времени.

Вращаясь вокруг своей оси, утратив управление, «Сканда» медленно дрейфует вдоль границы, вычерчивает ее контур. Кажется, что фрегату поручили официальную демаркацию, согласованную в кабинетах высокими договаривающимися сторонами. Гиблое дело, мертвый фрегат. Пробоины в бортах. Вакуум в отсеках. Язвы в броне. Стыковочный шлюз выгорел дотла. Покойники кувыркаются в невесомости. Экипаж танцует багурумбу – «танец бабочек», праздник конца изнурительных работ на плантациях жизни.

Следом за «Скандой», как цыплята за курицей, движется стайка кораблей поменьше. Мертвецы провожают своих мертвецов. Живые оттягиваются назад, перестраивают порядки. Живым не до убитых.

– «Агни» – штабу! Срочно!

В капитанской рубке флагмана вспыхивает голубое окно: рамка гипер.

– Генеральный штаб на связи! «Агни», что там у вас?

– Докладываю: были атакованы ларгитасскими антисами. Один опознан, это Натху Сандерсон...

– «Агни», вы сошли с ума? Вы хотели сказать: Натху Джутхани?

– Не знаю, какой он Джутхани, но вел он себя как натуральный Сандерсон! Он атаковал наш флот при поддержке двух взрослых антисов, предположительно ларгитасских. Их волновые слепки отсутствуют в реестре Шмеера – Полански...

– Откуда у Ларгитаса антисы?!

– Вырастили в колбе! Слепили из дерьма! Из генно-модифицированного!

– Коммодор, у вас истерика?

– «Агни» – штабу! Повторяю: были атакованы ларгитасскими антисами. Открыли ответный огонь. Выполняя боевую задачу отсечь группировку антисов от основных сил противника, накрыли залпом авангард флотилии Ларгитаса...

Партнер «Сканды» по танцу – фрегат «Торнадо». Пробоины в бортах. Вакуум в отсеках. Башня снесена. Обшивка в клочья. Мертвецы кувыркаются, раскрывают друг другу объятия. Ноги согнуты в коленях, словно трупы собираются отбить *кломпендансен* – сельскую чечетку.

«Торнадо» сопровождает похоронная процессия: два корабля энергоподдержки, разбитые в хлам. Мертвецы провожают своих мертвецов. Чужих мертвецов проводят чужие.

– «Вихрь» – штабу! Срочно!

Вспыхивает новое голубое окно: рамка гипер.

– Адмирал Ван Фрассен на связи! «Вихрь», что там у вас?

– Докладываю: пытались задержать брамайнских антисов. Один опознан...

– Вьюха? Капардин?!

– Опознан Натху Сандерсон. Двигался под конвоем двух антисов. Волновой слепок одного соответствует стандарту расы Брамайн. Слепок другого...

– Ваши действия?

– Будучи уверены в похищении и силовом захвате Натху Сандерсона, открыли огонь по антисам конвоя. Одновременно с нами Чайтранский флот открыл огонь по Сандерсону и нашим кораблям. У нас потери...

– Брамайны открыли огонь по Сандерсону?!

– Так точно, адмирал.

– Где мальчик? Что с ним?

– Мы его потеряли.

– Он погиб?!

– Не могу знать. Мы его потеряли в прямом смысле слова...

Танец на троих: за жестянками Чайтры и Ларгитаса плывет галера помпилианцев. Пробоины в бортах. Язвы в броне. Энергоотсек вывернут наизнанку, полторы сотни рабов хвостом тянутся за галерой, ныряют в волнах космоса. Тела – лед, глаза – полыньи во льду. Легко умирать, отдав свободу галерным реакторам. Даже не понимаешь, что уже мертв.

– Консуляр-трибун Салестерна – штабу! Срочно!

И вновь голубое окно:

– Первый консул Помпей на связи! Салестерна, что там у вас?

– Докладываю: брамайны без предупреждения открыли огонь по кораблям Ларгитаса. Счел необходимым поддержать союзников согласно обязательствам...

– Причина атаки?

– Агрессивное поведение трех антисов.

- Брамаинских?
 - Не могу знать. Один опознан, это Натху Сандерсон. Ларгитасцы утверждают, что мальчик был похищен брамаинами. Брамаины отрицают. Напротив, они утверждают, что все три антиса ларгитасского происхождения...
 - Все три? Ларгитас что-то скрывает от нас?!
 - Не могу знать.
 - Приказываю: в бой не вступать. Сохранять нейтралитет до особого распоряжения.
 - Даже в случае повторной атаки?
 - Если брамаины будут поддержаны своими антисами, выполняйте союзнические обязательства. Если Ларгитас будет поддержан своими антисами, отведите флот в нейтральную зону. Повторяю: ждите особого распоряжения...
- Космос, Великий Космос.
Тебе ведь наплевать, правда?

IV

В оазисе течет река, алая как кровь.

Цветом странность реки не исчерпывается. Возникая из ниоткуда, в сетчатом багрянце тростника, она исчезает в никуда, теряясь в зарослях пунцовой опунции. В крови радостно плещутся криптиды. Плавные изгибы щупальцев взлетают над поверхностью, чтобы скрыться в глубине и возникнуть снова, тремя метрами дальше. В реке водится рыба, спруты устроили за ней охоту.

Горакша-натх меняет восприятие. Это дается ему с трудом: большая часть сил и внимания уходит на регуляцию энергобаланса. Все время надо подправлять настройки и тонкие связи волнового тела. С момента выхода в волну это получалось у йогоина рефлекторно, теперь же он вынужден поддерживать баланс сознательно. Проблемы начались в дороге, когда цельность иллюзорной реальности начала давать сбои. Песок под ногами всхлипывал, от усталости хотелось петь, расцветка неба вызывала похотливые желания. При виде оазиса рот наполнился приторно-сладкой слюной, а в ушах зазвучали переборы струн. Внешние искажения оставили гуру равнодушным, но они затронули и самого йогоина. Настройщик-невидимка подтягивал колки вины^[19] по имени Горакша-натх, приходилось то и дело вмешиваться, гнать шарлатана прочь, восстанавливать прежнее

выверенное звучание.

Мир стремительно терял полярность и объем. Двумерные карикатуры, состоящие из черточек и кружочков, тащились по безжизненной плоскости. Первичная Ойкумена не просто осталась за кадром – чудилось, что она сгнула без остатка, со всей ее физикой, химией и астрономией. Каждый миг хотелось выглянуть туда, где ты родился жалким комком плоти, убедиться, что у этой монеты сохранилась не только решка, но и орел. Страх смерти, дурной советчик, нашептывал: малое тело? Мир его праху, дружок. Теперь ты – волновой призрак без якоря. Дунет ветер, тебя понесет по волнам и разобьет о скалы...

Так умирают антисы, думает гуру. Наверное, так умирают антисы.

Сравнение дышит безумием.

Страх перерастает в панику. Горакша-натх не выдерживает, выныривает *из-под шелухи*. Это стоит йогину остатка сил. Благой Рудра, хвала тебе! Вроде бы космос еще существует. Он полон вязкого тумана, сквозь него едва просвечивают угольки звезд. Один горит ярче других – костер в тумане. Ближайшая звезда? Туман клубится, редет, оборачивается пустыней. Уже и не разобрать, был ли космос на самом деле.

Течет река, алая как кровь. В реке пирует стая.

– Вы готовы к повторению операции?

Голос шри Сандерсона сух и колюч. Звуки ледяными пальцами хватают гуру за шиворот. Козлоногий ракшас, каким здесь выглядит ларги, забрался в колючие заросли опунции. Давясь и чавкая, он набивает рот плодами, что совершенно не мешает ему говорить. Плоды имеют вкус горького миндаля, несвойственный опунции. Горакша-натх уже успел их попробовать.

Горечь иллюзии, содрогается йогин.

– Раздумали доставлять меня на Ларгитас?

Ракшас сдвигает брови:

– Будь моя воля...

– Будь ваша воля, я бы уже давал показания в службе безопасности Ларгитаса. Нет, не давал бы. Ваши коллеги-телепаты выпотрошили бы меня, не спрашивая разрешения. Наше с вами сотрудничество в сравнении с этим – цветочные стрелы бога любви.

Шри Сандерсон кусает губы, глядит исподлобья:

– Вы готовы или нет?

– Надеетесь, что вам снова повезет? Ментальный резонанс? Общность переживаний?

– Черт вас дери! Готовы или нет?!

– Готов. Условие прежнее.

Вместо ракшаса беседу продолжает его раковина. Звук превращается в кулак и бьет гуру в висок.

V

Мириады назойливых мошек. Зудят, скребут лапками, роятся в извилинах мозга. Вгрызаются глубже, еще глубже. Мочи нет, как хочется выковырять и передавить этот гнус.

Размозжить голову о камень?

В прошлый раз ларги работал аккуратнее. Устал? Раздражен? Решил досадить ненавистному брамайну? Сосредоточься, велит себе Горакша-натх. Отрешишься от страданий. Они – благо, они увеличивают ресурс. Убей злость. Она туманит зеркало дхармы. Успокойся... Благие намерения звонко лопаются, и сознание рушится в собственные недра, словно хибара нищего после взрыва газового баллона.

Страх больше нет. На страх нет ни сил, ни времени.

Что есть? Бункер.

Бункер, где держали Натху, распахивается перед йогином. В свое время Горакша-натх точно так же распахнул подземную цитадель перед людьми субедара Марвари. Хитросплетения переходов и комнат, неоновое свечение силовых кабелей, мерцание линий связи, пульсация волноводов...

Аура дотягивается до минус одиннадцатого уровня. Дальше – тьма, неизвестность. Расширенная до предела, аура включает участок поверхности вокруг бункера. Кто притаился, замер за облысевшими кустами?

Да, гуру-махараджа, это ты.

Не называй меня так, говорит йогин йогину. Между нами нет отношений наставника и последователя. Наши отношения иные: здесь и там, прошлый и нынешний, зритель и участник.

Хорошо, соглашается прошлый. Видишь? Группа Марвари уже пробилась на минус восьмой. Кипит бой. *Маруты* сражаются с мумиями в бинтах силовой брони. Помню, кивает нынешний. Я распахиваю дверь, гнет свое участник. Видишь? Марвари в коридоре. За дверью прячется ракшас в облике хищной жабы – телепатка-ларги...

Время застывает. Нет, движется. Ползет со скоростью тени от гномона солнечных часов.

– Ваша работа?

Вопрос задает шри Сандерсон.

Гуру не удивлен. Нынешний не удивлен, потому что ждал появления отца Натху. Прошлый не удивлен, потому что занят. Прошлый бьется насмерть с Сандерсоном-прошлым, факиром с дудкой. Бьется чужими руками, но это не важно.

– Вы про дверь?

– Да. – Шри Сандерсон сгорает от нетерпения. – Это вы открыли дверь?

– Я.

– Каким образом? Вы хакер?!

Йогин улыбается, слыша изумление телепата:

– Можно сказать и так. Я расширил свое энергополе на большую часть вашего бункера. Так я управлял техникой, потоками энергии, информацией...

Шри Сандерсон потрясен. Шри Сандерсон молчит. Собственный талант кажется шри Сандерсону чем-то естественным, обыденным. То ли дело чужие таланты!

Смотри, вмешивается йогин-прошлый. Помнишь? За спиной Марвари вспухает болотный пузырь. Он лопается, из него, как в замедленной съемке, взмывает в воздух собакоголовая обезьяна. Повисает на плечах Марвари, впивается клыками в шею...

Прошлый беспощаден. Смотри, кричит он. Вспомни, как ты всем сердцем желал оказаться внутри собственной ауры! Охотником с черным трезубцем, *марутом* – да хоть червем-костогрызом! Лишь бы оторвать проклятую обезьяну от субедара, размозжить ей голову о стену. Вспомнил?!

Да, молчит гуру-нынешний.

Факир замахивается дудкой на обезьяну. Факир кричит, в гневе топает ногами.

– Мы хотели одного и того же, шри Сандерсон? Оттащить мальчика от субедара?

– Выходит, так. – Судя по интонации, отец Натху пожимает плечами. – Я вцепился в сына, связал наши разумы вместе, но не смог оторвать его от жертвы. А надо было просто заблокировать моторику Тирана. Не успел. Не сообразил. Опоздал...

Призрак за дверью поднимает лучевик. Тиран, отмечает гуру-наблюдатель. Призрак получил имя: Тиран. У этих ларги очень странные имена.

– Где ваша злость? – спрашивает Горакша-натх. – Раздражение? Ненависть?! Вы спокойны, как истинный йогин. Я, кстати, тоже. Перед

началом операции все было иначе.

– Моя персональная методика, – поясняет шри Сандерсон. – Присутствие внутреннего наблюдателя при сеансе терапии. Пациент никого не видит, но все время чувствует, что за ним наблюдают. Это сдвигает реакции, выравнивает эмоциональный фон. Смещает акценты психоза... Я пользовался этим в работе с трудными подростками.

– Спасибо за комплимент, – улыбается гуру.

На дульном срезе лучевика разгорается маленькое солнце.

Йогин-участник напоминает о себе. Видишь, требует он ответа. Да или нет?! Да, соглашается гуру-наблюдатель. Я вижу двоих в одном: призрак готов метнуть молнию, мужчина в дорогом костюме жмет на спуск лучевика.

– Это я еще помню, – комментирует шри Сандерсон. – Дальше начнется terra incognita. Вы готовы, Вьяса-джи?

– Готов.

Молния или луч – смерть летит, бредет, ползет по воздуху к Марвари. Похоже, время обернулось улиткой. Тело Натху не здесь, отмечает гуру-наблюдатель. Мальчик этажом ниже. Тут, *под шелухой*, он действует как флуктуация. Опыт охоты со стаей: Натху сосет из Марвари энергию, чувства, жизненные соки. Когда луч пронзит субедара, Натху всосет его смерть. Для антиса смерть – иницирующий импульс.

Луч достигает цели.

Нестерпимый жар наполняет ауру йогина. Кажется, что Горакша-натх, прошлый или нынешний, проглотил сверхновую звезду. Но сказывается опыт: сейчас реакции гуру столь же быстры, как и у юного антиса. Баланс, регуляция тонких каналов...

– Что вы делаете?

– Перераспределяю энергию внутри ауры.

– Великий Космос! Это грандиозно!

Семьдесят две тысячи каналов тонкого тела кипят от жара. Все мастерство «йоги освобождения» плохо справляется с антическим напором. Туманится разум, плавится сознание. «Тело, достигая совершенства, – бормочет в ухо наставник гуру, давно скончавшийся от старости, – становится прочнее самого прочного и тоньше самого тонкого...»

Смерть хлещет душу кнутом, веревкой с узлами. Йогин бессилен отделить себя от Натху, а Натху глотает чужую смерть. Давится, делает своей, бьется в судорогах предчувствия. Выплескивает наружу, щедро делится с изощренной аурой брамайна. Сейчас смерть превратит гуру в кровавые клочья, а мальчик взлетит. Мальчик взлетит в небеса, а его отец,

факир в пестром, заклинатель змей...

– Что вы делаете, шри Сандерсон?!

– Перерабатываю его боль, его ужас. Негатив в позитив.

– Как?!

– «Смерть – это шаг в небеса. Ты уже расставался с малым телом. Не бойся, ты вернешься, и снова взлетишь, и снова вернешься. Я с тобой, не бойся, я буду ждать...» Ну, примерно так.

– Благородство, шри Сандерсон. Сострадание. Я почтительно припадаю к вашим лотосным стопам...

– Это лишнее. Я всего лишь очень хочу жить. В смысле – хотел.

Единая энергосистема. Два сцепившихся разума в оболочке ауры третьего участника. Реактор-антис качает энергию. Наладчик-брамайн занят стабилизацией. Эмпат-конвертор меняет формат паразитных гармоник страха. У антиса формируется комплекс ощущений, возникающих при выходе в волну. Эмпат переживает эти чувства как собственные, фиксирует в подробностях. Транслирует брамайну, даже не замечая, что творит. Силы эмпата на пределе, сосуды в мозгу готовы лопнуть от напряжения, но брамайн превращает страдание в накопление ресурса, распределяет, сбрасывает опасный избыток.

Периферия, соглашается гуру-прошлый. Жалких искусственных каналов бункера хватает лишь на миг, но йогин направляет избыток энергии туда, сжигая нервы обезумевшей техники, и это дает шанс всем троим.

Пульс выравнивается, звучит мощно, ритмично.

– Взлет!

– Om·kār ādināthāya namaḥ....

Пауза между здесь и там. Между твердью и космосом, материей и волной.

* * *

– Шри Сандерсон, вы – венец эволюции вашей расы. Я опрометчиво полагал, что триумф Ларгитаса – какой-нибудь супердвигатель. Нет, технологии – майя, иллюзия. Ваш путь отказа от внутреннего энергоресурса приводит к появлению телепатов.

– Готов ответить вам тем же, Вьяса-джи. Вы – венец эволюции вашей расы. Я опрометчиво полагал, что ваш триумф – зарядить какой-нибудь супераккумулятор. Нет, чепуха. Ваш путь – способность накрыть своей

аурой любую энергосистему, слиться с ней воедино. Убежден, что у гематров или вехденов тоже найдутся мастера, подобные вам.

– Вы правы, шри Сандерсон. И все-таки мы оба ошибаемся.

– В чем?

– Венец эволюции – антис. А мы с вами только взбираемся на эту вершину по разным склонам.

– Почему не взобрались? Разве мы не на вершине?!

– Вы искунитель. Вы дразните меня мечтой.

– Антическая инициация. Первая смерть, второе рождение. Что, если Натху нас инициировал? Даже не сам Натху, а его взлет?! Тесная связь разумов, общность энергетической оболочки, ваше искусство распределения, мой талант сопереживания...

– Я всю жизнь мечтал стать антисом. Знаете, что я чувствую сейчас?

– Что?

– Я боюсь.

– Я тоже. Мы пережили фактическую смерть наших тел. Неудивительно, что мозг заблокировал этот стресс. Юных антисов тоже трясет от одной мысли о повторном взлете.

– Да, смерть. И воскрешение в волне.

– Вьяса-джи, но если мы движемся в одном направлении... Мы, технологцы и энергеты. Неужели на вершине мы утратим различия? Станем антисами? А может, просто людьми?! Такими, какими нас задумала природа?

– Искунитель – знаток дхармы? Попроси вы у меня серьги – и я бы вам не отказал.

– Какие серьги?!

– Не важно. Я бы отдал вам лучшее из того, что имею.

VI

– Бежим!

Гром? Нет, это Натху кричит.

– Папа, за мной!

Вопль сына выдернул Гюнтера из чужой памяти – прямоком в ад.

Оазис на глазах превращался в кровавый водоворот. Вода в реке, тростник, кактусы, земля и трава – все сделалось зыбким, пришло в движение. Просело, закручиваясь против часовой стрелки, проваливаясь в тартарары. Вращение, поначалу медленное, с каждой секундой ускорялось.

В центре оазиса образовалась воронка, в нее ухнул замешкавшийся криптид. Беспомощно извиваясь, мелькнули щупальца, и жадная пасть проглотила беднягу.

– Прочь! Прочь отсюда!

Ловушка, на бегу понял Гюнтер. Западня. Вряд ли западня была намеренной: у «мигающей» червоточины, выходившей напрямик к черной дыре ВНЕ-2719-24, класс «извечных», не могло быть никаких намерений. Гибелью грозило природное явление, не знавшее страстей, а не чья-то злая воля. От этого смертельная опасность аномалии не уменьшалась ни на йоту.

Ноги вязли в песке. Раскаленный воздух обжигал кожу, кипел в легких. Небо давило на плечи, гнуло к земле. А они все бежали к мглистому горизонту, туда, где пустыня и небо сливались в туманный кисель.

Оазис скрылся из глаз.

Гибельное притяжение черной дыры должно было ослабнуть, сгинуть без следа, но легче не становилось. Пространство сплющивалось, размазывало беглецов, как масло, ровным слоем по пустыне. Отнимало третье измерение, превращало в тени. Видимость упала до десятка шагов. Спотыкаясь, они брели сквозь мглу, борясь с физическим сопротивлением пустоты.

Любая попытка выглянуть *из-под шелухи* в космос грозила обмороком. А может, космоса больше не было. Пространство? Время? Забудьте! Из двух реальностей стае оставили одну – вторичный эффект Вейса, галлюцинаторный комплекс.

Мгла поредела. Давление истаяло. Небо обрело краски. Песок сменил цвет с желто-серого на красновато-желтый. Барханы стали выше. Исчезли бесконечные разводы, от которых рябило в глазах. Вернулись колючие кусты и редкие пучки травы, сухой и жесткой, как проволока.

Впереди высились развалины, погребенные под завалами песка.

* * *

Первой напала коза.

Они уже подходили к руинам, когда бешеная коза молнией вылетела из развалин. С разбегу тварь врезалась в передового криптида, наподдав бедняге рогами, – так, что спрут чавкнул, уподобясь пудингу, по которому ударили кулаком, и колышущейся грудой улетел прочь. На достигнутом коза не остановилась. Крутнувшись на месте, она лихо взбрыкнула, словно

норовистый жеребец. Копыта задних ног пришлись второму криптиду в клюв, разинутый для атаки. Клюв хрустнул, спрут охнул, подгибая щупальца, и дал деру на полусогнутых. Сейчас флуктуация до боли напоминала пьяницу, улепетывающего на карачках от агрессивного приятеля.

Щупальце третьего, самого ловкого криптида хлестнуло козу по спине. Коза заорала дурным голосом, не имеющим ничего общего с привычным козьим меканьем. Скорее уж вопль напоминал сипение разъяренного варана, у которого отбирают добычу. Щупальце хлестнуло снова, угодив по козе, нет, не по козе, совсем не по козе, и близко не лежало...

Три метра роста. Стройное, изящное тело. Длинная шея. Жуткие когти передних четырехпалых лап. Морда вытянута, как у скаковой лошади, пасть распахнута. Блестят кривые клыки. Блестят глаза с вертикальным змеиным зрачком. Горло дергается, из пасти рвется грозное:

– С-с-с!

Флуктуация ударила в третий раз.

Первой напала коза.

Прямоходящий ящер, который еще недавно был козой, выскользнул из-под удара с грацией профессионального танцора. Щелкнули клыки, криптид охнул, булькнул, сдал назад, баюкая разорванное щупальце. Ящер задрал голову к облакам, издал боевой вопль, тряся обвисшей кожей на шее. Морда твари была перемазана кровью спрута, голубой, как небо.

«Зараза! – ужаснулся Гюнтер. – Он нам всю стаю перебьет!»

Скорость движений ящера приводила в трепет. Двое криптоидов чесанули прочь, но с равным успехом черепаха могла бы убегать от страуса. Ящер буквально сожрал расстояние между ним и беглецами. Взметнулись тонкие птичьи, на вид хилые лапы. Когти полоснули крест-накрест, и ящер завизжал от разочарования: не сбавляя хода, спруты присели с ловкостью цирковых гимнастов, уйдя из-под разящих кинжалов. Криптоидов занесло на повороте, вокруг флуктуаций поднялось облако пыли. Желто-ржавое, оно внезапно брызнуло темными нитями, черными с радужным отливом. Чернота распространялась по облаку с убийственной неотвратимостью гангрены. Влетев с разбегу в клубящийся ежевичный кисель, ящер на миг превратился в невидимку. Когда же он снова выскочил на свежий воздух, монстр чихал, кашлял, мотал башкой. Кажется, у него возникли проблемы со зрением, а может, и с нюхом.

Воспользовавшись удачей, стая надела на врага. Даже те, кто пострадал от рогов и копыт, даже бедолага с разорванным щупальцем – все кинулись в бой, и это оказалось ошибкой. Криптоиды толкались, мешали друг другу. Ящер же не только бегал быстро – приходил в себя он еще быстрее. Юркий, стремительный, монстр танцевал в гуще стаи, уворачивался от клювов и щупальцев, провоцировал врагов на столкновение. Когти и клыки трудились без устали. К ним присоединился хвост: подсечка следовала за подсечкой. Будь спруты двуногими, вроде их противника, давно бы уже валялись на песке. На счастье криптоидов, галлюцинаторный комплекс снабдил флуктуации восьмеркой гибких конечностей. На суше криптоиды себя чувствовали не хуже, чем в воде. Хвост ящера всего лишь выводил осьминогов из равновесия, заставлял качнуться в самый неподходящий момент. Умелый боец, ящер выжимал из этого преимущества все соки: вспарывал мантии, бил по глазам, отрывал присоски. Едва в окружении возникла брешь, он без промедления ринулся туда, вышел на оперативный простор – и свобода действий, к которой ящер так стремился, едва не стала для него ловушкой.

Земля содрогнулась.

Изогнувшись, как умеют только рептилии, ящер чудом увернулся от верной смерти. Натху издал гневный рев и снова замахнулся булавой. Там, куда пришелся первый удар, в грунте зияла вмятина, как от падения метеорита. Сообразив, где прячется победа, криптоиды шустро сдали назад. Пока ящер воевал со стаей, вожак не имел возможности махать булавой. Занятый схваткой, скованный в отношении маневра ящер был куда более удобной мишенью. Вмешайся Натху раньше – прихлопнул бы его как муху,

а вместе с ним пару-тройку членов стаи. Такой размен выглядел для вожака неприемлемым.

Булава опустилась на ящера, но из-под булавы выскочил барс.

Коза, ящер, барс – у стража развалин имелся не только умопомрачительный комплект обличей, но и десяток-другой жизней про запас. Только у одного барса, как у любой добропорядочной кошки, их было девять. Булава взлетала и падала, падала и взлетала. Барс припадал к земле, выгибал спину, уворачивался. Пустыня мало-помалу превращалась в лунный пейзаж, усеянный язвами кратеров. Натху ревел, топал, подпрыгивал, зависая в воздухе дольше, чем это считалось бы нормальным для такого гиганта, и бил, лупил, колотил. Тщетно – при всей своей невероятной силе питекантроп напоминал медведя, воюющего с комаром. Как и стая, медведь был изнурен дорогой, голоден, раздражен. Медведя мучили болезненные воспоминания и дурные предчувствия, а драка случилась так некстати...

Трехликий страж был у себя дома, на своей территории. Он не ведал страха, не знал усталости. Чувствовалось, что ему не впервой встречать незваных гостей.

– Om! Tryambakam yajāmahe sugandhim pusti vardhanam!..[\[20\]](#)

Барсу повезло. Изогнувшись дугой, вытянув для равновесия толстый пушистый хвост, кошка чудом разминулась с черным трезубцем. Еще чуть-чуть – и острия вонзились бы барсу в бок. Если бы в Ойкумене проводили конкурс для тех, кто меньше всего похож на йогина, лишённого страстей, этот брамайн с легкостью стал бы победителем. Куда и делся прежний, склонный к философии аскет? Как страж руин менял облики, так божество, даже находясь в жалком теле аватары, меняет имена. На место Рудры Благого, знатока восьмидесяти четырех тысяч разнообразных асан, пришел Пашупати[\[21\]](#), Хозяин Зверей, – беспощадный охотник, гроза лесов.

– Urvārukamiva bandhanān mṛtyor muksīya mā'mrtāt!..

Барс доживал последние секунды. Ни одна из личин не спасла бы его от трезубца. Ящер с его талантами, пожалуй, сумел бы сбежать, но пуститься наутек оборотню не позволяла гордость. Трезубец разил без усталости. Острей бритвы, наконечники сыпали мелкими, как разряды шокера, молниями. На барсе уже начала тлеть шерсть. Кое-где выступила кровь, сочаась из порезов. Пока еще сталь приходила вскользь, но близился миг, когда жало или молния глубоко вопьются в уязвимые места. Шкура леопарда на плечах брамайна ясно говорила о том, что барс не первый, чья судьба – пойти охотнику на плащ.

– Om! Tryambakam yajāmahe...

Отвечая молниям трезубца, развалины полыхнули иной молнией. Фигура человека, сотканного из огня, взлетела над стенами, над щербатыми краями, изъеденными временем, и по крутой параболе ушла в зенит. Казалось, в руинах сломали печать на древнем кувшине, чье горлышко было залито смолой, – и могучий джинн, кипя от ярости, перебродившей за века заточения в чистый спирт бешенства, вырвался на свободу: рушить дворцы и уничтожать армии.

Путь джинна завершался в том месте, где находился брамайн. Снаряд летел точно в цель, но снаряду не дали закончить полет. В самом начале спуска джинна встретила булава: Натху промахнулся, но ветра, поднятого булавой, хватило, чтобы живой огонь сдуло в сторону.

– Убью! – внятно пообещал гигант.

Барс обернулся ящером, готовясь атаковать замешкавшегося брамайна. Джинн оттолкнулся от земли, вновь набирая высоту. От них, стража-оборотня и огненного человека, несло удушающей вонью страха. Вонь забивала нос и горло, крала дыхание, подменяя его судорогами. Страх перерос в ужас, ужас – в панику. Криптиды сбились в кучу, настезь распахнули кожистые воронки на осьминожьих головах. Спруты не ведали боязни, но еда, вкуснейшая в мире еда сыпалась на них дождем, и стая не могла противиться разыгравшемуся аппетиту. Сейчас криптидов можно было брать голыми руками. Натху побагровел, на шее его вздулись синие канаты жил. Мальчик из последних сил боролся с паникой. Перейди он в режим существования, к которому привык за годы беготни по космосу, – и паника обернулась бы для Натху Сандерсона такой же едой, как и для стаи. Но тогда он тоже кинулся бы к пиршественному столу, забыв обо всем, и в первую очередь – о необходимости драться.

Насилие, пела паника тонким голосом флейты. Плен. Смерть. Насилие, откликалось все существо мальчика. Плен. Смерть. Вон отсюда, пела паника. Нет, отзывался мальчик. Нельзя.

«Нет» переплавлялось в «да». «Нельзя» – в «дозволено». «Дозволено» – в «необходимо».

Не слушай ее, вмещалась раковина в руках сатира. Заткни уши, сынок. Нет, лучше я сам заткну тебе уши. А еще лучше – я заткну ей глотку.

И когда паника возразила наглецу, усиливая звучание, превращаясь из флейты соло во флейтовый секстет, когда она плеснула в раковину пригоршню жгучего яда, из раковины в ответ поднялась такая паническая волна, что весь предыдущий ужас сгорел бы со стыда.

«Страх – врожденное оружие эмпата. В первую очередь

это безусловный страх, естественная реакция на силовой прорыв. Он отыскивает болевые, уязвимые точки агрессора, основываясь на жизненном опыте взломщика, и выводит нападающего из строя. Надо быть большим мастером, чтобы взломать защиту мощного эмпада. Но вдвое больше мастерства понадобится вам для того, чтобы справиться с ответным ужасом, который шарахнет по вам из всех орудий. Из ваших же собственных орудий, заметьте».

** * **

Гюнтер сделал шаг вперед.

Столкновение эмпатических волн отзывалось в мышцах спонтанными реакциями. Его тянуло, словно на веревке. Верхний регистр флейты иглой вонзался в перламутровое чрево раковины. Басы раковины накрывали флейту, топили, тащили на глубину.

Второй шаг. Третий.

Навстречу ему из развалин шла женщина.

Женщина с флейтой?

– Там сначала был цирк. Арена, трибуны... Но цирк быстро занесло песком. Я никогда раньше... Она подошла, и кошка тоже, и мальчик из огня. Мы поговорили, и все. Она сыграла мне на флейте. Это же ничего, если мы поговорили?

– Ты молодец. Ты даже не представляешь, какой ты молодец!

– Я потом хотел еще раз – туда. Не получилось. Она предупреждала: это случайность. И велела искать способы. Только способы должны искать вы. Мне еще рано. Вы ищите, вы хорошенько ищите. А если у вас не получится... Не бойтесь, я быстро расту.

Кавалер Сандерсон опустил раковину.

– Здравствуйте, госпожа Ван Фрассен, – произнес он в мертвой тишине. – Вы меня не помните? Я Гюнтер Сандерсон, вы купировали мне инициацию. И потом приходили, в интернате. То есть это я был в интернате. А вы были здесь, так? Ну, теперь мы оба здесь.

Регина Ван Фрассен уронила флейту.

Контрапункт

Жизнь и смерть, или Блюз обслуживающего персонала

Мы путаем старость и дряхлость. Именно поэтому дряхлые юнцы так любят высмеивать могучих стариков.

Из воспоминаний Луция Тита Тумидуса, артиста цирка

– Знаешь, мвензи^[22], мне повезло в этой жизни,
Ты знаешь, мвензи, мне повезло в этой жизни,
Я всех краше и всех умней,
Я обслуживаю богатых парней,
Они пьют и едят и думают обо мне:
«А не подкатиться ли нам к этой шиксе?»
Нет, белый бвана, мы не плечевые,
Да, белый бвана, давай чаевые,
Да и нет, нет и да,
И еще улыбка, тащись, мудак.

– Ты? Не знаешь?!

– Да. – Папа обиделся. – Да, я не знаю, что случилось с Нейрамом.

На острых, обтянутых кожей скулах играли каменные желваки. Еще недавно это было бы страшно. Сейчас Тумидусу хотелось встать и уйти, но он не мог. «Что ты имел в виду, говоря о рабстве? – спросила издалека Рахиль, возрождая скандал на заседании Совета антисов. – Ладно, молчи. Я об этом ничего не знаю и не хочу знать. У каждого из нас есть моменты, о которых лучше не напоминать...» Я напомню, пообещал ей Тумидус. Я так напомню, что чертям станет тошно.

– Двадцать лет назад, – уточнил консуляр-трибун. – Я думал, ты в курсе.

– Да хоть сто! Я что, сторож вашему Нейраму?

– И он тебе никогда не рассказывал?!

– Нейрам Саманган, – Папа Лусэро превратился в чиновника, записного бюрократа, подчеркивая официальность заявления, – не делится со мной подробностями своей личной жизни. Я не вхожу в число его близких друзей. Не уверен, что у него вообще есть близкие друзья.

– А у тебя? – спросил Тумидус.

Карлик смерил помпилианца взглядом:

– У меня? – Белые, лишенные зрачков глаза блестели, отражая свет месяца. – К сожалению, есть. К моему, понимаешь ли, глубочайшему сожалению. С такими друзьями я, похоже, никогда не сдохну.

– Не сдохнешь, – пообещал Тумидус. – Кстати, тебя не смущало, что Нейрам выглядит младше своих лет?

– Я слепой, – напомнил Папа.

– Не морочь мне голову! Знаю я, какой ты слепой! Смущало или нет?!

– Нет.

– Почему?!

– Нейрам ходит в качалку. Ходит? Да он, по-моему, из нее не вылезает! Качайся я столько, сколько Нейрам, я выглядел бы моложе своих внуков.

Они сидели на крыльце: Лусэро Шанвури и оба Тумидуса, старший и младший. Серпик месяца висел над ними, как гильотина, выбирая, на чью шею обрушиться. В ночи бродили тени, слабо отличимые от тьмы. Тени подслушивали, шептались, спорили. Тени делали ставки на жизнь и смерть. Жены спали, дети тоже спали. Лишь у забора, привалясь широкой спиной к доскам, перебирала струны гитары любимая, старшая жена Папы. У многоженцев в фаворитках ходят младшие, бойкие на передок супруги, но карлик и здесь отличился: синий шарф любимицы носила старая толстая женщина, чьи отекавшие с возрастом ноги прошли долгий путь рядом с Папой Лусэро, этим обожаемым тираном и самодуром вне конкуренции. Хриплым контральто любимая жена пела «Блюз обслуживающего персонала»:

– Знаешь, мвензи, моя смена подходит к концу,
Ты знаешь, мвензи, моя смена подходит к концу,
Я виляю попой, я на каблуках,
Я несу тарелку в обнаженных руках,
И парни себя чувствуют на облаках:
«А не заказать ли нам еще по пивцу?»
Нет, белый бвана, мы не плечевые,
Да, белый бвана, давай чаевые,
Да и нет – значит все равно,

И еще улыбка, тащись, говно.

– Ты в курсе, что Нейрам был рабом? – напрямик спросил Тумидус. – Он не всегда ходил в качалку. Я застал его в Эскалоне, в помпилианском квартале. Нейрама считали овощем – все, кроме наших. Мы, волки Помпилии, называем таких *роботами*. Если раба выкачать, выжать до капельки, он превращается в робота. Говоря научным языком, уровень субъективной свободы такого раба достигает в процессе энергетической эксплуатации неотторжимого естественного минимума...

– Состояние робота, – подключился Марк. Похоже, он прогуливал в школе не все уроки, а может, восполнил пробелы в военном училище, – является финальной точкой либертатной деградации. Векторное пространство степеней субъективной свободы свертывается...

Папа ткнул в молодого офицера кукишем:

– Волки? Дятлы вы, а не волки! Тарахтите почем зря! Нейрам был рабом? Кому вы это втираете?! Антиса нельзя взять в рабство. Если ты, братец волк, сунешься к антису со своим клеймом... Знаешь, что будет? Пш-ш-ш!

Руками он показал, что значит «пш-ш-ш»: раз – и сгорел.

– Нейрама не клеймили. – Тумидус понял, что надо запастись терпением. Тот еще подвиг: с терпением у «брatца волка» всегда было плохо. – Ему подсунули запись арт-транса с психическим состоянием робота. Трансляция прямо в мозг, с фиксацией этой, как ее? Финальной точки либертатной деградации. Пш-ш-ш – и ты раб со справкой!

– Я не спрашиваю, откуда тебе это известно. – Папа поджал губы. – Я спрошу другое: Нейрам разрешал тебе делиться такими секретами? Это подло, белый бвана. Я – скверный человек, это подтвердит вся местная шпана. Но даже для меня это слишком. Я не хочу тебя слушать.

Тумидус взял его за плечи:

– Ты будешь слушать. Если ты заткнешь уши, я буду писать у тебя на лбу. Если отвернешься, я зайду с другой стороны. Если попробуешь уйти, я велю Марку держать тебя силой. Взлететь ты все равно не сможешь, значит деваться тебе некуда. Подлец я или ангел, я буду спасать тебя до самой последней минуты. Не получится? Тогда я скажу себе, что моя совесть чиста, и выпью на твоих поминках. Моя совесть подлеца, изменника, торговца чужим грязным бельем – она чище спирта, и хватит об этом.

На миг Тумидус обрадовался, что Папа Лусэро – не Нейрам Саманган и даже не похож. Возьми он за плечи Нейрама, и тот, здоровенный как

саблезубый тигр, оторвал бы Гаю Октавиану Тумидусу лапки с крылышками, словно назойливому жучку.

– Ты будешь слушать, – повторил он и начал рассказ.

Двадцать лет как ветром сдуло. Курортная Китта обернулась архаической Террафимой; район, где жил буйный антис Папа Лусэро, – помпилианским кварталом Эскалоны. Двор стал гладиаторием, пансионатом семейного типа, где жили рабы, свободные наполовину. Их называли *семилибертусами*– тех, кто выступал на «арене», в ток-шоу для хозяев выворачивал себя наизнанку, демонстрировал скелеты в шкафу, публично выдавливал моральные прыщи, уверяя, что его жизнь – дерьмо, только дерьмо, и ничего, кроме дерьма. Каждый честный рабовладелец мог видеть: раб не человек, раб – ничтожество, тварь дрожащая. Раб не годится ни на что путное, кроме как заряжать энергией аккумуляторы Великой Помпилии. На нижних этажах гладиатория в отдельных камерах держали роботов; пустые батарейки, способные только драться друг с другом, роботы утратили связь с окружающим миром и нуждались в регулярном уходе семилибертусов. Одним из роботов был Нейрам Саманган, лидер-антис расы Вехден, в чьих мозгах плескалась отрава психологического рабства. Диверсия, спланированная женщиной столь же коварной, сколь и несчастной, увенчалась успехом. Юлия Борготта...

– Юлия Руф, – исправился Тумидус. – Фамилию она сменила позже, выйдя замуж. Дочь Тита Макция Руфа, имперского наместника на Квинтилисе. Бонийский университет, доктор социостратегии. Она записала психическое состояние робота на плесень *куим-се*, как пишут фильмы арт-транса. Записала и спровоцировала Нейрама стать реципиентом этой записи.

– Я думал, что знаю Юлию, – пробормотал карлик. – Продолжай.

Двор снова стал гладиаторием. Лючано Борготта, наполовину свободный раб Гая Октавиана Тумидуса, кормил с ложечки полностью лишенного свободы робота Пульчинелло. Кормил, ухаживал, подарил смешное прозвище. Когда Борготта оказался в космосе, на борту корабля, носящего имя «Нейрам» – у судьбы есть чувство юмора! – Пульчинелло последовал за кормильцем, не понимая, что делает. Робот всего лишь хотел есть. «Горячий старт» – и робот ушел в космическое пространство, оставив позади себя развалины Эскалоны. Сила вернулась к антису, сила, но не разум. Разум вернется позже, когда...

– Я думал, что знаю Борготту, – пробормотал карлик. – Кормил Нейрама с ложечки? Нейрам взлетел за порцией каши?! Продолжай. Честно говоря, я не представляю, что могло вернуть разум бедняге.

– Война, – ответил Тумидус.

– Война? Ты шутник, бвана. Война сводит с ума.

– Наш флот вошел в сектор вехденов. Великая Помпилия поддержала михрянских сепаратистов в их стремлении к государственности. В ответ кей Ростем I пригрозил поднять в космос Второй гвардейский флот вехденских ВКС. Это не остановило бы наши эскадры, но их остановил Нейрам. В мозгу антиса эта битва наложилась на прошлую, в которой он принимал участие: Нейраму было восемнадцать лет, когда он разбил нас под Хордадом. Он взлетел с Михра, думая, что взлетает с Хордада; стресс – и здравый рассудок вернулся к вчерашнему роботу. Здравый рассудок и свобода. Нейрам расплатился амнезией, утратив воспоминания о периоде своей жизни между битвами. Амнезией и возрастом: вернувшись из большого тела в малое, он восстановился юношей, каким воевал под Хордадом. Качалка? Нет, Папа, он выглядит так молодо вовсе не из-за качалки...

– Я думал, что знаю жизнь, – пробормотал карлик. – Слепой дурак! Я и смерти-то не знаю.

Тени толпились вокруг. Пела блюз старая женщина:

– Знаешь, мвензи, я устала, я иду домой,
Я так устала, мвензи, я иду домой,
Саксофон лабает тяжелый бред,
Парни курят траву и смотрят мне вслед,
Я везучая курва, тут спору нет,
Как же мне везет, ах ты боже ж мой!
Нет, белый бвана, мы не плечевые,
Да, белый бвана, давай чаевые,
Да и нет, от угла по прямой,
И еще улыбка, тащусь домой.

– Я найду работа, – пообещал Тумидус. – Я достану плесень *куим-се* и ванну для записи. Если понадобится, я найду оператора, имеющего опыт. За шкирку приволоку! Тебя нельзя взять в рабство, Папа? Мы повторим эксперимент с Нейрамом. Ты станешь роботом, рабом, полностью лишенным свободы. А потом мы отыщем для тебя подходящий стресс. Раз – и ты взлетаешь...

«Горячий старт», вспомнил он. Нейрам взлетел за ложкой каши – и пол-Эскалоны обратилось в руины. Если Папа, сделавшись роботом,

взлетит «по-горячему»... Тумидус отчаянно замотал головой. Остатки хмеля выветривались с ужасающей быстротой, и это было плохо, очень плохо. Трезвость оглушала, лезла с непрошеными советами. Нет, чепуха! Нейрам – это Нейрам, а Папа – это Папа. Робот или нет, Лусэро Шанвури не причинит вреда окружающим людям. Если учитывать все накладки, которые только возможны, и шаг вперед не сделаешь. Будешь топтаться, взвешивать, жевать сопли...

– Ты взлетаешь, – твердо заявил он, – а возвращаешься уже молодым. Ты, главное, не умирай, пока я не раздобуду все это. Я быстро, ты только не умирай...

– Ты достаешь плесень и ванну, – вмешался Марк. – Оператора приведу я.

– Живого, – напомнил Тумидус-старший. – И без тяжких телесных. Он хорошо знал своего племянника.

– Волки, – ласково протянул Папа. – Волчары зубастые.

Карлик обнял помпилианцев за плечи. Это было неудобно, с Папиным-то ростом, но все сделали вид, что так и надо.

– Белые бваны, мудрые бваны. Добрые! Робота из меня делать будут. Ладно – плесень. Ладно – ванна. Оператор. Где вы стресс раскопаете? Мне же стресс нужен, иначе не взлечу. Славный такой стресс, чтоб до печенок пробрало! А не взлечу, так и не омоложусь.

Тумидус стряхнул Папину руку с плеча:

– Стресс ему! Стресс – твоя забота. Обнаглел вконец: дали кашу, дайте и ложку! У тебя что, в жизни не было подходящих стрессов? Если меня начнут убивать, ты не взлетишь, да?

– Не взлечу, – грустно сказал Папа.

– Даже помочь не взлетишь?

– Даже помочь. Пусть тебя убивают без моей помощи.

– Думай! Ради чего ты бы из гроба восстал?!

– Кровь, – внезапно произнес Марк. – Вот зараза!

– Что кровь? Где кровь?

– Вот. – Молодой офицер выставил указательный палец. С пальца на ладонь текла черная струйка. – Гвоздь торчит в крыльце. Давайте заколочу, мне не трудно.

– Кровь! – завопил Тумидус. – Ну конечно же Кровь! Папа, ты помнишь?

Карлик с подозрением уставился на консуляр-трибуна.

– Ты должен помнить! – ликовал Тумидус. – Кровь, система Астлантиды. Антисам нельзя выходить в Кровь. А ты вышел, вылетел из

корабля. Вспомнил? По нам выпустили ракету с ядерной боеголовкой. Ты вышел в космос и проглотил взрыв. Мой коллант еще вытаскивал тебя обратно...

– Ну, – осторожно согласился Папа. – И что?

– Ракета. – Тумидус уже прикидывал варианты. – Ракету я достану. Марк, стрелять придется с Китты. Справишься? Корабль – не проблема. Одолжу галеру у кого-то из наших. Для стресса нужно, чтобы ты нас спасал. Не меня, а нас. С коллантариями я договорюсь. Значит, мы взлетаем, Марк шарашит по нам ракетой. Ты, Папа, – робот, тупой баклажан, но нам угрожает гибель. Ты летишь, глотаешь взрыв, мы тебя вытаскиваем. Ты восстанавливаешь малое тело по матрице инцидента под Астлантидой. Вот это стресс! Всем стрессам стресс! Когда это было?

Он стал загибать пальцы, считая. Марк сосал пострадавший палец, придерживая его большим, и Тумидус взял эти пальцы в расчет:

– Точно, двенадцать лет назад. Маловато, но сойдет. Значит, ракета, галера, коллант...

И потух:

– Нет, пустое. О главном забыл...

Папа кивнул:

– Главное – это я. А я не соглашусь. Я хочу жить, но не такой ценой. Если стресс не сработает, если я не вылечу навстречу ракете – вы все погибнете. Прости, добрый бвана, даже для меня это слишком.

– Ты-то согласишься, – отмахнулся Тумидус. – Тебя я заставлю. Ракетчики не согласятся. Ракету с плоскости не запустишь, нужна пусковая шахта. Захват шахты – реально, но проблематично. Заменить на залп плазматоров? Нет, стресс надо воспроизводить максимально точно. На плазматоры ты можешь и не взлететь. Взять ракету на галеру, вывести наружу уже после взлета... Диспетчеры засекут. Вышлют перехватчик, сорвут всю операцию.

– В тюрьму сядем, – подсказал Папа.

– А тебе что? Ты робот, ни капли свободы. Тебе хоть тюрьма, хоть курорт – все едино. Ты, значит, робот...

Тумидус вздохнул:

– Тоже, кстати, вариант. У Нейрама, когда он заразился, первым делом отключился выход в волновое состояние. Смерть? Старуха с кремневым топором? Роботу без разницы: жизнь, смерть. Значит, роботом и ты не взлетишь. Смерть придет, а ты не взлетишь. Умрешь спокойно, без мучений. И держать тебя не придется...

– Нет, – твердо произнес Папа Лусэро. Впору было поверить, что

стресс, изобретаемый Тумидусом, уже состоялся и Лусэро Шанвури чудесным образом помолодел. – И думать не смей, приятель. Умереть рабом? Нет, лучше в мучениях, но свободным.

Старая женщина вывела блюз на репризу. И карлик затянул, нарочито гнусавя:

– Знаешь, мвензи, мне повезло в этой жизни,
Ты знаешь, мвензи, мне повезло в этой жизни...

Эпилог

– Следуйте за мной, прошу вас.

– Да, конечно.

Сколько же здесь коридоров, думал Седрик Норландер. Фантастика! Снаружи здание сякконского консульства не казалось таким уж просторным. Напротив, оно производило самое скромное впечатление: два этажа, окна закрыты расписными ширмами, по карнизам крыши – смешные завитушки. Впечатление усиливалось оградой в рост высокого человека, сделанной из пожелтевшего от времени бамбука. До груди бамбучины лежали горизонтально, вплотную друг к другу, а выше – в виде косой решетки. Зная сякконцев, помешанных на традициях, можно было предположить, что бамбук везли на Ларгитас с Сякко, и не просто везли, а стартовали в шестой день месяца Любования Луной, и не просто с Сякко, а с побережья Тендокай, из священной рощи Икута-но-Мори, где до сих пор обитают духи со скверным характером и волосами до коленей.

Снаружи – лаковая шкатулка для шпилек, в тесноте, да не в обиде, и вот нате вам: коридор за коридором! Налево, направо... Хорошо хоть секретарша попалась симпатичная. Одета в длинное платье, волочившееся за ней по полу, провожатая семенила мелкими шажками, ставя ноги практически на одной линии. Центр ее, так сказать, тяжести, обтянутый тканью цвета венозной крови, изящно двигался в ритме ходьбы, привлекая внимание. Шикарная задница, оценил Седрик. У меня такой никогда не было. В смысле, у моих подружек не было. Узнать, что она делает вечером? В смысле – не задница, а секретарша...

Не боишься? – спросил он себя. И честно ответил: боюсь. Собеседования боюсь, да, а в остальном – храбрей храброго.

Он действительно не боялся, что его фривольные мысли станут достоянием общественности. Еще в интернате, сдавая экзамен по социализации, Седрик попал на такую жестокую подставу, что пси-блоки, ограждающие разум Норландера от произвольных выхлопов и случайных проникновений, превратились в броню. Даже если секретарша – телепат, даже если кто-то сейчас сканирует гостя, укрывшись в одной из комнат, – дудки вам, а не мечты здорового молодого человека, которому ничто человеческое не чуждо.

– Вечером я занята, – не оборачиваясь, уведомила секретарша. – И завтра тоже.

– Что? – растерялся Седрик. – Я ничего такого...

– Все интересуются. Не сразу, после собеседования. Поэтому я предупреждаю заранее, для экономии времени и сил. Если все пройдет удачно, Норландер-сан, мы можем обсудить четверг, после семи часов.

– А если неудачно? – вырвалось у Седрика.

– Тогда вы вряд ли захотите меня видеть. Я буду напоминать вам о негативных переживаниях. Это плохой стимул для развития отношений. Кстати, я сякконка только на четверть, по бабушке. Родилась на Ларгитасе, училась в том же интернате, что и вы.

– В «Лебеде»? Я бы знал!

– Я старше вас на шесть лет. Будь я чистокровная сякконка, я бы с вами не заговорила. Все, пришли. Вторая дверь налево.

Пропустив Седрика вперед, секретарша быстро скрылась за поворотом. Чувствуя себя молокососом, которого на глазах у сверстников *отрихтовала* старшеклассница, Седрик сделал пару глубоких вдохов, возвращая спокойствие. Скверное начало для собеседования – лелеять обиду! Четверг, после семи часов? Будем надеяться, это не пустые слова.

Седрик подергал дверь. Заперто?

– Потяните в сторону, – подсказали из кабинета. – Она на роликах.

Вспыхнув от смущения, Седрик сделал, как ему было велено.

Кабинет пустовал, если говорить о мебели. На полу лежали циновки, плетенные из тростника. Седрик не удивился бы, узнав, что они набиты рисовой соломой. Ручная работа, в сети магазинов «Дары Сякко» каждая такая циновка стоила целого состояния. Ближе ко входу расположился столик из некрашеного дерева – низенький, по колено. На столике ждала своего часа посуда: чайничек для лилипутов и две чашечки для фей, живущих в цветах.

– Присаживайтесь. – Хозяин кабинета стоял у окна, спиной к Седрику. – Велеть, чтобы вам принесли стул?

– Спасибо, не надо.

– Седрик Норландер?

– Да.

– Т-психолог при молодежной сборной Ларгитаса?

– Да, хоккей с шайбой.

Седрик остался стоять. Несмотря на приглашение, ему казалось, что будет неправильным сесть первым.

– Вы соискатель обучения на Сякко?

– Да, я подал заявление в прошлом месяце.

Хозяин кабинета обернулся. Седрик увидел плоское лицо с высокими

скулами. Узкие глаза без двойного века. Черные волосы. Тонкие губы. Уши с аккуратными мочками.

– Яей, – подсказал сяконец.

– Что?

– Яей. Так называется мой тип внешности. Если вы будете учиться на Сякко, вам не повредит разбираться в наших реалиях. Хотя это и не обязательно. У вас есть поручитель?

– Есть.

Седрик знал, что на Сякко в ходу личные рекомендации. Кто-то, уже прошедший сякконскую школу, должен был прилететь на Сякко с соискателем и поручиться за него. Еще Седрик знал, что все, кто учился на Сякко, становятся внештатными сотрудниками службы Т-безопасности Ларгитаса. Это его не смущало, напротив, радовало. Смущало его другое: никого из молодых менталов, пожелавших учиться на Сякко, не вызывали в консульство на собеседование. Все решалось на Сякко, после прилета соискателя. За что ему выпала такая честь, Седрик не знал.

– Кто это?

– Нильс Коре.

– Главный психолог Министерства спорта и туризма?

– Да.

Зачем он спрашивает, подумал Седрик. Наблюдает за моей реакцией?! Размышляет о чем-то своем?! Вызов в консульство внезапно показался Норландеру дурным знаком.

– Садитесь, – повторил сяконец, делая шаг к столику. Опустившись на колени, он продолжил движение, сев на пятки и выпрямив спину. – Я уже оценил вашу деликатность. Садитесь, Норландер-сан, нам есть о чем поговорить.

Дублировать позу сякконца Седрик не рискнул. Перед походом в консульство Норландер-сан усердно тренировался, и все равно: пять минут, максимум семь, и ноги немели, как у паралитика. Встать потом было затруднительно. Соглашаться на стул тоже нельзя: может ли соискатель возвышаться над тем, кто решает его судьбу?

Седрик сел, скрестив ноги. Кимоно, отметил он, глядя на сякконца в упор. Смотреть иначе как в упор не получалось: слишком маленьким было расстояние между двумя мужчинами. Два или даже три кимоно, одно поверх другого. Верхнее – темно-синее, с матовым узором. На плечах – накидка, схваченная шелковым шнуром. Над сердцем – герб: золотой скорпион в черном круге.

Скорпион?

Краем уха Седрик слышал о Скорпионах сякконского клана психиров. Так, обрывки, сплетни: что-то вроде службы Т-безопасности, охраняющей менталов от насилия со стороны обычных людей. Зачем Скорпиону понадобилось лететь на Ларгитас для беседы со скромным господином Норландером?!

Дурной знак, уверился Седрик.

– Чаю? – предложил Скорпион. – Вы пьете зеленый?

– Спасибо, пью.

Чай пах рыбой. Седрик пожалел, что не отказался.

– Я читал вашу анкету. – Скорпион сделал крошечный глоток и зажмурился от удовольствия. – Вы образцовый кандидат, Норландер-сан. Разрешите представиться: Кагава Джиро. В переводе это значит «второй сын благоухающей реки». – Скорпион улыбнулся. – Мы помешаны на традициях, это знает вся Ойкумена.

Седрик поклонился:

– Рад знакомству, Кагава-сама.

– Не называйте меня так, – попросил Скорпион. – Я вижу, что вы подготовились к разговору, и все же не надо. Между нами нет столь большой разницы в социальном статусе. И уж тем более вы не священник, а я не божество. «Кагава-сан», этого будет достаточно.

Он сделал второй глоток. Седрик последовал его примеру. Чашка вмещала не больше трех глотков, и Седрик дал зарок, что новой порции не возьмет.

– Превосходный чай. – Скорпион закрыл глаза. – Превосходная анкета. Превосходный поручитель. Вы – счастливчик, Норландер-сан. Я бы рискнул побиться об заклад, что Сякко с радостью примет вас, но сперва мне надо кое-что уточнить. Могу ли я рассчитывать на вашу откровенность?

– Разумеется.

– В анкете есть раздел «Травмы и отклонения». Мы с вами хорошо знаем, о чем там идет речь. Уж конечно, не о переломах запястья или сексуальных пристрастиях! Также мы знаем, что врать при поступлении в храмовые школы Сякко – недопустимый риск.

– Я не врал! – обиделся Седрик.

– Да, вы написали правду, и это делает вам честь. Итак, в девять лет вы обратились к интернатскому врачу с жалобой. Вас мучили видения, так?

– Так. Это нормально для...

– Я вас не обвиняю. Я хочу знать содержание ваших видений.

– Я кратко изложил в анкете...

– Я хочу услышать это от вас.
– Там был город. Древний город: развалины, занесенные песком. Из развалин ко мне выходила женщина с флейтой. Просила передать...
– Что? Кому?
– Не знаю. В этот момент я разрывал контакт. Доктор прописал мне недельный курс специальных препаратов, и видения прекратились.
– А у других?
– В смысле?
– Вы уникам или у ваших сверстников случались аналогичные видения? Напоминать вам о риске лжи я считаю излишним. Вы – честный человек, вы скажете правду. Тем более что правда ничем не грозит вашим одноклассникам. Вам она может обеспечить кое-какие льготы, но напоминать об этом я тоже считаю излишним. Уверен, вы будете откровенны без дополнительных мотиваций.

Тиран, вспомнил Седрик. Тиран задавал такие же вопросы.

– Да, – кивнул он. – Случались.

– Руины? Женщина с флейтой?

– Да.

– Еще чаю?

– Да, спасибо.

Чай пах рыбой, но Седрику хотелось пить.

– Последний вопрос. – Скорпион наклонился вперед. – Вы позволите мне снять энграмму этого воспоминания? Я опытный специалист, я сделаю это без малейших последствий для вашей психики.

– Энграмму?!

– Да. В обмен на ваше любезное согласие я уполномочен предложить вам бесплатное обучение на Сякко, в Третьем храме. Более того, вам будут платить стипендию. Что скажете, Норландер-сан?

– Что я скажу?

Седрик залпом осушил чашку.

– На таких условиях, Кагава-сан, вы можете прихватить заодно и мои воспоминания о потере невинности. В качестве бонуса, а? Кому еще из моих сверстников вы предложили аналогичный вариант?

– Никому. – Скорпион пожал плечами. – Здесь нет дискриминации или протекционизма. Вы единственный, кто подал заявление и заполнил анкету. Последний вопрос: Гюнтер Сандерсон входит в число тех, кого посещала женщина с флейтой?

– Входит. Кажется, он тоже единственный.

– В смысле?

– Единственный, кто дослушал просьбу флейтистки до конца.
– Откуда вам это известно?
– От Гюнтера. Мы были друзьями, он поделился со мной.
– О чем просила флейтистка?
– Она послала Гюнтера к адъютант-генералу Бреслау. Просила передать, что не сердится. Велела искать способы.
– Способы чего?
– Не знаю. Бред, правда? Я так и сказал Гюнтеру: бред.
– А он? Он вам ответил?
– Не помню уже. Вроде бы нет. Нас позвали на ужин, мы и пошли.
Восстановить этот эпизод? Если что, я готов вспомнить.
– Спасибо, не нужно. Говорите, вам тогда было по девять лет?
– Мне – девять. Гюнтеру – десять. Когда вы снимете энграмму?
– Сейчас. Вы готовы?
– Готов.
– Расслабьтесь, Норландер-сан. Я буду очень осторожен. Медленно снимайте защиту. Куда нам торопиться? Столько лет ждали, подождем еще немного. У таких дел нет срока давности. В конце концов, это же не сериал, зритель не требует от нас скорейшего продолжения...

* * *

Оставшись в кабинете один, Скорпион долго стоял у окна. Ширма из крашенных дощечек, расписанных фениксами и павлинами, разъехалась в стороны, открывая вид на внутренний дворик. Здесь в прошлом году разбили *карэсансуй* – сухой пейзаж, или сад камней, как называли его ларгитасцы. Ландшафтных дизайнеров специально привезли с Сякко для этой цели. Камней было девять, все вулканического типа: три лежащих, два изогнутых, четыре «статуи». Основное пространство засыпали галькой и белым песком, после чего граблями вычертили подобие водной ряби. Окно кабинета служило идеальной точкой обзора – с северной стороны, чтобы солнце в зените не слепило глаза. Деревьев в саду не росло – истинный *карэсансуй* должен напоминать о смерти, а дерево, как ни крути, символ жизни.

Да, смерть. Главное дело, ради которого Кагава Джиро во второй раз прилетел на Ларгитас. Скорпион не солгал Седрику Норландеру – его действительно звали Кагава Джиро. Он не солгал и в остальном, что обещал. Ложь в данной ситуации была, во-первых, неуместна, во-вторых,

постыдна и, наконец, опасна. Такой сильный эмпат, как молодой господин Норландер, мог обнаружить следовые реакции лжи, и тогда все сорвалось бы.

– Здравствуйте, Регина-сан, – шепнул Скорпион. – Давно не виделись.

Выбирая Скорпионов для возмездия, старейшины клана всегда доверяли новое дело тому, кто был лично знаком с потерпевшим. В случае выбора между двумя исполнителями предпочтение отдавалось знакомству в достаточной мере, такому, чтобы в памяти Скорпиона остался ясный образ объекта, но не слишком близкому, и уж тем более не любви, дружбе или родственным связям. Даже у самого стойкого человека тесные узы, отягощенные болью потери, могут затуманить холодное зеркало разума и спровоцировать безрассудное желание мстить как можно быстрее.

Образ объекта. Желательно во время ментальных действий для фиксации почерка – индивидуальных кси-характеристик. Диспетчеры космодромов и навигаторы кораблей, все, кто имеет дело с пролетающими мимо антисами, сказали бы: волновой слепок. Образ женщины с флейтой, позаимствованный из памяти Седрика Норландера, полностью соответствовал образу госпожи Ван Фрассен.

Ошибка исключалась.

– Да, Регина-сан. Я вас помню.

– *Женщина с флейтой. Регина-сан, вы приходили к этому мальчику?*

Я помню, мысленно повторил Скорпион. Тридцать два года назад. Сякко, берег пруда. Девушка-абитуриентка, гражданка Ларгитаса. Вторая девушка, подруга первой. Схватка *под шелухой*: два на два, вернее, двое на дюжину. Старшекурсники Третьего храма свято чтили традицию унижать

новеньких^[23]. Варвары говорят: проверка на вшивость. Сякконцы говорят иначе: вынуть моллюска из раковины. Как ни говори, смысл один. Яцуо Кавабата, тебя я тоже помню. Ты усердствовал больше других, переходя границы допустимого. Ты и позже шагнул за черту – криминал, измена клану, грязный путь *борекудан*^[24], смерть. Впрочем, речь не о тебе. Речь о Регине Ван Фрассен, которую ты возненавидел с первой минуты. Я видел ненависть в твоих глазах, когда ты очнулся после удара наставника, прервавшего потеху. Я дышал твоей ненавистью, слушал ее как музыку, пил как грязную воду. Твой однокурсник, я был скромным свидетелем. Благодаря твоей ненависти, Яцуо Кавабата по прозвищу Бритва, ментальный образ Регины Ван Фрассен намертво впечатался в мою память.

– Павильон Шести Сомнений. Регина-сан, после того поединка наставник пригласил вас в Павильон Шести Сомнений. Меня никто никуда не приглашал, но сейчас я тоже в павильоне. Шесть сомнений, сто, тысяча. Вы мне сочувствуете?

«Там был город. Древний город: развалины, занесенные песком. Из развалин ко мне выходила женщина с флейтой...»

– Женщина с флейтой. Регина-сан, вы приходили к этому мальчику? Вы приходили к этим мальчикам?! Им было по девять-десять лет...

Он быстро подсчитал в уме. Госпожа Ван Фрассен являлась ученикам специнтерната «Лебедь» около пятнадцати лет назад. Возможно, это случилось и раньше. В любом случае Седрик Норландер и Гюнтер Сандерсон вступали с госпожой Ван Фрассен в телепатический контакт спустя пять лет после даты ее официальной смерти.

– Она послала Гюнтера к адъютант-генералу Бреслау. Просила передать, что не сердится. Велела искать способы.

– Способы чего?

– Не знаю. Бред, правда? Я так и сказал Гюнтеру: бред.

– Его нельзя наказывать, – произнес Скорпион вслух. Голос звучал твердо, словно Кагава Джиро убеждал кого-то, обладавшего не только упрямством, но и властью. – Пока мы не разберемся во всем до конца, господина Бреслау наказывать нельзя. Мы должны выяснить степень его участия. Мы должны выяснить, воскресают ли мертвецы. Мы должны выяснить, какие способы надо искать. Нас ждет трудный путь. Надо торопиться, мы и так опоздали с выходом.

За окном раскинулся *карэсансуй* – сухой пейзаж. Девять камней, но с

любой точки обзора зрителю открывались восемь, не больше. Девятый камень оставался невидимкой.

notes

СНОСКИ

См. роман «Ойкумена. Книга 1. Кукольник» – первый роман эпопеи «Ойкумена».

См. роман «Дикари Ойкумены. Книга 1. Волчонок» – третий роман эпопеи «Ойкумена».

См. роман «Urbi et orbi, или Городу и миру. Книга 1. Дитя Ойкумены» – второй роман эпопеи «Ойкумена».

4

Чтоб я сдох! (южный диалект овакуруа)

Проклятье!

Марвари (фамилия субедар-майора) на языке брамайнов означает также редкую породу лошадей небольшого роста, предназначенную для военных действий. Марвари верные и храбрые в бою. Отличительный признак породы – уши особой формы, сложенные в виде сердечка.

Буквально «пьющий кровь». Разновидность ракшасов.

См. роман «Ойкумена. Книга 2. Куколка» – первый роман эпопеи «Ойкумена».

Оживленно.

Живо.

Быстро.

Скорый темп (буквально «весело»).

Умеренно.

Очень живо.

В темпе марша.

Очень быстро.

Широко.

Оживленно.

Вина – старинный щипковый музыкальный инструмент. Среди брамайнов-музыкантов распространена Рудра-вина – громоздкая, с парой больших резонаторов, выполненных из особой разновидности тыквы и соединенных грифом с прикрепленными к нему ладами.

«Мантра великого победителя смерти». Обращение за помощью к Трехглазому Господу более чем уместно в случае столкновения с трехликим противником.

Пашупати – одно из имен Рудры.

Подруга (южный диалект овакуруа).

См. роман «Urbi et orbi, или Городу и миру. Книга 2. Королева Ойкумены» – второй роман эпопеи «Ойкумена».

Борекудан – банда, мафия. Сякконские преступники не любят этот термин, поскольку он носит презрительный оттенок.